Рой Медведев

Они окружали Сталина

Рой Медведев

Они окружали Сталина

Москва
Издательство
политической
литературы
1990

ББК 66.61(2)8
М42

Медведев Р. А.

М42 Они окружали Сталина.— М.: Политиздат, 1990.— 351 с.: ил.
ISBN 5—250—01341—4

Известный публицист и историк Рой Медведев включил в свою книгу шесть политических портретов людей, входивших в разное время в ближайшее окружение Сталина: В. М. Молотова, Л. М. Кагановича, А. И. Микояна, К. Е. Ворошилова, Г. М. Маленкова, М. А. Суслова. Все они, типичные представители сталинской системы, сыграли определенную роль в жизни нашего общества, поэтому судьбы их поучительны и интересны для тех, кто хочет знать правдивую историю нашей партии и страны.

Книга рассчитана на массового читателя.

$М\frac{0503020000—144}{079(02)—90}$

ББК 66.61(2)8

ISBN 5—250—01341—4

ПРЕДИСЛОВИЕ

В этой книге излагаются шесть кратких биографий, шесть политических портретов людей, входивших в разное время в ближайшее окружение Сталина: Молотова, Кагановича, Микояна, Ворошилова, Маленкова и Суслова.

Могут спросить — почему из множества людей, в разное время стоявших в непосредственной близости к Сталину и обладавших большой властью, я избрал приведенные выше шесть имен? Почему я не рисую портреты Г. К. Орджоникидзе, С. М. Кирова, М. И. Калинина, А. С. Енукидзе и других, кто при всех своих недостатках составлял лучшую часть ближайшего окружения Сталина в конце 20-х и первой половине 30-х годов? Почему я, с другой стороны, не привожу в своей книге политических биографий таких людей, как Н. И. Ежов, Л. П. Берия, Г. Г. Ягода, А. Н. Поскребышев, Л. З. Мехлис, А. Я. Вышинский, и других, составлявших худшую часть помощников и приближенных Сталина?

Мой ответ прост. Все перечисленные выше люди, портреты которых отсутствуют в нашем очерке, погибли или умерли еще при жизни Сталина или ненадолго его пе-

режили. Я же хотел проследить политическую и личную судьбу тех, кто вступил в партию и начал свою политическую карьеру еще при жизни Ленина, успешно продолжал ее при Сталине, но пережил страшную сталинскую эпоху и был активным политическим деятелем во времена Хрущева. И все эти люди еще жили во времена Брежнева, а кое-кто из них даже пережили Брежнева, Андропова и Черненко. Все они играли важную роль в нашей истории. Двое в разное время возглавляли Советское правительство (Молотов и Маленков). Двое в разное время возглавляли Президиум Верховного Совета СССР (Ворошилов и Микоян). Трое занимали в разное время второе место в партийной иерархии (Каганович, Маленков и Суслов). Все они десятилетиями заседали в Политбюро, в Совете Министров СССР, и их решения прямо или косвенно отражались на судьбах миллионов людей. Но и в их собственной судьбе отразилась история, отразились различные эпохи, пережитые нашей страной. На таких именно людей опирался Сталин, они были ему необходимы для установления тоталитарной диктатуры, но и он был им необходим, чтобы сохранить свою долю влияния и власти. Это делает их типичными представителями сталинской системы.

Никто из изображенных в этой книге людей не может быть назван, в сущности, выдающимся политическим деятелем, хотя на подмостках исторической сцены им и доводилось играть важные роли. Но не они были режиссерами или авторами сценария. Молотов не был дипломатом — я хотел сказать: настоящим дипломатом,— хотя и занимал долгие годы пост министра иностранных дел.

Ворошилов не был настоящим полководцем, хотя и командовал армиями, фронтами и даже группами фронтов. Суслов не был настоящим теоретиком или идеологом марксизма, хотя и занимал должность «главного идеолога» партии. Маленков был многоопытен в аппаратных интригах, но малоопытен в настоящей государственной деятельности. Каганович сменил множество самых высоких должностей, но так и не научился грамотно писать — даже простое письмо или записку. Несколько выше других по интеллекту можно поставить только Микояна. Однако и он был лишь полуинтеллигентом, лучше других знавшим тот предел, выход за который означал для него смерть.

Ко всему прочему это была очень недружная команда, все они враждовали между собой. Но Сталин и не хотел иметь около себя дружной команды. Он ценил другое, чем обладали люди из его ближайшего окружения. Почти все, о ком мы будем здесь говорить, были не только сами старательными и энергичными работниками, но и умели заставить работать своих подчиненных, используя главным образом методы запугивания и принуждения. Они часто спорили друг с другом, и Сталин поощрял эти споры, но только следуя принципу «разделяй и властвуй». Он допускал некоторый «плюрализм» в своем окружении и извлекал выгоду из взаимных споров и вражды среди членов Политбюро, так как это позволяло ему нередко лучше формулировать свои собственные предложения и идеи. Поэтому на обсуждениях в Политбюро или Секретариате ЦК партии Сталин обычно выступал последним. Его ближайшие помощники научились

только поддакивать ему и могли выполнить любой, даже самый преступный приказ вождя. Того, кто не был способен на преступления, не только отстраняли от власти, но и физически уничтожали. Это был особый отбор, и перечисленные нами шесть человек прошли его успешнее других. Эти люди ступили на путь перерождения в то время, когда революционная твердость превращалась в жестокость и даже садизм, политическая гибкость — в беспринципность, энтузиазм — в демагогию.

Все эти люди были развращены Сталиным и условиями своей эпохи. Но развратила их не только та громадная власть, которой они обладали сами и от которой уже не могли отказаться, но и неограниченная власть вождя, в чьем подчинении они оказались и кто мог в любое время уничтожить каждого из них. Не только честолюбие, тщеславие, но и страх вели их от преступления к преступлению. Никто из людей, изображенных в книге, не родился преступником или злодеем. Однако условия, в которые их поставил сталинский режим, не снимают ответственности с этих ближайших помощников Сталина.

Отбор людей для управления страной зависел не от одной лишь прихоти или каприза Сталина. Эти люди старались отличиться перед ним и предоставить тот «товар», который был ему так нужен. Но это был особый «спорт» или соревнование, ибо этим людям надо было идти по трупам других людей — и не только действительных врагов партии и революции, но и тех, кого они лживо представляли врагами.

Во многом люди из окружения Сталина были схожи. Но во многом они были различны. Одни из них могли

выполнить любой самый несправедливый и бесчеловечный приказ, сознавая его жестокость и «не испытывая от этого удовольствия». Другие постепенно втягивались в преступления и превращались в садистов, которые получали удовлетворение от своих чудовищных оргий и издевательств над людьми. Третьи превращались в фанатиков и догматиков, заставляя себя искренне поверить, что все то, что они делают, необходимо для партии, революции или даже для «счастливого будущего». Но каковы бы ни были типы, формы и мотивы поведения людей из окружения Сталина, в любом случае речь здесь о тех, кем ни наша страна, ни Коммунистическая партия, ни человечество не могут гордиться.

И все же их судьба поучительна и представляет поэтому немалый интерес для историка, который не может выбирать своих персонажей только из чувства симпатии или антипатии. К тому же из истории необходимо извлечь и некоторые уроки, главный из которых состоит, конечно же, в том, что в Советском Союзе должны быть наконец созданы такие демократические механизмы, при которых люди, подобные Сталину и большинству деятелей из его окружения, уже никогда не могли бы оказаться у власти.

Составлять биографию даже самых известных политических деятелей в нашей стране дело нелегкое, ибо наиболее важные стороны их деятельности сохраняются в глубокой тайне. Они хотели известности и славы, они поощряли свой «малый» культ личности, но не желали, чтобы публика знала настоящие факты их политической биографии и личной жизни. Они делали политику в каби-

нетах за многими дверьми, они отдыхали за высокими заборами государственных особняков, они старались оставлять как можно меньше документов, по которым историку легче было бы реконструировать прошлое. Поэтому я заранее прошу извинения у читателей за возможные неточности и заранее благодарю за любые замечания и дополнения. Я особенно признателен тем, кто помог мне на самых ранних стадиях этой работы, материалы к которой мне пришлось собирать немало лет.

Первое издание этой книги вышло в свет в 1983 году в Англии, затем она была переведена на итальянский, шведский, сербско-хорватский и некоторые другие языки. В 1984 году в США появилось дополненное русское издание, которое переведено на польский и венгерский языки. С тех пор накопилось много новых материалов и свидетельств, и я получил наконец возможность опубликовать книгу на Родине. Большое число писем, замечаний и помощь друзей позволили мне подготовить теперь еще одно, значительно дополненное и исправленное издание.

В статье «Трудно быть историком в Москве» прогрессивный итальянский политик, дипломат и ученый Роберто Тоскано, с которым я имел приятную возможность несколько раз встречаться и беседовать, писал:

«Конечно же, всем известно, что лучшие места для написания книг по советской истории — это Стэнфорд и Принстон в гораздо большей степени, чем Москва и Ленинград. Между советологом, который работает в библиотеке Гуверовского института, и Роем Медведевым в его комнатушке, набитой книгами, со списком материалов, которые, если повезет, он обнаружит у советского друга или

иностранного корреспондента, существует такая же разница, какая была между братьями Райт и инженерами из НАСА. Разница заключается еще и в том, что Медведев вынужден быть историком-кустарем, в то время как в других частях света более удачливые историки нажимают на кнопку и получают фотокопию любого документа, не нуждаясь при этом в разрешении знаменитых «спецхранов», материалы которых доступны лишь после мотивированного запроса. Однако со всеми своими ограничениями упорное кустарничество Медведева сообщает нам нечто очень важное, что не может быть заменено огромными трудами, выпускаемыми американскими университетами» *.

Тоскано прав: очень трудно работать историком в Москве, конечно, если этот историк хочет изучать реальную историю своей страны, а не комментировать очередные указания директивных инстанций. Однако необходимо отметить, что не только в Москве, но и в Стэнфорде и в Принстоне нельзя получить многих важнейших документов по советской истории — какие бы кнопки ни нажимал при этом американский советолог. Эти документы хранятся пока еще в советских архивах, и, хотя наши архивы становятся в последние годы более доступными, работая в них, историк чаще будет получать отказ, чем разрешение. Во-вторых, немало важнейших событий происходит в нашей стране, находя отражение не в официальных документах, а лишь в несовершенной человеческой памяти — у оставшихся в живых участников этих со-

* Il Globo. 1982. 11 aug.

бытий. Поэтому многие книги, подобные той, которую я здесь представляю советскому читателю, приходится создавать годами, складывая их из крупиц тех сведений и свидетельств, которые можно добыть, как правило, только в Москве и тем труднее, чем дальше мы от эпохи Сталина. Надеюсь, что некоторые из подобных материалов я смогу получить и от новых читателей после издания этой книги.

На протяжении всех лет в работе над книгой мне помогали многие товарищи. Раздел о Кагановиче написан при участии П. В. Хмелинского, о Суслове — при участии Д. А. Ермакова.

20 июня 1989 г.

Об одном московском доменщике

«Часы у меня еще остались»

Одна из моих знакомых, торопясь на работу, забыла дома часы. Проходя по улице Грановского, она увидела стоявшего на тротуаре старичка небольшого роста. «Скажите, пожалуйста, сколько сейчас времени?» — спросила женщина. «Слава богу, часы у меня еще остались»,— произнес старик и назвал время. Когда он поднял лицо, женщина, дочь одного из расстрелянных в 1937 году старых большевиков, с удивлением узнала в старике Молотова, человека, который в 30-е годы возглавлял Советское правительство и имя которого еще в конце 40-х годов при перечислении членов Политбюро ЦК ВКП(б) неизменно стояло на втором месте после имени Сталина.

В некоторых из обстоятельных работ по истории СССР или КПСС имя Молотова еще встречается, хотя и очень редко. Ему посвящена даже небольшая статья в последнем издании Большой Советской Энциклопедии. Однако многие молодые люди, с которыми мне приходилось беседовать в последнее время, даже не знают имени Молотова. Мне это не кажется странным, хотя очень удивило однажды такого вдумчивого американского журналиста, как Хедрик Смит.

«Люди Запада забывают,— пишет он в своей книге «Русские»,— что из своего далека они подчас знают о не-

которых исторических событиях в Советском Союзе больше, чем русская молодежь. Для меня наиболее наглядным примером этого явления служит один эпизод, происшедший с Аркадием Райкиным, знаменитым советским эстрадным актером. Как-то зимой с ним случился сердечный приступ, и его положили в больницу, где актера навестил его восемнадцатилетний внук. Вдруг Райкин подскочил на кровати, пораженный тем, что мимо палаты прошел Вячеслав Молотов, ближайший из оставшихся в живых соратников Сталина, в прошлом Председатель Совета Министров и министр иностранных дел.

— Это он! — ахнул Райкин.

— Кто? — спросил внук; лицо человека, прошедшего по коридору, было ему незнакомо...

— Молотов,— пробормотал Райкин.

— А кто это, Молотов? — спросил юноша с ошеломляющим неведением. Такая историческая глухота, как сказал один ученый средних лет, привела к развитию поколения молодых, не знающих ни злодеев, ни героев и поклоняющихся разве что звездам западной «рок-музыки» *.

Конечно, люди более старшего поколения хорошо помнят Молотова. Однако и они, в сущности, ничего не знали о судьбе экс-премьера в последние двадцать лет и даже о том, жив ли он. Поэтому они с большим удивлением прочли в конце 1986 года короткое извещение Совета Министров СССР о смерти на 97-м году жизни Молотова В. М., бывшего с 1930 по 1941 год Председателем Совета Народных Комиссаров. Это прозвучало для многих и как извещение о смерти, и как возникновение имени Молотова из политического небытия.

Молотов вступил в партию большевиков в 1906 году, и он, вероятно, был в последний год своей жизни самым старым из членов партии. До конца 70-х годов старейшим

---

* *Смит Х.* Русские. Нью-Йорк, 1976. С. 195—196.

членом партии в нашей стране была Фаро Ризель Кнунянц, которая примкнула к движению социал-демократов в 1903 году. Однако она умерла в конце 1980 года в возрасте 97 лет. В 1983 году в возрасте 99 лет умер Тимофей Иванович Иванов, член КПСС с 1904 года. Летом 1985 года также в возрасте 99 лет умерла Анна Николаевна Бычкова, вступившая в партию в июне 1906 года. Теперь умер и Молотов...

Но если Молотов мало побыл самым старым членом партии, то он, несомненно, был долгое время единственным из оставшихся в живых членов ЦК партии начала 20-х годов. Лишь немногие из них умерли естественной смертью, большинство было расстреляно или погибло в тюрьмах и лагерях. И Молотов приложил немало стараний к уничтожению всех этих людей.

Карьера при Ленине

Настоящая фамилия Молотова *Скрябин*. Когда он начал впервые печататься в большевистских газетах, его небольшие заметки и статьи появлялись под разными псевдонимами. Только в 1919 году на брошюре об участии рабочих в хозяйственном строительстве автор поставил псевдоним «Молотов», который вскоре и стал его постоянной фамилией.

Многие считали почему-то, что Молотов происходил из дворянской семьи. Это не так. Он родился 9 марта 1890 года * в слободе Кукарка Вятской губернии и был третьим сыном мещанина Михаила Скрябина из города Нолинска. Отец Молотова был обеспеченным человеком и дал своим сыновьям неплохое образование. Вячеслав окончил в Казани реальное училище и получил даже музыкальное образование. В России происходила револю-

* Все даты в книге приводятся по современному летосчислению.

ция, и большинство казанской молодежи было настроено весьма радикально. Молотов вступил в один из кружков самообразования, где изучали марксистскую литературу. Здесь он подружился с Виктором Тихомирновым, сыном богатого купца и наследником крупного состояния, который тем не менее вошел в большевистскую группу в Казани еще в 1905 году. Под влиянием Тихомирнова Молотов также вошел в эту группу в 1906 году. В 1909 году Молотов был арестован и сослан в Вологду. По окончании ссылки он приехал в Петербург и поступил в Политехнический институт. В 1912 году в столице начала выходить первая легальная большевистская газета «Правда». Одним из ее организаторов был Тихомирнов, передавший на нужды газеты крупную сумму денег. К работе в газете Тихомирнов привлек и Молотова, который опубликовал здесь несколько статей. Позднее, уже в 30-е годы, Молотов всячески покровительствовал дочери своего друга — балерине И. Тихомирновой, танцевавшей в Большом театре.

Из-за арестов и эмиграции многих лидеров партии не только петербургская, но и вся российская организация большевиков оказалась в начале войны без руководителей. Только осенью 1915 года под руководством А. Шляпникова в Петрограде было вновь создано Русское бюро ЦК. Годом позже в него вошел и двадцатишестилетний Молотов. Естественно, что в первые дни Февральской революции он оказался заметной фигурой. В марте 1917 года входил в редакцию «Правды» и в исполком Петроградского Совета.

Но после возвращения из ссылки и эмиграции руководителей партии Молотов отошел на вторые роли. Он не обладал ни ораторским талантом, ни сильной волей, ни революционной энергией. Поэтому не смог сколько-нибудь отличиться ни в бурные месяцы революции 1917 года, ни в годы последовавшей за ней гражданской войны. Но Молотов показал себя человеком исполнительным,

усидчивым и старательным. К тому же он имел почти законченное техническое образование. В 1918 году Молотов возглавил Совет Народного Хозяйства Северного района, в который входили тогда 7 губерний бывшей России и Карельская трудовая коммуна. В 1919 году он руководил восстановлением хозяйства и советских организаций в Поволжье. Летом 1919 года во время совместной поездки на агитпароходе «Красная звезда» Молотов познакомился с Н. К. Крупской. Знакомство с Лениным произошло еще раньше, в апреле 1917 года.

Вскоре у Молотова стали возникать острые конфликты с местными работниками. Это привело к тому, что его отозвали из Поволжья и направили на Украину, где он работал всего несколько месяцев. В этот период центральный аппарат РКП(б) значительно увеличился, что было естественно в условиях однопартийной системы. К тому же в марте 1919 года умер Я. М. Свердлов, который почти единолично и оперативно руководил до тех пор аппаратом партии. Было решено создать Секретариат ЦК на коллегиальной основе, и в 1920 году Пленум ЦК избрал секретарями ЦК Н. Н. Крестинского, Е. А. Преображенского и Л. П. Серебрякова. Все они были сторонниками Троцкого, и после «профсоюзной дискуссии» Ленин принял решение полностью обновить состав Секретариата. Это удалось сделать после X съезда РКП(б), на котором платформа Троцкого и его группа потерпели поражение. В новый Секретариат и в состав ЦК был избран Молотов. Он стал не только секретарем ЦК, но и кандидатом в члены Политбюро. Работая в Секретариате, Молотов проявил чрезвычайную усердность в канцелярской работе, однако ему не хватало самостоятельности и авторитета. К тому же Ленина крайне раздражал столь ненавистный ему бюрократизм, которым с самого начала характеризовалась работа многих созданных при ЦК РКП(б) вспомогательных отделов. Весной 1922 года было решено реорганизовать Секрета-

риат, расширить его права и функции и поставить во главе этого органа одного из членов Политбюро. Зиновьев и Каменев предложили кандидатуру Сталина, и Ленин согласился с этим предложением.

Карьера при Сталине

Новый Секретариат ЦК был сформирован после XI съезда партии в составе Сталина, Молотова и Куйбышева. Сталин, ставший теперь Генеральным секретарем, оставил Молотова в Секретариате не только потому, что последний проявил по отношению к нему полную и безусловную лояльность. Сталин оценил также бюрократическую старательность и работоспособность Молотова. Тот не был создан для первых ролей, и его почти не видели среди рабочих и крестьян. Зато он аккуратно вел бесчисленное количество дел, выполняя ту канцелярскую часть работы Секретариата, которую не слишком любил делать Сталин. Большевики первого поколения, не особенно ценившие кабинетную работоспособность, уже тогда дали Молотову презрительную кличку «каменная задница».

На похоронах В. И. Ленина Молотов нес гроб вождя вместе с другими членами и кандидатами в члены Политбюро. Хроникеры «Правды» писали 28 января 1924 года: *«4 часа. Тт. Сталин, Зиновьев, Каменев, Молотов, Бухарин, Рудзутак, Томский и Дзержинский поднимают гроб и, обойдя помост со стороны Красной площади, следуют с телом Владимира Ильича к склепу. Впереди знаменосцы»*.

В 20-е годы мы видим Молотова почти всегда рядом со Сталиным. Молотов активно участвует в борьбе против троцкистской, а затем против зиновьевской и «объединенной» оппозиций. На съездах партии он делает обычно доклады по организационным вопросам, часто пишет для

«Правды», выпускает одну за другой брошюры и книги: «Вопросы партийной практики», «Партия и Ленинский призыв», «Ленин и партия за время революции», «Об уроках троцкизма», «Политика партии в деревне». Хотя Молотов никогда не был знатоком аграрного вопроса, но именно он возглавил с 1924 года комиссию ЦК по работе в деревне. В 1928—1929 годах Молотов, теперь уже полноправный член Политбюро, без колебаний поддержал Сталина в борьбе с так называемым «правым уклоном».

Особое усердие он проявил в борьбе с правыми в Московской партийной организации, неистово обвиняя «оппозицию» и ее лидера Н. А. Угланова. И если на XV съезде партии Молотов фактически высказался против принудительного изъятия хлеба и предупреждал, что подобная линия «ведет к разрушению Советского государства», то месяц спустя он уже настаивал на диаметрально противоположной точке зрения, резко раскритиковав решения пленума МГК ВКП(б), выступившего против чрезвычайных мер при проведении хлебозаготовок. Молотов и здесь следовал за «хозяином». В ноябре 1928 года он стал первым секретарем МГК ВКП(б), оставаясь одновременно одним из секретарей ЦК. В газете «Московская правда» приведены интересные факты его руководства: за сто тридцать дней пребывания на посту первого секретаря МГК Молотов действительно «сплотил» коммунистов столицы вокруг «вождя», перетряхнув практически все руководство Московской партийной организации. Из шести заведующих отделами МГК четверо были освобождены, из шести секретарей райкомов столицы продолжали выполнять партийные обязанности только двое. По сравнению с прошлыми выборами почти на 60 процентов был обновлен состав бюро МГК. Из 157 избранных членов Московского комитета в прежний его состав входили 58. Из членов МГК выбыли Бухарин, Рютин, а избрали Кагановича и других явных сталинцев.

Молотов с блеском выполнил поручение Сталина, разрубив «тугой узел» в столичной парторганизации *.

Сухой, деловитый, как бы лишенный эмоций Молотов беспрекословно выполнял любые указания и директивы Сталина. И Сталин оценил эту покорность. Когда после отставки А. И. Рыкова оказался вакантным пост Председателя Совета Народных Комиссаров, Сталин предложил именно Молотова избрать главой Советского правительства. На заседании ЦК и ЦКК ВКП(б) в декабре 1930 года Молотов выступил с речью, в которой сказал: *«Сейчас, ввиду моего нового назначения, я не могу не сказать несколько слов о себе, о своей работе... У меня, как коммуниста, нет и не может быть большего желания, чем быть на деле учеником Ленина. Мне недолго пришлось работать под непосредственным руководством Ленина. В течение последних лет мне пришлось... проходить школу большевистской работы под непосредственным руководством лучшего ученика Ленина, под руководством товарища Сталина. Я горжусь этим. До сих пор мне приходилось работать в качестве партийного работника. Заявляю вам, товарищи, что и на работу в Совнарком я иду в качестве партийного работника, в качестве проводника воли партии и ее Центрального Комитета»* **.

Конечно, Молотову пришлось немало поработать и в годы первой и второй пятилеток, хотя основная тяжесть работы по созданию советской промышленности легла на плечи народных комиссаров и их главных помощников. Не со всеми Молотов ладил; частыми были, например, его конфликты с наркомом тяжелой промышленности Г. К. Орджоникидзе, а также с наркомом С. С. Лобовым и некоторыми другими. Но Сталин обычно всегда поддерживал Молотова. Сталину нравилась не только неутомимая и лояльная деятельность Молотова, но и то, что

* См.: *Буков К., Самородов А.* Правая рука // Московская правда. 1989. 6 апр.

** *Молотов В.* В борьбе за социализм. М., 1935. С. 76.

тот был человеком маленького роста. Крупные, высокие и красивые люди раздражали низкорослого и рябого диктатора. В знаменитом стихотворении О. Мандельштама о Сталине, которое стоило поэту жизни, есть строка:

А вокруг него сброд тонкошеих вождей,
Он играет услугами полулюдей...

Как писала позднее вдова Мандельштама: «Тонкую шею» Осип приметил у Молотова — она торчала из воротничка, увенчанная маленькой головкой» *.

Молотов: на волосок от ареста

Еще при проведении коллективизации и насильственном выселении богатых, да и многих бе́дных крестьян и середняков в 1930—1931 годах Молотов выезжал в отдельные районы страны в качестве чрезвычайного уполномоченного, наделенного неограниченными правами. Особенно зловещую роль играл он на Украине, где в 1932 году руководил хлебозаготовками в южных областях.

Страшная хроника пребывания Молотова на Украине такова. В один из первых приездов туда в конце декабря 1931 года Молотов выступил на заседании Политбюро ЦК КП(б)У, отметил крайнюю неудовлетворительность выполнения плана хлебозаготовок и возникшую прямую угрозу их срыва. Он потребовал применения «особых мер» и повышения «большевистской бдительности в отношении классового врага». Достижение плана любой ценой означало усиление карательных мер. В октябре 1932 года Молотов вновь на Украине, чтобы обеспечить выполнение хлебозаготовок. При его непосредственном

* *Мандельштам Н. Я.* Воспоминания. Париж, 1970. С. 167.

участии осуществлен ряд репрессивных мероприятий. На очередном заседании Политбюро Украины, на котором присутствовал Молотов, вся вина за невыполнение плана была возложена на местные парторганизации. Кроме того, было решено применять взыскания, штрафы и судебные репрессии к единоличникам, уклонявшимся от хлебозаготовок. Согласно специальной инструкции, допускалось изъятие земли и высылка за пределы области. Затем 17—18 ноября на специальном заседании Политбюро Украины также с участием Молотова были ужесточены меры по отношению к колхозам-должникам. В проведении репрессий использовался весь «богатый» опыт насилия, разработанный комиссией Кагановича на Северном Кавказе. Предполагалось провести массовые чистки среди сельских коммунистов *. Результаты «аграрной политики» Молотова — тысячи жизней, тысячи искалеченных судеб. Но последствия кампании хлебозаготовок были еще более ужасны. Украину охватил страшный голод, унесший миллионы жизней.

Однако, когда в 1936 году в Москве под руководством Сталина, Ежова и Ягоды началась подготовка первого «открытого» судебного процесса над группой Зиновьева — Каменева, реальная опасность нависла и над самим Молотовым. У него были на этот счет какие-то разногласия со Сталиным. Об этом писал в своей книге, впервые увидевшей свет в США еще в 1953 году **, Александр Орлов (Лев Фельдбин), крупный советский разведчик, бывший генерал НКВД, работавший в Испании и отказавшийся вернуться в СССР на верную гибель. Он тщательно скрывался в США даже от американских властей

---

* Подробнее об этом см.: *Зеленин И. Е.* О некоторых «белых пятнах» завершающего этапа сплошной коллективизации // История СССР. 1989. № 2. С. 12—13.

** Сейчас главы из этой книги опубликованы и у нас. См.: Огонек. 1989. № 46—52.

и сумел пережить Сталина на двадцать лет. Вот что писал А. Орлов:

«Из официального отчета о процессе «троцкистско-зиновьевского центра» видно, что, перечисляя на суде фамилии руководителей, которых «центр» намеревался убить, никто ни разу не упомянул фамилию Молотова. Между тем Молотов занимал в стране первое место после Сталина и был главой правительства. Подсудимые заявляли, что они готовили террористические акты против Сталина, Ворошилова, Кагановича, Жданова, Орджоникидзе, Косиора и Постышева, но к Молотову подобные злодейские замыслы почему-то не относились. Сейчас мы увидим, что ничего таинственного в этом нет. С самого начала следствия сотрудникам НКВД было приказано получить от арестованных признания, что они готовили террористические акты против Сталина и всех остальных членов Политбюро. В соответствии с такой директивой Миронов потребовал от Рейнгольда, который согласился... давать показания против старых большевиков, чтобы тот засвидетельствовал, что бывшие лидеры оппозиции готовили убийство Сталина, Молотова, Ворошилова, Кагановича, Кирова и других вождей. В СССР принято перечислять эти фамилии в строго определенном порядке, который показывает место каждого из «вождей» в партийной иерархии; сообразно этому порядку Молотов и был назван в показаниях Рейнгольда сразу после Сталина. Но когда протокол этих показаний был представлен Сталину на утверждение, тот собственноручно вычеркнул Молотова. После этого следователям и было предписано не допускать того, чтобы имя Молотова фигурировало в каких-либо материалах будущего процесса.

Этот эпизод вызвал в среде руководителей НКВД понятную сенсацию. Напрашивался вывод, что логически должно последовать распоряжение об аресте Молотова, чтобы посадить его на скамью подсудимых вместе с Зи-

новьевым и Каменевым, как соучастника заговора. Среди следователей начал циркулировать слух, что Молотов уже находится под домашним арестом. В НКВД никто, исключая, быть может, Ягоду, не знал, чем Молотов навлек на себя сталинское недовольство, но, если верить тогдашним упорным слухам, Сталина рассердили попытки Молотова отговорить его устраивать позорное судилище над старыми большевиками.

Вскоре Молотов отправился на юг отдыхать. Его неожиданный отъезд был тоже воспринят верхушкой НКВД как зловещий симптом, больше того — как последний акт разворачивающейся драмы. Все знали, что не в обычаях Сталина убирать наркома или члена Политбюро, арестовывая его на месте, при исполнении служебных обязанностей. Прежде чем отдать распоряжение об аресте любого из своих соратников, Сталин имел обыкновение отсылать их на отдых или объявлять в газетах, что такой-то получил (либо получит) новое назначение. Зная все это, руководство НКВД со дня на день ожидало распоряжения об аресте Молотова. В «органах» были почти уверены, что его доставят из отпуска не в Кремль, а во внутреннюю тюрьму на Лубянке.

Сталин держал Молотова между жизнью и смертью шесть недель и лишь после этого решил «простить» его. Молотов все еще был ему нужен. Среди заурядных, малообразованных чиновников, коими Сталин заполнил свое Политбюро, Молотов был единственным исключением. Его отличала невероятная работоспособность. Он освобождал Сталина от тяжкого бремени управления текущими государственными делами. Кроме того, Молотов оставался единственным, не считая самого Сталина, членом Политбюро, кто с полным правом мог назвать себя старым большевиком, так как оставил определенный след в предреволюционной истории партии.

К удивлению энкавэдистской верхушки, Молотов вернулся из отпуска к своим обязанностям Председателя

Совета Народных Комиссаров. Это означало, что между Сталиным и Молотовым достигнуто перемирие, хотя, может быть, и временное» *.

Активное участие в массовых репрессиях

После описанного выше эпизода Молотов перестал возражать против проведения репрессий, более того, он принял самое активное участие в организации массового террора 1937—1938 годов.

Из двадцати пяти народных комиссаров, входивших в СНК СССР в 1935 году, не погибли в годы репрессий лишь Микоян, Ворошилов, Каганович, Литвинов да и сам Молотов. Из двадцати восьми человек, составивших Совет Народных Комиссаров в начале 1938 года, были вскоре репрессированы двадцать человек. И Молотов отнюдь не был пассивным наблюдателем этой страшной «мясорубки». Он активно помогал крутить ее ручку Сталину, Ежову и Берии. Именно Молотов выступил на февральско-мартовском (1937 года) Пленуме ЦК с большим докладом, в котором призвал всю партию усилить борьбу с «вредителями» и «шпионами» внутри партии, то есть с теми «вредителями», которые носят в своем кармане партийный билет и громче других кричат, что они защищают интересы и линию партии. Этот доклад был опубликован отдельной брошюрой под заголовком «Уроки вредительства, диверсии и шпионажа японо-немецких троцкистских агентов». Молотов не только подписывал после Сталина многие из проскрипционных списков, прибавляя нередко к своей подписи и матерную брань в адрес осужденных. Он был инициатором многих арестов в аппарате СНК СССР. По его требованию были аресто-

* *Орлов А.* Тайная история сталинских преступлений. Нью-Йорк — Иерусалим — Париж, 1983. С. 154—159.

ваны Г. И. Ломов и К. В. Уханов, а также первый секретарь Уральского и Свердловского обкомов партии И. Д. Кабаков и многие председатели облисполкомов.

В ходе развернувшихся массовых репрессий ни суд, ни «тройки» не справлялись с «напряженной» работой. Чтобы упростить и ускорить «процесс», Молотов внес «рационализаторское предложение» не разбираться с каждым отдельно, а наказывать и судить списками.

Были случаи, когда при просмотре поданных списков вместо санкции на тюремное заключение Молотов ставил рядом с некоторыми фамилиями зловещие буквы «ВМН», то есть «высшая мера наказания». Но, как уже говорилось, рукой Молотова делались и некоторые другие категорические надписи. Так, в ответ на записку Сталина, как поступить с Ломовым, однозначно заключил: «За немедленный арест этой сволочи Ломова».

Пожалуй, исключительный для биографии Молотова случай приводит в своих воспоминаниях известный в прошлом футболист «Спартака» Николай Старостин: против братьев Старостиных Берией было сфабриковано обвинение в создании террористической организации среди спортсменов. Однако случилось непредвиденное. Молотов не подписал ордера на этот арест. Редчайший случай — Берии не удалось осуществить задуманное *.

В годы массовых репрессий как рядовые коммунисты, так и многие из видных деятелей науки и культуры обращались не только к Сталину, но и к Молотову, Калинину с просьбой защитить арестованных или подвергшихся несправедливым преследованиям людей. Особенно активно защищал видных советских ученых П. Л. Капица. И многие из его усилий увенчались успехом. Но не тогда, когда он обращался к Молотову. Так, например, подробное письмо Капицы Молотову с просьбой прекратить на-

* См.: *Вайнштейн А.* Дело братьев Старостиных // Московские новости. 1989. 29 янв.

чавшуюся в печати недостойную травлю крупнейшего советского математика академика Н. Н. Лузина было доставлено обратно Капице с резолюцией: «За ненадобностью вернуть гр-ну Капице. В. Молотов» *.

Более красноречивой была переписка Молотова с выдающимся русским ученым И. П. Павловым. Поводом для обращения послужило убийство С. М. Кирова и развернувшаяся после него кампания массовых репрессий. В письме от 21 декабря 1934 года с присущими ему бесстрашием и откровенностью Павлов называет вещи, происходящие в стране, своими именами: *«Вы делаете... эксперимент... эксперимент страшно дорогой (и в этом суть дела), с уничтожением всего культурного покоя и всей культурной красоты жизни... Мы жили и живем под неослабевающим режимом террора и насилия...»* Нравственно последовательной и бескомпромиссной позиции русского ученого противостояли казуистика и псевдонаучная объективность ответа Молотова с его общими абстрактными словами об «успешно строящемся бесклассовом социалистическом обществе, обществе подлинно высокой культуры и освобожденного труда, несмотря на все трудности борьбы с врагами этого нового мира» **. В том же духе, со ссылками на историческую и государственную необходимость (с некоторыми ошибками) Молотов оправдывает многочисленные репрессии в Ленинграде, против которых постоянно выступал И. П. Павлов.

Необходимо также сказать, что многие арестованные и невинно осужденные направляли прошения на имя Молотова. Среди них было и полное отчаяния заявление В. Э. Мейерхольда с отказом от признаний, выбитых из него жестокими пытками. Впрочем, это письмо, как и ты-

* «За ненадобностью вернуть гр-ну Капице...» Три письма из личного архива // Советская культура. 1988. 21 мая.

** «Протестую против безудержного своевластия». Переписка академика И. П. Павлова с В. М. Молотовым // Советская культура. 1989. 14 янв.

сячи других, или не доходили до адресата, или оставались без ответа.

Как известно, Н. С. Хрущев был назначен Первым секретарем ЦК КП Украины только в январе 1938 года, когда почти весь партийный и государственный актив этой республики уже был разгромлен. Главными дирижерами и руководителями погромной кампании на Украине были Молотов и Каганович. Во второй половине 30-х годов Молотов был, безусловно, вторым человеком в государстве и обладал громадной властью.

Один из советских музыкантов, Юрий Елагин, оказавшийся в эмиграции после второй мировой войны, опубликовал в 1952 году книгу «Укрощение искусств». В ней он описывает посещение Молотовым Театра имени Вахтангова, в котором тогда работал Елагин:

«Как-то раз, вскоре после начала нового сезона осенью 1938 года, я шел, как обычно, на очередной вечерний спектакль. По пустынной всегда в это время улице Вахтангова неторопливо шагали личности в штатских пальто и в военных сапогах, пытливо вглядываясь в каждого прохожего. У недавно выстроенного подъезда правительственной ложи стояло несколько автомобилей.

...В нашей раздевалке поразило меня молчание и серьезная обстановка, без обычных шуток и смеха. Я разделся и со скрипкой в руках направился к двери, ведущей в большой коридор.

— Предъявите документы, товарищ,— услышал я тихий, но очень уверенный голос. Тут только я обратил внимание на человека в синем костюме и в военных галифе, стоявшего у этой двери и проверявшего документы у всех входивших. Подавив возникшее у меня инстинктивно чувство внутреннего протеста, я достал театральное удостоверение и протянул его человеку в галифе. Он долго, внимательно читал его и сверял фотокарточку с моей собственной физиономией.

— Проходите,— тихо сказал он, разрешая мне пройти

в фойе нашего оркестра, в которое я входил каждый вечер вот уже в течение семи лет моей службы в театре. Некоторые наши актеры не вытерпели и возмутились.

— Зачем я буду показывать документы в моем театре? — сказал артист Шухмин человеку в галифе.— Я здесь двадцать лет служу. Меня каждая собака здесь знает. А вот я-то вас не знаю и в первый раз в жизни вижу.

— Предъявите документы,— еще тише и серьезнее произнес человек в галифе.— Иначе вы не будете допущены к участию в спектакле и пойдете под суд как прогульщик...

...Я хотел было пройти к моему месту, как вдруг отделившаяся от стены фигура загородила мне дорогу.

— Вам что здесь нужно, товарищ? — Вопрос этот, как ни странно, задал не я незнакомой личности, а личность мне.

— Я играю в оркестре,— ответил я.— Я хотел бы настроить скрипку.

— Еще рано, товарищ,— сказала личность.— Очистите помещение.

Позже, когда спектакль начался, личность молча сидела в углу на стуле рядом с контрабасами и внимательно наблюдала за каждым из нас. В перерыве между музыкальными номерами мы любили подходить к барьеру оркестра и смотреть действие на сцене. Кто-то из нас попробовал сделать это и на этот раз. Но личность с быстротой молнии вскочила со своего стула, подошла к любопытному и сказала очень кратко, но твердо:

— Товарищ, сядьте на ваше место.

В тот вечер впервые был гость в новой правительственной ложе. Сам Молотов приехал смотреть наш спектакль» *.

Не только Сталин, но и Молотов прекрасно знал в

* *Елагин Ю.* Укрощение искусств. Нью-Йорк, 1952. С. 101.

1937 году об огромном масштабе проводившихся в стране репрессий. По свидетельству Д. А. Волкогонова, в наших архивах есть материалы, из которых видно, что В. Ульрих, заместитель председателя Верховного суда СССР, вместе с Вышинским регулярно докладывали Сталину (чаще одновременно Молотову и Ежову) о процессах и приговорах. В 1937 году ежемесячно Ульрих представлял «сводку» об общем числе приговоренных за «шпионско-террористическую и диверсионную деятельность» *.

В 1937 году в Москве проходил Первый Всесоюзный съезд архитекторов. По свидетельству С. Е. Чернышева (он входил в состав делегации съезда, посетившей Молотова), кто-то из архитекторов стал критиковать постройки немецкого архитектора Эрнста Мая, работавшего в СССР в качестве иностранного специалиста.

— Жаль, что выпустили,— заметил Молотов.— Надо было посадить лет на десять.

В 30-е годы Молотов обладал огромной властью в стране. Его 50-летие было отмечено в марте 1940 года не только высокими наградами и приветствиями со всех сторон. Крупнейший промышленный центр страны — город Пермь был переименован в Молотов. Появились на карте СССР и три Молотовска, два Молотовабада, мыс Молотова и пик Молотова. К этому надо прибавить тысячи колхозов, предприятий и институтов «имени Молотова».

Пакт Молотова — Риббентропа

В 30-е годы Молотов и как член Политбюро, и как Председатель СНК должен был заниматься различными вопросами внешней политики. Он далеко не всегда был согласен с мнением и предложениями наркома иностран-

* См.: *Волкогонов Д.* Триумф и трагедия // Октябрь. 1988. № 12. С. 117.

ных дел М. М. Литвинова. Об отношениях Молотова и Литвинова бывший ответственный сотрудник НКИД Е. А. Гнедин свидетельствует:

«В американской книге Поупа «Литвинов» высказано совершенно нелепое предположение, будто Литвинов сам предложил в качестве своего преемника на пост наркома «своего друга» Молотова. Хотя Литвинов нам никогда не говорил о своих отношениях с Молотовым, все же было известно, что отношения плохие. Литвинов не мог уважать ограниченного интригана и пособника террора Молотова. Тот, в свою очередь, явно не любил Литвинова, единственного наркома, сохранившего самостоятельность и чувство достоинства. Неприязнь Председателя Совнаркома к наркому иностранных дел, между прочим, сказывалась на положении центрального дипломатического аппарата. Молодые карьеристы жаловались, что ставки в НКИД ниже, чем на соответствующих должностях в других наркоматах» *.

В мае 1939 года Литвинов был смещен с поста наркома и заменен Молотовым, который оставался также главой Советского правительства. В окружении Сталина Молотов считался сторонником сближения между СССР и Германией. Еще в 1937 году торгпред СССР в Германии Д. В. Канделаки вел переговоры от имени Сталина и Молотова с советником Гитлера министром Шахтом об улучшении политических и экономических отношений между Германией и СССР. Эти переговоры велись в обход наркомата иностранных дел. Поэтому назначение Молотова наркомом иностранных дел было воспринято как приглашение Германии к переговорам. Для западных демократий решение Сталина о смещении Литвинова оказалось полной неожиданностью. Как вспоминал позднее посол США в Москве Ч. Болен: *«...Мы в посольстве плохо*

---

* *Гнедин Е.* Из истории отношений между СССР и фашистской Германией. Нью-Йорк, 1977, С. 34—35.

понимали, что происходит. Британский посол Вильям Сидс рассказывал нам, что разговаривал с Литвиновым за несколько часов до сообщения о его смещении и не заметил никаких намеков на предстоящую перестановку. Такого же мнения были и другие работники дипкорпуса» *.

Ответственный сотрудник НКИД А. Рощин описывал недавно ту обстановку, которая сложилась в этом наркомате после смещения Литвинова:

«На другой день после сообщения о назначении В. М. Молотова наркомом иностранных дел... мне позвонили и предложили срочно прибыть в наркомат. Когда я приехал, в приемной наркома уже находились заведующие отделами и начальники управлений, члены парткома. Все настороженно ждали вызова в кабинет, где заседала правительственная комиссия по передаче дел прежнего наркома вновь назначенному...

Вторым в кабинет наркома вызвали меня. За столом для заседаний сидели Г. М. Маленков, В. М. Молотов, М. М. Литвинов, Л. П. Берия, В. Г. Деканозов. Маленков был одет в защитного цвета гимнастерку с широким ремнем военного типа. Литвинов был в синем кителе, в котором он обычно работал в НКИД. Молотов и Берия были в гражданских костюмах, а Деканозов, только что назначенный замнаркома иностранных дел, был в форме офицера госбезопасности. Литвинов представил меня членам комиссии.

Мне стали задавать вопросы. Наибольшую активность при этом проявил Берия. Молотов и Литвинов в основном молчали. Маленков ходил по кабинету, засунув руки за пояс, изредка спрашивая. Деканозов, видимо, чувствовал себя неловко в столь именитой компании руководящих деятелей страны. Он смотрел немигающими глазами и молчал.

---

* *Bohlen C.* Witness to History. N. Y., 1973. P. 64.

К вопросам, которые задавал мне Берия, приходилось быть особенно внимательным...

Впоследствии выявились причины смещения М. М. Литвинова...

В. М. Молотов говорил на собрании НКИД в июле 1939 года: «Товарищ Литвинов не обеспечил проведение партийной линии, линии ЦК ВКП(б) в наркомате. Неверно определять прежний НКИД как небольшевистский наркомат... но в вопросе о подборе и воспитании кадров НКИД не был вполне большевистским, так как товарищ Литвинов держался за ряд чуждых и враждебных партии и Советскому государству людей и проявил непартийное отношение к новым людям, перешедшим в НКИД».*

Еще в 1937—1938 годах во время массовых репрессий и террора его жертвами стали многие дипломаты, служащие посольства, работники Наркомата иностранных дел. Эти аресты стали затихать в первые месяцы 1939 года. Однако, как только Литвинов был смещен со своего поста и главой НКИД был назначен Молотов, репрессии возобновились с новой силой. Решение о смещении Литвинова было объявлено 3 мая 1939 года, а уже 4 мая была арестована группа ближайших его сотрудников, включая П. С. Назарова, работавшего секретарем Литвинова. Выступая на партийном собрании НКИД в июне 1939 года, Молотов заявил, что Назаров оказался итальянским шпионом. Излишне говорить, что все эти сотрудники НКИД в 50-е годы были реабилитированы **. Среди арестованных был и заведующий отделом печати НКИД Е. А. Гнедин. Из тюрьмы на Лубянке он написал большое заявление на имя Молотова. В воспоминаниях Гнедина, опубликованных за границей не-

* *Рощин А.* В наркоминделе накануне войны // Международная жизнь. 1988. № 4. С. 124—126.

** См.: *Назарова З.* Письмо в редакцию журнала «Международная жизнь» // Международная жизнь. 1988. № 1. С. 116.

сколько лет назад*, можно прочесть: *«Неловко признаться, но я тогда еще не потерял надежды, что обращение к Председателю Совнаркома, составленное в решительной форме, может положительно отразиться на исходе следствия. Я не ожидал, что Молотов сам вмешается в ход дела, но думал, что, во всяком случае, заявления из тюрьмы где-то регистрируются, а может быть, и учитываются. Позднее я понял, что наши жалобы и заявления из тюрем и лагерей не играли никакой роли. Уже вернувшись в Москву, я узнал от бывшего работника секретариата Молотова, что тот не только не отзывался на заявления невинных репрессированных людей, не только не читал эти заявления, но приказал не включать заявления репрессированных в реестр поступивших бумаг. Мы были списаны в расход, а наши заявления о нашей невиновности списывались в макулатуру»* **.

Из резолюции собрания в НКИД от 23 июля 1939 года: *«Только с приходом нового руководства во главе с товарищем Молотовым в наркомате начал наводиться большевистский порядок. За этот короткий промежуток времени проделана огромная работа по очищению НКИД от негодных, сомнительных и враждебных элементов»* ***.

Узнав о смещении Литвинова, Германия не заставила себя ждать, и Гитлер немедленно дал инструкции германскому послу Шуленбургу «прощупать» настроения в Москве. Вскоре по инициативе немецкой стороны Вернер фон Шуленбург встретился с Молотовым и его заместителем В. Потемкиным. Посол Германии известил Молотова о готовности Гитлера изменить свое отношение к Со-

* Теперь уже воспоминания Е. А. Гнедина частично опубликованы и у нас. См.: *Гнедин Е.* Себя не потерять... // Новый мир. 1988. № 7. С. 173—209.

** *Гнедин Е.* Катастрофа и второе рождение. Амстердам, 1977. С. 291.

*** Цит. по: *Рощин А.* В наркоминделе накануне войны // Международная жизнь. 1988. № 4. С. 126.

ветскому Союзу и просил Советское правительство рассмотреть возможность начать новый цикл германо-советских переговоров. Молотов ответил уклончиво и заявил, что советской стороне необходимо время, чтобы обдумать предложения Берлина. Со своей стороны он выдвинул перед Шуленбургом ряд вопросов, например об отказе Германии поддерживать японские притязания на Дальнем Востоке. Над этим должны были думать Гитлер и Риббентроп. Разумеется, контакты между СССР и Германией были в центре внимания всех иностранных дипломатов в Москве. Тогдашний посол США Болен писал позднее в своей книге «Свидетель истории»:

«Дипломатический корпус в Москве напоминал жужжащий улей — все обсуждали, в каком направлении будут развиваться события. Опасность предстоящего советско-германского сговора видели не все. Были такие, кто считал, что цель всех этих демаршей Молотова состояла в том, чтобы оказать давление на англичан и французов и добиться от них недвусмысленного обещания защищать советскую западную границу. Другие же были уверены, что Сталин на самом деле стремится к сближению с Германией» *.

Эту уверенность разделял тогда и сам Ч. Болен, у которого в 1939 году оказался верный и близкий к послу Шуленбургу осведомитель.

Июнь 1939 года не ознаменовался, однако, никакими важными событиями и переговорами в Москве, хотя тайная подготовка к ним велась и в Москве, и в Берлине.

В разгаре лета 1939 года в Ленинград морем прибыли наконец британская и французская делегации для обсуждения в Москве вопроса об оборонительном пакте. Эту англо-французскую делегацию возглавляли французский генерал и престарелый английский адмирал, у которых не было достаточно больших полномочий. Ста-

---

* *Bohlen C.* Witness to History. P. 74.

лин поручил вести с ними переговоры наркому обороны К. Е. Ворошилову. Даже Ч. Болен отмечает, что ни состав этих делегаций, ни их долгий морской путь в СССР не свидетельствовали о серьезных намерениях Англии и Франции в этих переговорах. Между тем как раз в июле активизировались переговоры Молотова и Шуленбурга, и при взаимном желании сторон изменить отношения на этих переговорах отпадали одна за другой накопившиеся трудные проблемы. В начале августа Ч. Болен известил свое правительство, что, по данным его осведомителя, СССР и Германия вплотную приблизились к соглашению. Американское правительство сообщило об этом правительствам Англии и Франции, но это не повлияло на их позиции и инструкции, которые они дали своим делегациям в Москве. Впрочем, и Болен ошибся в предположении, что переговоры СССР и Германии будут продолжаться еще два-три месяца. Сомнения Сталина и Гитлера развеялись к 19 августа, и было объявлено, что 23 августа Риббентроп прибудет в Москву. Болен свидетельствует:

«После шести лет официально проповедуемой вражды к Гитлеру и нацизму такой поворот событий в глазах многих был подобен землетрясению. Возникшее замешательство отразилось даже на самой церемонии приема Риббентропа в Москве. У русских не было нацистских флагов. Наконец их достали — флаги с изображением свастики — на студии «Мосфильм», где снимались антифашистские фильмы. Советский оркестр спешно разучил нацистский гимн. Этот гимн был сыгран вместе с «Интернационалом» в аэропорту, куда приземлился Риббентроп. После короткой церемонии Риббентропа увезли в Кремль, где немедленно начались переговоры. В два часа ночи был подписан Советско-германский пакт о ненападении» *.

* *Bohlen C.* Witness to History. P. 82.

Переговоры вели лично Сталин и Молотов, не думая советоваться с остальными членами Политбюро. Не поставили в известность даже Ворошилова, который еще вел переговоры с англо-французской делегацией.

От Советского Союза договор был подписан, как известно, Молотовым, и поэтому он получил неофициальное название «пакт Молотова — Риббентропа». К этому договору Молотов и Риббентроп подписали секретные протоколы. В одном из них территория Литвы объявлялась сферой влияния СССР. Одновременно были оформлены довольно поспешно и некоторые другие секретные соглашения о разделе «сфер влияния» в Восточной Европе и в Прибалтике. Их оригиналы в советских дипломатических архивах не сохранились, и можно предположить, что после начала войны они были уничтожены. Однако практика советско-германских отношений в 1939 — начале 1941 годов, несомненно, базировалась на официально подписанных соглашениях. В Бонне оригиналов также до сих пор не обнаружено, но имеются фотокопии, которые признаются всеми западными историками за копии подлинных соглашений. На первом Съезде народных депутатов СССР в Москве в мае — июне 1989 года М. С. Горбачев сообщил, что германский канцлер Г. Коль передал эти копии Советскому правительству. Поэтому Съезд народных депутатов образовал специальную комиссию по изучению всего комплекса вопросов, связанных с советско-германскими отношениями 1939—1940 годов.

На втором Съезде народных депутатов СССР по докладу комиссии было принято постановление «О политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 1939 года», где говорится, что договор заключался в критической международной ситуации и имел одной из целей отвести от СССР угрозу надвигавшейся войны. Что касается секретных протоколов, подписанных с Германией в 1939—41 годах, то съезд осу-

дил факт их подписания и констатировал, что они были отходом от ленинских принципов советской внешней политики. «Переговоры с Германией по секретным протоколам,— сказано в постановлении,— велись Сталиным и Молотовым втайне от советского народа, ЦК ВКП(б) и всей партии, Верховного Совета и Правительства СССР»*.

31 августа 1939 года на внеочередной сессии Верховного Совета СССР Молотов сделал доклад о неожиданном для всех договоре. Сессия единогласно одобрила договор, а следующий день — 1 сентября — был уже днем начала второй мировой войны. Германия напала на Польшу, а еще через день Англия и Франция объявили войну Германии.

Из речи того же Молотова 17 сентября по радио советские люди узнали о вступлении Красной Армии на территорию Западной Украины и Западной Белоруссии. В этой речи Молотов прямо заявил о «внутренней несостоятельности и явной недееспособности польского государства».

28 сентября 1939 года Молотов подписал еще один договор с Германией — «Германо-советский договор о дружбе и границе между СССР и Германией».

Для ратификации нового договора в Москве было решено снова созвать сессию Верховного Совета СССР. 31 октября Молотов сделал доклад на этой сессии. Два положения из него следовало бы сегодня напомнить. Так, например, говоря о нацистской и фашистской идеологии, Молотов сказал:

«Идеологию гитлеризма, как и всякую другую идеологическую систему, можно признавать или отрицать, это — дело политических взглядов. Но любой человек поймет, что идеологию нельзя уничтожить силой, нельзя покончить с ней войной. Поэтому не только бессмысленно, но и пре-

---

* Правда. 1989. 28 дек.

ступно вести такую войну, как война за «уничтожение гитлеризма»...» *

На этом основании Молотов издевался над Англией и Францией, которые заявили, что цель объявленной ими войны — «уничтожение гитлеризма». Конечно, уже через два года эти слова были полностью забыты, так как и Советскому Союзу пришлось вести не только Отечественную войну, но и войну за уничтожение гитлеризма и фашизма — эта цель была прямо провозглашена Сталиным.

В другой части своего доклада Молотов сказал:

«Правящие круги Польши немало кичились «прочностью» своего государства и «мощью» своей армии. Однако оказалось достаточным короткого удара по Польше со стороны сперва германской армии, а затем — Красной Армии, чтобы ничего не осталось от этого уродливого детища Версальского договора, жившего за счет угнетения непольских национальностей» **.

Эти высказывания Молотова, оскорбительные для чести и достоинства польского народа, героически сражавшегося и в сентябре 1939 года, и на протяжении всей второй мировой войны против гитлеровского нападения и оккупационного режима, до последнего времени отравляли атмосферу дружбы между Польшей и СССР.

В недавних публикациях приведенные выше положения доклада Молотова оцениваются как легковесные и неверные, несовместимые с интернациональными убеждениями советского народа, с его представлениями о характере взаимоотношений с польским народом.

Еще 9 сентября 1939 года через германского посла в СССР Шуленбурга Молотов передал свои личные поздравления германскому правительству по случаю вступ-

---

* Внеочередная пятая сессия Верховного Совета СССР. 31 октября — 2 ноября 1939 г. Стенографический отчет. М., 1939. С. 9.

** Там же. С. 8.

ления немецких войск в столицу Польши Варшаву. Когда в апреле 1940 года в Москву пришла весть о вторжении германских войск в Норвегию и Данию, Молотов направил Шуленбургу послание с выражением понимания и пожеланием успехов. Такое же письмо было получено германским посольством при вторжении немецких войск в Бельгию, Голландию и Люксембург, начавшемся в мае 1940 года. Именно Молотов вел еще осенью 1939 года переговоры с финским правительством об обмене части советской территории в Карелии на Карельский перешеек и часть финских земель близ Ленинграда. Переговоры не принесли успеха, и Молотов потерял терпение. 3 ноября, прервав переговоры, он в угрожающей форме заявил финской делегации: «Мы, гражданские люди, не достигли никакого прогресса. Теперь будет предоставлено слово солдатам».

Фашистская Германия не слишком заботилась о точном соблюдении всех пунктов заключенных с СССР договоров и соглашений. Немецкие войска появились в Финляндии и Румынии. Это вызывало беспокойство в СССР, и Сталин направил Молотова осенью 1940 года для переговоров в Берлин. Он был единственным из советских политических лидеров, кому выпала сомнительная честь пожимать в рейхсканцелярии руку Гитлеру. Однако переговоры в Берлине ни к чему не привели. Гитлер отказался вести переговоры по проблемам, которые особенно волновали советское руководство. Он предложил вместо этого провести переговоры о присоединении СССР к «антикоминтерновскому пакту» и о разделе Британской империи. Молотов вернулся в Москву, ничего не добившись. Впрочем, вслед ему посол СССР в Берлине представил в Кремль специальный доклад о разного рода событиях и слухах, ходивших в Берлине после отъезда Молотова. В этом докладе была и такая подхалимская фраза: «Гитлеру очень понравился товарищ Молотов».

Через дипломатические каналы Молотов также полу-

чал важные сведения, которые говорили о подготовке Германией нападения на СССР. Но новый нарком иностранных дел игнорировал эти данные, опасаясь вызвать раздражение Сталина. Когда уже после нападения Германии посол Шуленбург, вызванный в Кремль к Молотову, передал ему формальное объявление войны, Молотов смог произнести лишь жалкую фразу: «Чем мы это заслужили?»

Молотов в годы войны

Именно Молотов в 12 часов дня 22 июня 1941 года выступил по радио с краткой речью, из которой наша страна узнала о нападении Германии на СССР и о начале войны. Речь Молотова заканчивалась словами: «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами». Эти слова помнят все советские люди старшего поколения. Во всех почти мемуарах, относящихся к этому периоду, можно найти описание обстоятельств, в которых находился тот или иной человек, когда он услышал речь Молотова и узнал о начале войны. Многие недоумевали, почему выступил не Сталин, а Молотов. Но долго раздумывать было некогда: уже шла война.

Еще 6 мая 1941 года Председателем Совета Народных Комиссаров СССР стал сам Сталин. Молотов остался его заместителем. Он вошел также в качестве заместителя Сталина в первый состав Государственного Комитета Обороны, которому после начала войны передавалась вся власть в стране. В ГКО на Молотова были возложены главным образом дипломатические задачи — переговоры с политическими руководителями Великобритании, США и других стран. Еще до создания ГКО — всего через несколько дней после начала войны — Молотов пригласил в Кремль посла Великобритании Криппса и сказал ему во время беседы, что в мире сложилась теперь

такая ситуация, когда можно было бы обусловить взаимную помощь в войне «каким-то соглашением на определенной политической базе». В 1942 году Молотов выезжал в Лондон, чтобы оформить англо-советский военный союз. С такой же миссией он прибыл в Вашингтон для встречи с Рузвельтом и военными и дипломатическими лидерами США.

Фактически лишь однажды Молотову пришлось заниматься в ГКО чисто военными делами. После прорыва немецких войск в октябре 1941 года и окружения под Вязьмой крупной группировки советских армий по заданию ГКО в район Гжатска и Можайска выехали члены ГКО Молотов и Ворошилов. Сталин был близок к панике, к тому же он все еще не вполне доверял военным. По заданию Сталина Молотов и Ворошилов должны были как можно точнее выяснить оперативную ситуацию и рекомендовать меры по локализации немецкого прорыва, непосредственно угрожающего Москве. От Молотова в этой поездке было мало пользы. Конкретные меры были предложены группой офицеров Генштаба, возглавляемой А. М. Василевским.

В годы войны у некоторых новых видов оружия появились не только официальные, но и неофициальные названия. Так, например, советские реактивные системы получили у солдат прозвище «Катюша». В первые же недели войны против танков стали применяться бутылки с зажигательной смесью. Их изготовляли химические службы полков и дивизий сначала просто из бензина с добавками. Потом они стали прибывать из тыла как боеприпасы. Их производили в самых различных артелях или даже на лимонадных заводах, причем рецепты зажигательной смеси были различны. Немцы прозвали эти бутылки «коктейлем Молотова». В Советской Армии это название не применялось, но на Западе оно бытует до сих пор. И довольно часто, читая в западной печати о беспорядках на Ближнем Востоке или демонстрациях и стычках с поли-

цией, можно встретить сообщения о том, что демонстранты или даже повстанцы бросали в войска и полицию бутылки с «коктейлем Молотова». Предложение относительно снабжения войск подобным оружием исходило не от Молотова, но постановление о массовом производстве этих бутылок как противотанкового оружия было подписано заместителем Председателя ГКО Молотовым. Отсюда, по-видимому, и пошло их неофициальное название. В изданной недавно на Западе книге Вильяма Стивенсона «Человек, которого звали неустрашимый» — о работе западных разведок в годы войны — утверждается, что в 1943 году Молотов ездил за 300 километров от линии фронта, чтобы вести с германским руководством переговоры о сепаратном мире. Нам этот факт неизвестен.

Молотов участвовал во всех межсоюзнических конференциях — в Тегеране в 1943 году, в Ялте и в Потсдаме — в 1945 году. Речь шла здесь о координации военных усилий и о послевоенном устройстве Германии, Польши, Балканского полуострова. Еще до конца войны США, СССР, Великобритания и Китай приняли решение о создании после войны организации государств, которая должна будет следить за сохранением мира. Переговоры по этому вопросу велись в 1944—1945 годах и закончились разработкой Устава Организации Объединенных Наций (ООН).

Некоторые из западных дипломатов и государственных деятелей, часто встречавшихся с Молотовым, позднее в своих мемуарах давали ему обычно очень сходную характеристику. Весьма обстоятельный портрет Молотова мы можем найти в мемуарах у Черчилля о второй мировой войне. Черчилль писал:

«Фигура, которую Сталин двинул теперь на престол советской внешней политики, заслуживает некоторого описания, которое в то время не было доступно ни английскому, ни французскому правительству. Вячеслав Молотов был человеком выдающихся способностей и хлад-

нокровной беспощадности. Он пережил ужасающие случайности и испытания, которым все большевистские лидеры подвергались в годы победоносной революции. Он жил и преуспевал в обществе, где постоянно меняющиеся интриги сопровождались постоянной угрозой личной ликвидации. Его подобная пушечному ядру голова, черные усы и смышленые глаза, его каменное лицо, ловкость речи и невозмутимая манера себя держать были подходящим выражением его качеств и ловкости. Больше всех других он годился для того, чтобы быть представителем и орудием политики не поддающейся учету машины. Я встречал его на равной ноге только в переговорах, где иногда проявлялись проблески юмора, или на банкетах, где он благодушно предлагал длинную серию традиционных и бессмысленных тостов. Я никогда не встречал человека, более совершенно представляющего современное понятие робота. И при всем том это все же был, видимо, толковый и остро отточенный дипломат... один за другим щекотливые, испытующие, затруднительные разговоры проводились с совершенной выдержкой, непроницаемостью и вежливой официальной корректностью. Ни разу не обнаружилась какая-либо щель. Ни разу не была допущена ненужная полуоткровенность. Его улыбка сибирской зимы, его тщательно взвешенные и часто разумные слова, его приветливая манера себя держать делали его совершенным орудием советской политики в дышащем смертью мире.

Переписка с ним по спорным вопросам всегда была бесполезна и, если заходила далеко, кончалась лганьем и оскорблениями. Только раз я как будто видел у него нормальную человеческую реакцию. Это было весной 1942, когда он остановился в Англии на обратном пути из Соединенных Штатов. Мы подписали англо-советский договор, и ему предстоял опасный полет домой. У садовой калитки на Даунинг-стрит, которой мы пользовались для сохранения секрета, я крепко взял его за руку, и мы

посмотрели друг другу в лицо. Внезапно он показался глубоко взволнованным. За маской показался человек. Он ответил мне таким же рукопожатием, и это было жизнью или смертью для многих... В Молотове советская машина, без сомнения, нашла способного и во многих отношениях типичного для нее представителя — всегда верного члена партии и последователя коммунистической доктрины... Мазарини, Талейран, Меттерних приняли бы его в свою компанию, если бы существовал другой мир, в который большевики позволяли себе входить» *.

Чарльз Болен, который нередко встречался с Молотовым и Сталиным в 1945—1946 годах, отмечает в своих мемуарах не только несколько унизительное и даже презрительное отношение Сталина к своему министру иностранных дел, но и раболепное отношение Молотова к Сталину, Ч. Болен, в частности, писал:

«Подозрительный по природе и благодаря сталинской выучке, он (Молотов.— Р. М.) не рисковал. Где бы он ни был, за границей или в Советском Союзе, два или три охранника сопровождали его. В Чеквере, доме британского премьер-министра, или в Блэйтер-хаусе, поместье для важных гостей, он спал с заряженным револьвером под подушкой. В 1940 году, когда он обедал в итальянском посольстве, на кухне посольства появлялся русский, чтобы попробовать пиццу.

Молотов был прекрасным помощником Сталина. Он был не выше пяти футов четырех дюймов роста, являя пример сотрудника, который никогда не будет превосходить диктатора. Молотов был также великолепным бюрократом. Методичный в процедурах, он обычно тщательно готовился к спорам по ним. Он выдвигал просьбы, не заботясь о том, что делается посмешищем в глазах остальных министров иностранных дел. Однажды в Париже, когда Молотов оттягивал соглашение, посколь-

* *Черчилль У.* Вторая мировая война. Кн. 1. От войны до войны (1919—1939). Нью-Йорк, 1954. С. 387—388.

ку споткнулся на процедурных вопросах, я слышал, как он в течение четырех часов повторял одну фразу: «Советская делегация не позволит превратить конференцию в резиновый штамп»,— и отвергал все попытки Бирнса и Бевина сблизить позиции.

В том смысле, что он неутомимо преследовал свою цель, его можно назвать искусным дипломатом. Он никогда не проводил собственной политики, что открыл еще Гитлер на известной встрече. Сталин делал политику; Молотов претворял ее в жизнь. Он был оппортунистом, но лишь внутри набора инструкций. Он пахал, как трактор. Я никогда не видел, чтобы Молотов предпринял какой-то тонкий маневр; именно его упрямство позволяло ему достигать эффекта.

Невозможно определить действительное отношение Сталина к любому из его помощников, но большую часть времени Молотов раболепно относился к своему хозяину» *.

О ликвидации Коминтерна и легализации церкви

Еще в 20-е годы Молотов активно участвовал в работе Коминтерна под руководством Зиновьева и Бухарина, потом под руководством Сталина. Так, в 1928 году Бухарин попытался утвердить на VI конгрессе Коминтерна значение нэпа для мировой социалистической практики. Но уже на X пленуме ИККИ в июле 1929 года Молотов объявил Бухарина «правым уклонистом, проповедником развязывания нэпа и свободного товарооборота, то есть в конечном счете развязывания капиталистических элементов в нашей стране». Тогда же Молотов раскритиковал и отверг плодотворную идею Бухарина о союзе с

* *Bohlen C.* Witness to History. P. 380.

социал-демократами, чтобы остановить германский фашизм. Он указал на невозможность подобного союза якобы из-за «перерождения» левого крыла социал-демократов в «социал-фашизм».

Молотов входил в делегации СССР и на всех последующих конгрессах Коминтерна. А в 1943 году именно ему пришлось вести от имени Сталина переговоры с представителями Рузвельта и Черчилля о ликвидации Коминтерна и легализации Русской православной церкви.

В кругах русской эмиграции на Западе, да и среди многих советологов давно уже высказывается мнение о том, что Сталин после тяжелых поражений на фронте в 1941 году обратился за поддержкой к православной церкви. Таким образом он якобы хотел опереться не столько на социалистический патриотизм, сколько на национальные и религиозные чувства русского народа. Но это ошибочное мнение. В речи Сталина от 3 июля 1941 года говорится о защите национальной культуры и государственности не только русского народа, но всех народов СССР, о защите Советской власти и необходимости сплотиться вокруг Советского правительства и «партии Ленина — Сталина». Ни слова нет о церкви и в речи Сталина от 6 ноября 1941 года, но здесь есть слова об укреплении союза рабочих и крестьян, всех народов СССР, о защите социализма. Торжественное заседание в этот день кончилось пением «Интернационала».

Несомненно, кое-что изменилось в отношениях между Советским государством и церковью сразу же после начала войны. Антирелигиозная пропаганда прекратилась, Союз воинствующих безбожников был распущен, и их журнал «Безбожник» не выходил с июня 1941 года. Но было временно ликвидировано и множество других журналов и обществ, не имеющих отношения к обороне. В кадрах кинохроники иногда показывали разрушенные немцами церкви. Однако в целом к концу 30-х годов Русская православная церковь была фактически разгромле-

на. Сохранившиеся еще в Москве священники и архиереи были эвакуированы — многие в Ульяновск, и про них в руководящих кругах Москвы никто не вспоминал в течение всего 1942 года. Однако уже во второй половине 1943 года, то есть после победы под Сталинградом, после разгрома немецких армий на многих фронтах и после боев на Курской дуге, когда победа Советского Союза над Германией для многих наблюдателей уже определилась, западные союзники СССР стали проявлять беспокойство перед перспективой появления Красной Армии в Западной Европе. Надо было как-то успокоить Рузвельта и Черчилля и доказать им, что СССР в данном случае не помышляет о «мировой революции», но только о разгроме немецкого фашизма. С этой целью было решено несколько «перекрасить фасад». В основном это была чисто косметическая операция. Сталин был уверен, что он и после войны сумеет сохранить контроль за деятельностью всех коммунистических партий. Что касается церкви, то никто не собирался восстанавливать ее прежние позиции. То обстоятельство, что частичное восстановление прав церкви отвечало настроениям многих миллионов простых людей, потерявших в войне своих отцов, мужей и сыновей и потянувшихся за утешением, которое давала церковь, было фактором вторичным.

Решение о роспуске Коминтерна было принято еще в мае 1943 года. Это решение, несомненно, было уступкой западным союзникам СССР, хотя оно отвечало желанию и самого Сталина, никогда не жаловавшего Коминтерн особым вниманием или симпатиями. Что касается церкви, то существенные перемены в ее положении произошли осенью 1943 года. В моем архиве есть несколько свидетельств о встрече Сталина и Молотова с руководителями православной церкви. Эти свидетельства различаются между собой в деталях, но не по существу. Наиболее точное описание дает, по-видимому, А. Э. Левитин-Краснов, находившийся в 1943 году в Ульяновске и хорошо зна-

комый с некоторыми из видных архиереев. Он свидетельствует:

«3 сентября митрополит Сергий и его приближенные — Колчицкий с семьей и архимандрит Иоанн Разумов — были уже в вагоне. Отъезд проводился в такой спешке, что не успели даже упаковать вещи. Взяли лишь все самое необходимое... События развертывались с кинематографической быстротой. На другой день рано утром поезд был в Москве. На вокзале митрополита встречали приехавший из Ленинграда столь же внезапно митрополит Алексий (будущий патриарх) и митрополит Киевский Николай... Неожиданность следовала за неожиданностью: митрополита повезли не в его резиденцию в Баумановском переулке, где он жил 15 лет, а в Чистый переулок, в роскошный особняк, который был до войны личной резиденцией германского посла графа Шуленбурга... 4 сентября утром было объявлено, что вечером предстоит визит в Кремль. В 9 часов вечера в Чистый переулок приехал правительственный автомобиль. В него усадили митрополитов Сергия, Алексия и Николая... Через 10 минут автомобиль въехал в Кремль, а еще через 10 минут они вошли в обширный кабинет, облицованный деревом, где за столом сидели два человека... Сталин и Молотов. Обменялись рукопожатиями, уселись. Беседу начал Молотов сообщением о том, что Правительство СССР и лично товарищ Сталин хотят знать нужды церкви. Два митрополита Алексий и Николай растерянно молчали. Неожиданно заговорил Сергий... Митрополит заговорил спокойно, слегка заикаясь, деловым тоном человека, привыкшего говорить о серьезных вещах с самыми высокопоставленными людьми. (Когда Сталин был семинаристом, митрополит Сергий был уже в сане епископа, ректором Петербургской духовной академии.)

Митрополит указал на необходимость широкого открытия храмов, количество которых совершенно не удовлетворяет религиозные потребности народа. Он также за-

явил о необходимости созыва Собора и выборов патриарха. Наконец, он заявил о необходимости широкого открытия духовных учебных заведений, так как у церкви отсутствуют кадры священнослужителей. Здесь Сталин неожиданно прервал молчание. «А почему у вас нет кадров? Куда они делись? — спросил он, вынув изо рта трубку и в упор глядя на своих собеседников. Алексий и Николай смутились... всем было известно, что «кадры» перебиты в лагерях. Но митрополит Сергий не смутился... Старик ответил: «Кадров у нас нет по разным причинам. Одна из них: мы готовим священника, а он становится Маршалом Советского Союза».

Довольная усмешка тронула уста диктатора. Он сказал: «Да, да, как же. Я семинарист. Слышал тогда и о вас». Затем он стал вспоминать семинарские годы. ...Сказал, что мать его до самой смерти сожалела, что он не стал священником. Разговор диктатора с митрополитом принял непринужденный характер. Затем после чаепития началась деловая беседа.

Беседа затянулась до трех часов ночи. В ней помимо Сталина и Молотова участвовали также технические эксперты. Беседу эту можно назвать в полном смысле этого слова исторической. Во время беседы были выработаны Устав Русской церкви и те условия, в которых она существует до сего времени. Как известно, этот порядок в настоящее время вызывает множество нареканий... Но в тот момент, после десятилетий террора, направленного против церкви, новый порядок являлся, несомненно, прогрессивным шагом, так как означал возможность легального существования для православной церкви.

В конце беседы престарелый, больной митрополит был страшно утомлен. Тут и последовал тот эпизод, о котором упоминает Солженицын. Сталин, взяв митрополита под руку, осторожно, как настоящий иподьякон, свел его по лестнице вниз и сказал ему на прощанье следующую фразу: «Владыко! Это все, что я могу в настоя-

щее время для вас сделать». И с этими словами простился с иерархами.

Через несколько дней в особняке на Чистом переулке был созван Собор епископов (собрать его было нетрудно: в русской церкви было в то время семнадцать епископов), а в воскресенье 12 сентября, в день Александра Невского, в Елоховском Богоявленном соборе произошла интронизация вновь избранного патриарха, каким стал митрополит Сергий. Русская церковь после 18-летнего перерыва вновь увенчалась патриархом» *.

Первые годы после войны

В первые годы после войны проведение внешней политики СССР оставалось главной заботой Молотова, хотя по своим личным качествам он мало подходил для работы на дипломатическом поприще. Молотову приходилось не раз выезжать в Нью-Йорк для участия в работе ООН. Его речи на Генеральных Ассамблеях были обычными для него — обстоятельными, сухими и скучными. В тот период у союзников и сторонников США в ООН было большинство голосов, и в Совете Безопасности Молотову очень часто приходилось прибегать к праву «вето». В кругах ООН его прозвали в этой связи «Господин «НЕТ», слово «нет» Молотов произносил много раз. В его обязанности входило и поддержание связей с НКВД (МГБ) по вопросам разведки.

Разумеется, как член Политбюро Молотов несет ответственность и за все репрессии послевоенных лет: за «ленинградское дело», за арест почти всех членов Еврей-

---

* *Левитин-Краснов А.* Рук твоих жар. Тель-Авив, 1979. С. 105—108. О встрече Сталина с руководителями Русской православной церкви можно прочесть и в советских изданиях. См., например: Атеистические чтения. 1990. Вып. 19. С. 52—55.

ского антифашистского комитета, а еще ранее — за выселение многих народностей СССР с их национальной территории. Жертвой одной из этих репрессивных кампаний стала жена самого Молотова — Полина Семеновна Жемчужина.

Еще юной девушкой Полина Жемчужина вступила в партию в 1918 году. Через несколько лет она уже возглавляла женский отдел одного из обкомов партии на Украине. В начале 20-х годов в Москве проходил съезд женотделов, на который приехала и Жемчужина. Но здесь она тяжело заболела и попала в больницу. Молотов, который отвечал за проведение съезда, решил навестить заболевшую делегатку. Потом он приходил к ней еще несколько раз, а после выздоровления Жемчужина уже не вернулась на Украину, а осталась в Москве и стала хозяйкой в доме секретаря ЦК Молотова. Вскоре у них родилась дочь Светлана.

В Кремле Полина Жемчужина очень подружилась с женой Сталина Надеждой Аллилуевой. Молодые женщины часто встречались, были откровенны друг с другом, и для Жемчужиной не было секретом, что отношения между Сталиным и его женой становились все более тяжелыми. В роковой ноябрьский день 1932 года, когда на ужине у Ворошилова Сталин грубо обошелся с Надеждой Аллилуевой, она покинула квартиру Ворошилова вместе с Полиной Жемчужиной, которая долго пыталась успокоить оскорбленную Надежду. Когда утром следующего дня жену Сталина нашли в своей спальне с пистолетом в руке и с простреленной головой, первыми были вызваны сюда Орджоникидзе с женой Зинаидой и Молотов с Полиной. Только после этого разбудили Сталина и сообщили ему о самоубийстве Надежды Сергеевны.

Для мстительного и подозрительного Сталина Полина Жемчужина уже тогда стала персоной non grata. Но Сталин умел ждать и тщательно скрывать свои чувства. «Чистки» 30-х годов обошли Жемчужину. Более того,

она стала занимать во второй половине 30-х годов ответственные посты в аппарате Совета Народных Комиссаров. Некоторое время была заместителем наркома пищевой промышленности, наркомом рыбной промышленности, затем начальником Управления косметической промышленности, или Главпарфюмера. На XVIII съезде ВКП(б) она была избрана кандидатом в члены ЦК.

Жемчужина была еврейкой, и, когда во время Отечественной войны в нашей стране был создан Еврейский антифашистский комитет, жена Молотова стала одним из его руководителей.

В 1948 году на Ближнем Востоке появилось еврейское государство Израиль, созданное по решению ООН при активном содействии СССР. Советский Союз был первым государством, которое объявило об установлении с ним дипломатических отношений. Вскоре в Москву приехала посол Израиля Голда Меир. Было естественным, что на различного рода приемах, которые устраивало в Москве израильское посольство, присутствовали и члены Еврейского антифашистского комитета. Голда Меир и Полина Жемчужина не раз беседовали друг с другом.

К этому надо добавить, что у Жемчужиной была родная сестра, которая еще в годы гражданской войны уехала из России. Полина переписывалась с ней до 1939 года. Если Молотову приходилось заполнять анкету и, в частности, отвечать в ней о «родственниках за границей», то он должен был писать о сестре и племянниках жены, которые теперь жили в Израиле. Хорошие отношения между Израилем и Советским Союзом длились, однако, недолго. В 1948—1949 годах стала набирать силу пресловутая кампания против «безродных космополитов». Начались массовые репрессии против еврейской интеллигенции и ликвидация почти всех еврейских общественных и национальных организаций. В это время для Сталина и наступил удобный момент расправиться с Полиной Жемчужиной, когда-то ближайшей подругой его жены. По

мнению Сталина, она знала слишком много. Конечно, на первый план выдвигались другие обвинения.

П. С. Жемчужина была обвинена в «измене Родине», в связях с международным сионизмом и т. п. Вопрос о ее аресте обсуждался на Политбюро. После того как Берия изложил данные своего ведомства, все члены Политбюро проголосовали за арест Жемчужиной. Молотов воздержался, но и не выступил с опровержением.

Вернувшись домой, Молотов должен был первым сообщить жене и о решении Политбюро, и о ее близком аресте.

— И ты поверил во всю эту клевету! — кричала в отчаянии Полина Семеновна.

— Но там были представлены такие убедительные документы,— отвечал растерянный и подавленный Молотов.

На следующий день Жемчужину арестовали. Бывший Генеральный секретарь ЦК Компартии Израиля С. Микунис рассказал в своих воспоминаниях об одной из встреч с Молотовым:

«...В 1955 году у меня произошла довольно любопытная встреча с Молотовым... В Кремлевской больнице в Кунцево, куда меня положили после того, как я немного прихворнул... Здесь совершенно случайно в одном из больничных корпусов я и встретил Молотова. До этого я его видел только один раз в Париже, когда он выступал на съезде сторонников мира... Теперь, в Кунцево, Молотов был, как и я, в больничной пижаме, но, несмотря на это, он выглядел, как всегда, надменным, выражение лица холодное, жесткое. Увидев его, я подошел к нему и спросил: «Почему вы как член Политбюро позволили арестовать свою жену?» Он окинул меня холодным взглядом и спросил, а кто я, собственно, такой. Я ответил: «Я Генеральный секретарь Коммунистической партии Израиля, и поэтому я вас спрашиваю, и не только вас, я спрошу об этом ЦК... Почему вы дали арестовать свою жену Полину Жемчужину?» Он с тем же стальным ли-

цом, на котором не дрогнул ни один мускул, ответил: «Потому что я член Политбюро, и я должен был подчиниться партийной дисциплине... Я подчинился Политбюро, которое решило, что мою жену надо устранить...» Вот какая любопытная была сценка» *.

Молотов в опале

В 1949 году Сталин часто и подолгу болел и при решении проблем, не терпящих отлагательства, его заменял Молотов, конечно, консультируясь с другими членами Политбюро. Когда в декабре 1949 года отмечалось 70-летие Сталина и каждый из членов Политбюро должен был опубликовать большую статью с восхвалениями «вождя и учителя», Молотов первым получил такую возможность. Через несколько месяцев отмечалось 60-летие самого Молотова. Его наградили четвертым орденом Ленина (еще в 1943 году ему было присвоено звание Героя Социалистического Труда, а в 1946 году Молотов был избран почетным академиком Академии наук СССР). На карте нашей страны появилось еще несколько поселков и кишлаков, названных в честь Молотова. В бывшем городе Нолинске (ставшем Молотовском), в доме, где жила семья Скрябиных, работал теперь дом-музей Молотова. Но хотя все почти западные наблюдатели продолжали считать Молотова вторым после Сталина человеком в советской и партийной иерархии, однако именно в этот период Молотов стал постепенно попадать в опалу у Сталина. Арест жены был только одним из признаков недоверия Сталина. Неожиданно Молотов был освобожден от обязанностей министра иностранных дел. Вместо него на этот пост был назначен А. Я. Вышинский, который

* Цит. по: Время и мы (Иерусалим — Париж — Нью-Йорк). 1979. № 48. С. 161—162.

давно уже показал себя непревзойденным мастером демагогических речей. Он хорошо натренировался по этой части на разного рода «показательных» и «открытых» процессах над «врагами народа» еще в 30-е годы, когда он выступал на фальсифицированных спектаклях в качестве прокурора СССР. Теперь речи Вышинского стали звучать с трибуны Генеральной Ассамблеи ООН. Конечно, Молотов оставался членом Политбюро и заместителем Сталина в Совете Министров. Но Сталин все реже и реже давал Молотову какие-либо ответственные поручения. Вскоре Сталин перестал приглашать его на свою дачу, где во время продолжительных обедов и ужинов, затягивавшихся обычно далеко за полночь, решались важные государственные дела. Хрущев вспоминал: члены Политбюро иногда сами приглашали Молотова присоединиться к ним, что очень сердило Сталина. В конце концов Сталин просто запретил приглашать к себе Молотова. Однажды Сталин при Хрущеве высказал подозрение, что Молотов был завербован во время своих поездок за границу и стал «агентом американского империализма». Сталин попросил узнать через Вышинского, который был в это время в США, каким образом Молотов ездил по стране в период своего пребывания в Америке и не выделялся ли ему специальный вагон, как будто это могло быть важной уликой против Молотова. Многих из арестованных в это время людей заставляли давать ложные показания на Молотова, а также на Кагановича, Ворошилова и Микояна. Тем не менее на XIX съезде партии Молотов не только вошел в состав небольшого президиума съезда, но и открыл этот съезд краткой вступительной речью. В конце съезда Молотов был избран в состав ЦК и в расширенный, согласно пожеланиям Сталина, Президиум ЦК КПСС (36 членов и кандидатов). Для постоянного руководства партийными делами Сталин предложил избрать Бюро Президиума и продиктовал список из девяти фамилий. Среди них не было фамилии Мо-

лотова. В высоких кругах стали смотреть на Молотова как на обреченного человека. Имелось много признаков того, что Сталин хочет провести после XIX съезда новую террористическую чистку партийных верхов и что Молотов станет одной из ее первых жертв. Подробно атмосферу готовившегося нового погрома «кадров» отчетливо передает в своих воспоминаниях К. Симонов. Речь идет о Пленуме 16 октября 1952 года. *«Главной особенностью речи Сталина было то, что он не счел нужным говорить вообще о мужестве или страхе, решимости и капитулянтстве. Все, что он говорил об этом, он привязал конкретно к двум членам Политбюро, сидевшим здесь же в зале...*

Сначала со всем этим синодиком обвинений и подозрений, обвинений в нестойкости, в нетвердости, подозрений в трусости, капитулянтстве он обрушился на Молотова. Это было настолько неожиданно, что я сначала не поверил своим ушам... Он говорил о Молотове долго и беспощадно... Он обвинялся во всех тех грехах, которые не должны иметь места в партии, если время возьмет свое и во главе партии перестанет стоять Сталин» *.

Позднее, в 70-е годы, на вопрос Ю. Идашкина, были ли возможны его арест и физическое уничтожение, Молотов ответил: «Да, я был готов ко всему!» Правда, вину на Сталина он и в этом случае не возлагал, объясняя причину событий казенной фразой: «Революций без жертв не бывает!» **

---

* *Симонов К.* Глазами человека моего поколения. М., 1988. С. 241, 242.

** См.: *Идашкин Ю.* Знакомый по портретам. Давнее интервью с В. М. Молотовым // Литературная Россия. 1988. 22 июля.

Первый год после смерти Сталина

Физическая дряхлость Сталина прогрессировала, и это было очевидным для его ближайшего окружения, однако его смерть застала врасплох не только всю страну, но и верхи партии. Трудно было поверить, что человек, на которого смотрели как на божество, может умереть от спазма сосудов мозга или сердечной недостаточности. И народ, и партия настолько привыкли к необходимости иметь «вождя», что сразу же после смерти Сталина повсюду раздавались вопросы: кто теперь заменит? Имя Молотова называлось при этом чаще других, и это неудивительно. Сам Н. С. Хрущев писал позднее в своих мемуарах, что все люди довоенного руководства рассматривали Молотова как будущего вождя, который заменит Сталина, когда Сталин уйдет из жизни. Хрущев мотивировал это не только высоким положением Молотова в партии, но и тем, что он был наиболее известным партийным и политическим деятелем после Сталина.

Конечно, никто не думал сравнивать тогда Молотова со Сталиным. Помню, что через день после смерти Сталина ко мне, работавшему тогда преподавателем в одном из рабочих поселков на Урале, пришли местные учителя. Это были мужчины, прошедшие войну и фронт. Один из них, сильно выпивший, плакал. «За кого мы теперь воевать будем,— повторял он.— За Сталина мы умирали. А теперь? За Молотова? Нет, за Молотова я умирать не пойду». Популярностью среди бывших солдат и офицеров Молотов явно не пользовался.

Вскоре из газет мы узнали, что считавшийся тогда главным пост Председателя Совета Министров СССР будет занят Г. М. Маленковым, а Молотов, Берия, Булганин и Каганович станут его заместителями. Маленков, Молотов и Берия выступали на траурном митинге во время похорон Сталина. При этом во всех официальных со-

общениях фамилии «вождей» перечислялись в следующем порядке: Маленков, Берия, Молотов, Ворошилов, Хрущев, Булганин, Каганович, Микоян. В своей речи на траурном митинге Молотов, в частности, сказал: *«Мы по праву можем гордиться тем, что последние тридцать лет жили и работали под руководством товарища Сталина... Мы — ученики Ленина и Сталина. И мы всегда будем помнить то, чему до последних дней учил нас Сталин...*

Вся жизнь товарища Сталина, освещенная солнечным светом великих идей вдохновенного народного борца за коммунизм,— живой и жизнеутверждающий пример для нас» *.

Молотов вошел в новый, более узкий состав Президиума ЦК КПСС и вновь был назначен министром иностранных дел СССР.

Сразу же после смерти Сталина начались реабилитация и освобождение отдельных людей. Видимо, первым из них был киносценарист А. Я. Каплер, арестованный в годы войны за связь с дочерью Сталина Светланой Аллилуевой. Сталин не желал этого брака. Каплер был освобожден 6 марта 1953 года. Еще через несколько дней освободили и жену Молотова Полину Жемчужину. День похорон Сталина 9 марта совпал с днем рождения Молотова. Спускаясь с трибуны Мавзолея, Хрущев и Маленков все же поздравили его с днем рождения и спросили, что бы он хотел получить в подарок? «Верните Полину»,— сухо сказал Молотов и прошел мимо. Просьбу немедленно передали Берии. Последний, впрочем, и сам понимал, что неразумно держать жену Молотова в заключении. Жемчужина в этот момент была уже в Москве. В 1949 году ее приговорили к нескольким годам ссылки. Но в январе 1953 года она была включена в число участников «сионистского заговора» вместе с группой еврейских врачей и уже покойным к тому времени Михоэлсом.

---

* Правда. 1953. 10 марта.

Ее начали допрашивать с применением пыток. Допросы прекратились только 1 или 2 марта. А 9 или 10 марта ее вызвали в кабинет к Берии. Она не знала о смерти Сталина и готовилась к худшему. Но Берия неожиданно вышел из-за стола, обнял свою гостью и воскликнул: «Полина! Ты честная коммунистка!» Жемчужина упала на пол, потеряв сознание. Но ее быстро привели в чувство, дали немного отдохнуть и переодеться и отвезли на дачу к Молотову — весьма необычный подарок к уже прошедшему дню рождения.

Молотов поддержал Хрущева и Маленкова, когда они, сохраняя все меры предосторожности, обсуждали с другими членами руководства вопрос об аресте Берии. На следующий год Молотов принял сторону Хрущева и Булганина, когда на одном из Пленумов ЦК против Маленкова были выдвинуты различные обвинения, и, в частности, в плохой работе по руководству сельским хозяйством. В последние годы при Сталине именно Маленков отвечал в Политбюро за состояние дел в сельском хозяйстве. Молотов обвинил Маленкова также в недооценке развития тяжелой индустрии. В результате Маленков был освобожден от обязанностей Председателя Совета Министров СССР, а на его пост был назначен Н. А. Булганин. Однако согласие между Молотовым и Хрущевым продолжалось недолго. Они слишком отличались друг от друга и по взглядам и по стилю работы.

Оппозиция руководству Хрущева

Уже к концу 1954 года влияние Хрущева в новом составе руководства страной и партией становится преобладающим. Изменился не только стиль, но и содержание руководства; в Президиуме ЦК КПСС постоянно шло обсуждение множества новых инициатив и предложений.

При этом руководящая роль Хрущева проявилась при проведении не только внутренней, но и внешней политики СССР, что особенно раздражало Молотова, который все еще оставался не только членом Президиума ЦК КПСС, но и министром иностранных дел. Уже при обсуждении вопроса об освоении целинных земель Молотов и Ворошилов высказали ряд возражений. Они критиковали проект постановления о новом порядке планирования в сельском хозяйстве. Молотов был также против безоговорочной «реабилитации» Иосипа Броз Тито, который оставался для него если не «фашистом», то «ревизионистом». Поэтому предварительные переговоры о нормализации отношений с Югославией проводились помимо МИДа, и Молотов не принял участия в поездке Хрущева и Булганина в Югославию. Молотов во многом мешал нормализации отношений с Японией и особенно заключению государственного договора с Австрией. Предполагалось объявить Австрию нейтральной страной, гарантировать ее нейтралитет специальным соглашением великих держав. Однако на значительной части Австрии, включая Вену, еще находились советские войска, и Молотов считал, что, уходя из Австрии, СССР делает слишком большую уступку «империалистам». В своих воспоминаниях лидер австрийских социал-демократов и будущий канцлер Австрии Бруно Крайский писал, насколько трудными были переговоры. По его словам, во время одной из встреч на переговорах Молотов повторил австрийским лидерам: *«Обдумайте проект договора еще раз. Мы дадим вам всю власть в стране, мы отзовем советские войска и демонтируем все советское управление. Вы станете полностью свободными и суверенными. Но мы хотим только в одной части страны зафиксировать свое присутствие»**. В Австрии находились в 1954 году советские войска численностью в 46 тысяч человек. Мо-

* Цит. по: Der Spiegel. 1986. N 36. S. 149—150.

лотов предлагал вывести из страны 41 тысячу и оставить там 5 тысяч. Были, конечно, и другие проблемы, и если бы решающее слово принадлежало Молотову, то в Австрии и сегодня, вероятно, находились бы советские войска. На уступки пошли Хрущев и Булганин, и Молотов должен был отступить. Не участвовал он и в поездке Хрущева и Булганина в Индию и Бирму в 1955 году. Консервативная позиция Молотова во внешней политике была подвергнута критике на июльском Пленуме ЦК в 1955 году.

Была поставлена под сомнение и его роль как теоретика. Выступая на одной из сессий Верховного Совета СССР, Молотов сказал, что в нашей стране построены «основы социалистического общества». Это высказывание вызвало возражения у других членов ЦК, которые утверждали, что «основы социализма» были построены в СССР еще в начале 30-х годов, а в начале 50-х уже построено и само социалистическое общество. Хотя, в сущности, Молотов был более прав, чем его оппоненты, он проиграл в этом догматическом споре и вынужден был публично признать свою ошибку. В журнале «Коммунист» было опубликовано его письмо в редакцию, в котором он заявлял:

«...Считаю свою формулировку по вопросу о построении социалистического общества в СССР, данную на сессии Верховного Совета СССР 8 февраля 1955 года, из которой можно сделать вывод, что в Советском Союзе построены лишь основы социалистического общества, теоретически ошибочной и политически вредной» *.

Уже в 1953—1955 годах в Советском Союзе было реабилитировано около десяти тысяч человек, главным образом партийных и советских работников, о восстановлении честного имени которых просили достаточно влиятельные люди. Но Молотов после освобождения своей

---

* Коммунист. 1955. № 14. С. 127—128.

жены скорее противился, чем способствовал новым реабилитациям. Многие заявления шли из бесчисленных лагерей на его имя. Написал Молотову свою просьбу о реабилитации и бывший видный работник МИДа Е. А. Гнедин. Но он получил быстрый и решительный отказ. В своих воспоминаниях Гнедин писал:

«...Отказ в реабилитации, мотивированный с бесстыдством худших сталинских времен, был ответом на заявление, адресованное мною Молотову. В письме прокуратуры имелось на это точное указание. Адвокат, с которым советовалась моя жена, сказал, что было ошибкой обращаться к Молотову, хотя мы одновременно обратились в различные инстанции. К Молотову не следовало обращаться, потому что в 1953 году именно он был еще способен предложить генеральному прокурору отказать мне в реабилитации. Молотов, казалось, не был исполнителем чужой воли. Разве что тень диктатора благословила Молотова и Руденко на новые беззакония» *.

XX съезд КПСС и закрытый доклад Хрущева на этом съезде «О культе личности и его последствиях» привели к еще большему расхождению между Хрущевым и Молотовым, которого поддержали на этот раз и такие люди, как Маленков, Каганович и Ворошилов. Д. Т. Шепилов вспоминает о неожиданном звонке, прозвучавшем в его кабинете главного редактора «Правды» после XX съезда:

«— Товарищ Шепилов?

— Да, это я.

В голосе говорившего со мною слышалось едва сдерживаемое раздражение, он слегка заикался:

— Прекратите ругать в «Правде» Сталина.

Я сразу понял: это был В. М. Молотов.

— Я Сталина не ругаю. Я выполняю решения XX съезда.

— Я еще раз прошу вас: прекратите ругать Сталина.

---

* *Гнедин Е.* Выход из лабиринта. Нью-Йорк, 1982. С. 112.

— Товарищ Молотов,— отвечаю ему.— Я могу только повторить, что сказал: я выполняю решения XX съезда. Вы недовольны? Тогда выносите вопрос на Президиум ЦК» *.

О разногласиях в Президиуме ЦК КПСС мало знали рядовые коммунисты, а тем более рядовые граждане страны. Но они не были секретом для многих ответственных работников, о них догадывались и многие дипломаты западных стран, которые строили на этот счет различные догадки. Эти разногласия не были тайной и для почитателей Сталина в Грузии. Когда в марте 1956 года в Тбилиси состоялись массовые манифестации, направленные против решений XX съезда и лично против Хрущева и Булганина, то среди лозунгов, которые выкрикивали участники демонстрации, можно было услышать не только «Долой Хрущева!» или «Долой Булганина!», но и «Молотова — в премьер-министры СССР!», «Молотова — во главе КПСС!». Эти манифестации были, как известно, подавлены с применением военной силы. После съезда Молотов фактически не выполнял большинства своих обязанностей по Министерству иностранных дел. Когда в Москву в качестве посла Югославии прибыл в конце марта 1956 года Велько Мичунович, он должен был перед вручением верительных грамот Председателю Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилову посетить В. М. Молотова как министра иностранных дел. После этой встречи посол записал в своем дневнике:

«Встреча с Молотовым проходила в атмосфере благожелательности. Беседа была искренней, временами даже сердечной, как будто речь шла о разговоре двух старых знакомых, которые долго не виделись друг с другом. Не было заметно даже следа от нашего идеологиче-

---

* Проблемы истории и современность. «Круглый стол» // Вопросы истории КПСС. 1989. № 2. С. 50.

ского и политического конфликта, когда именно Молотов вместе со Сталиным составлял и подписывал угрожающие письма югославскому руководству. Хотя я и не настаивал на быстрой аккредитации, Молотов обещал мне переговорить с Ворошиловым и сделать все, чтобы эта процедура произошла так скоро, как возможно... У меня, однако, осталось впечатление: хотя Молотов и был министром иностранных дел, он уже не держал всех нитей советской внешней политики. Это было очевидно по крайней мере в отношении Югославии. Хотя нормализация советско-югославских отношений была важнейшим внешнеполитическим актом Советского Союза, Молотов не принимал в этом никакого участия... Мы знали, что он был против поездки советской делегации в Белград. Он был, вероятно, также заинтересован в нормализации отношений между СССР и Югославией. Но, по его мнению, все же именно югославы должны были приехать в Москву, чтобы вести переговоры... создавалось впечатление, как будто русские приехали в Белград, дабы просить прощения» *.

Молотов не был включен в советскую правительственную делегацию, которая в апреле 1956 года посетила Англию, еще раньше он не был вместе с Хрущевым в Китае. В середине 1956 года, всего за день до начала визита в СССР президента Югославии Иосипа Броз Тито Молотов был освобожден от обязанностей министра иностранных дел. Это было сенсацией для иностранных наблюдателей, которые считали это «подарком» для Югославии. Но Молотов оставался заместителем Председателя Совета Министров СССР и участвовал во всех праздничных церемониях в честь Тито и даже произносил речи на приемах. Он оставался и членом Президиума ЦК КПСС.

Политический кризис в Польше в октябре 1956 года

* *Mićunović V.* Moskovske godine 1956/1958. Zagreb, 1977. S. 61, 63.

и драматические события в Венгрии осенью того же года, казалось, подтверждали многие из предсказаний Молотова. Большая речь Тито с критикой Советского Союза, его внешней политики и лично Хрущева, речь, в которой Тито говорил о всех советских руководителях как о сталинистах и о сохранении сталинизма в СССР, также крайне задела Хрущева и усилила в определенных кругах аппарата влияние Молотова. Уже в январе 1957 года в Москве стали распространяться слухи о возможной отставке Хрущева и возвышении Молотова. Правда, было немало разговоров и об отставке Молотова.

Известно, что в 1956 году в СССР был собран рекордный урожай зерна. Хрущев использовал это как доказательство правильности своей сельскохозяйственной политики. Было решено наградить несколько сотен наиболее отличившихся колхозов и совхозов орденами. В большом списке преобладали колхозы и совхозы имени Сталина. На втором месте стояли колхозы и совхозы имени Молотова, на третьем — имени Хрущева и только на четвертом — имени Ленина, их было вдвое меньше, чем имени Сталина.

Удаленный от дел международных, Молотов продолжал играть в партии заметную роль. Постепенно вокруг него образовалась группа недовольных членов ЦК, многие из которых входили и в Президиум ЦК КПСС. Их число стало быстро расти после того, как Хрущев начал энергично проводить в жизнь свою административную реформу, ликвидировать промышленные министерства и создавать областные и региональные управления промышленностью — совнархозы (советы народного хозяйства). Эта перестройка не устраивала многих министров и ответственных работников министерств, значительная часть которых должна была покинуть Москву, чтобы возглавить местные совнархозы и их управления. Часть руководителей обкомов партии была недовольна Хрущевым, который неожиданно выдвинул лозунг об увеличении

производства мяса в СССР в три раза в течение всего трех-четырех лет. Все это использовал Молотов и члены его группы, о существовании которой некоторые дипломаты уже сообщали в своих донесениях из Москвы.

22 апреля 1957 года, в день рождения Ленина, в «Правде» была опубликована большая статья Молотова «О Ленине». Из нее можно было легко заключить, что Молотов — единственный человек в Президиуме ЦК, кто работал непосредственно под руководством Ленина и встречался с ним еще с апреля 1917 года. О преступлениях Сталина Молотов говорит в этой статье только как об «ошибках». Он писал: *«Мы знаем, что отдельные ошибки, и иногда тяжелые ошибки, неизбежны при решении столь больших и сложных исторических задач. Нет и не может быть гарантии на этот счет ни у кого».*

В целом же политика партии, по утверждению Молотова, была всегда правильной и она всегда была «верна знамени ленинизма».

Тем временем в условиях строгой конспирации продолжались встречи и беседы участников оппозиции Хрущеву. На пост первого секретаря ЦК предполагалось избрать Молотова. Хрущева, если он добровольно сложит с себя полномочия главы партии, намечалось назначить министром сельского хозяйства или на какой-либо иной пост. В случае его отказа подчиниться большинству Президиума не исключался и арест Хрущева. События приняли, однако, иной оборот.

Решающее столкновение между Молотовым и Хрущевым произошло в июне 1957 года на заседании Президиума ЦК КПСС. У группы Молотова было большинство: к ней присоединились также Н. А. Булганин, М. Г. Первухин, М. З. Сабуров и Д. Т. Шепилов, не говоря уже о Кагановиче, Маленкове и Ворошилове. Но Молотов просчитался. Он не имел большинства на Пленуме ЦК, который был созван по требованию сторонни-

ков Хрущева. Молотов не пользовался поддержкой ни КГБ, во главе которого стоял И. А. Серов, ни армии, во главе которой стоял Г. К. Жуков. Большинство членов ЦК КПСС опасались, что с приходом к власти Молотова снова начнутся репрессии среди партийного и государственного аппарата. Поражение группы Молотова на июньском Пленуме ЦК КПСС было настолько полным, что даже его сторонники проголосовали за принятие постановления, осуждающего его деятельность. Воздержался при голосовании лишь сам Молотов. Пленум вывел Молотова, Кагановича, Маленкова и Шепилова из состава Президиума и исключил их из ЦК КПСС. Это был единственный случай в истории партии, когда Центральный Комитет не подчинился решению своего Президиума (Политбюро) и отменил его решение. Политическая карьера Молотова фактически закончилась.

На третьих ролях

После июньского Пленума Молотов и его ближайшие союзники опасались ареста, но Хрущев воздержался от подобного шага и даже не настаивал на исключении «фракционеров» из партии. Молотов получил относительно ответственное поручение — его назначили послом СССР в Монголии. Работа в Монголии не требовала от Молотова значительных усилий. Еще в прежние годы он претендовал не только на роль политика, но и на роль теоретика марксизма-ленинизма. Теперь он продолжил свои занятия теорией. Внимательно следил за всеми событиями в Москве и в мире и не боялся их комментировать в беседах с немногими из посетителей советского посольства в Улан-Баторе. Так, например, он одобрял основные решения по внешней политике СССР, но критически высказывался по поводу поспешной ликвидации МТС (машинно-тракторных станций) и продажи всей техники МТС

колхозам. Впрочем, он был в этом прав, так как ликвидация МТС производилась действительно в крайней спешке и это нанесло немалый ущерб колхозам нашей страны.

В марте 1958 года в Улан-Баторе состоялся очередной съезд правящей Монгольской народно-революционной партии. В Улан-Батор прибыла и советская делегация, возглавляемая членом Президиума, секретарем ЦК КПСС Н. Г. Игнатовым. Советская делегация бойкотировала Молотова. Игнатов не только не встретился с новым советским послом в Монголии, но не приглашал его на встречи с лидерами Монголии и МНРП, хотя это и противоречило общепринятому протоколу. Прибывшие в Улан-Батор делегации других социалистических стран также игнорировали советское посольство. Только Велько Мичунович, югославский посол в Москве, которому было поручено представлять в Монголии Союз коммунистов Югославии, нанес визит Молотову. Они беседовали несколько часов, вспоминая общих московских знакомых и обсуждая международные события. Молотов говорил, что он сам хорошо переносит монгольский климат, но что его жена чувствует себя в Улан-Баторе очень плохо.

Молотов присутствовал на первых заседаниях съезда, но покинул зал при выступлении Игнатова. Последний говорил об успехах Советского Союза и КПСС, но не преминул упомянуть о разгроме антипартийной группы Молотова и других и высказал резкие критические замечания о самом Молотове. Это было воспринято как бестактность монгольскими руководителями, которые рассматривали Молотова как посла СССР и не хотели, чтобы споры внутри КПСС выносились на заседания монгольской правящей партии. Не слишком понравилось выступление Игнатова и делегациям других коммунистических партий. Когда советская делегация покидала Улан-Батор, то Молотов, естественно, был среди

провожающих. Однако Игнатов прошел мимо него, не подав ему руки и не попрощавшись, как со всеми другими.

Совершенно иначе относились к Молотову представители различных китайских делегаций, которые посещали Монголию. Китай выстроил в Улан-Баторе огромное здание своего посольства, рядом с которым советское казалось небольшим домиком. При всяком удобном случае китайские деятели демонстрировали свое уважение к Молотову как ближайшему ученику и соратнику Сталина.

Бывали случаи, когда Молотов проявлял и свою собственную, то есть не санкционированную Москвой, дипломатическую активность. Однако Хрущеву трудно было бы придраться к подобным действиям своего недавнего и опасного противника. Так, например, в начале 1958 года из-за разногласий между Хрущевым и Тито, стремившимся сохранить во что бы то ни стало независимость Югославии и не входить в так называемый социалистический лагерь, отношения между СССР и СФРЮ вновь ухудшились. В советской печати был подвергнут резкой критике проект программы Союза коммунистов Югославии. Прекратились поставки оборудования в Югославию по уже обусловленным кредитам. В разгар этой полемики посольство Югославии в Москве получило теплую поздравительную телеграмму, отправленную обычной почтой из советского посольства в Улан-Баторе и подписанную Молотовым. *«...Я желаю Вам (то есть послу.— Р. М.) и всем сотрудникам Вашего коллектива,— говорилось в телеграмме,— здоровья и дальнейших успехов в Вашей работе по развитию дружбы между нашими странами, нашими народами и посвященную укреплению мира и социализма».*

Это была единственная телеграмма, которая пришла к празднику Первого мая в югославское посольство, других телеграмм от советских дипломатов или обычных

граждан нашей страны не поступило. Югославский посол В. Мичунович ответил Молотову краткой телеграммой, отправленной также не по дипломатическим каналам, а с московского телеграфа *.

В апреле 1960 года при подготовке к 90-летию со дня рождения В. И. Ленина Молотов прислал в редакцию журнала «Коммунист» большую статью «О Владимире Ильиче Ленине». Эта статья, однако, не была опубликована.

В конце концов Хрущев решил перевести Молотова на работу подальше от китайских границ. Как раз в это время член-корреспондент АН СССР В. С. Емельянов, перегруженный множеством обязанностей и должностей, попросил освободить его от должности советского сопредседателя Международного агентства по атомной энергии при ООН. Штаб-квартира этого агентства располагалась в Вене. Вскоре решением Совета Министров СССР руководителем Советского представительства в упомянутом агентстве ООН был назначен Молотов. Общее руководство было оставлено, однако, за Емельяновым. Молотову пришлось переехать из Монголии в Австрию.

Во время венской встречи Хрущева с новым американским президентом Дж. Кеннеди среди приглашенных можно было увидеть и медленно передвигающегося старого человека небольшого роста в пенсне с золотой оправой. Это был Молотов, советский представитель в агентстве ООН по атомной энергии. Когда появился Хрущев, Молотов приветствовал его с непроницаемым лицом. Хрущев небрежно ответил на приветствие и прошел мимо.

Летом 1961 года в СССР началась активная подготовка к очередному, XXII съезду партии. Был опубликован проект новой Программы КПСС для его всенарод-

* См.: *Mićunović V.* Moskovske godine 1956/1958. S. 446—447.

ного обсуждения. В печати, однако, публиковались только такие статьи, которые полностью одобряли проект Программы или вносили в него не слишком существенные добавления и исправления. Молотов также решил принять участие в этом обсуждении. Незадолго до начала съезда он направил в ЦК КПСС заявление, содержащее подробный и критический разбор проекта Программы КПСС. Молотов утверждал, что этот проект — ошибочный и «ревизионистский» документ. Его критические замечания не были опубликованы. Краткий и, возможно, не вполне точный разбор письма Молотова можно найти лишь в речах на съезде П. А. Сатюкова и П. Н. Поспелова. Сам факт выступления Молотова против Программы КПСС вызвал раздражение у Хрущева. Несомненно, это было одной из причин включения в его отчетный доклад специального раздела, посвященного критике «антипартийной группы» Молотова, Маленкова, Кагановича и других «фракционеров». Резкая критика Молотова содержалась и в речах других делегатов съезда. На этот раз о преступлениях Сталина, Молотова и прочих ближайших помощников вождя говорилось не в закрытом докладе, а в открытых выступлениях делегатов и докладчиков съезда. Многие из делегатов требовали исключить Молотова и его политических союзников из партии. И действительно, вскоре после окончания съезда Молотов был снят со всех своих постов. Первичная организация, в которой он состоял на учете, исключила его из партии.

В феврале 1962 года бюро Свердловского райкома партии Москвы исключило Молотова из рядов КПСС за антипартийную фракционную деятельность, активное участие в массовых репрессиях. Молотов направил письмо в МГК КПСС с просьбой оставить его в партии. На заседании бюро горкома тогдашний первый секретарь МГК П. Н. Демичев задал ему вопрос: «Мы спрашиваем вас как человека: почему вы, подписывая списки, без-

винных людей направляли на расстрел?» Молотов ответил: «Я считаю это ошибкой» *.

Бывший советский премьер был отправлен на пенсию. Что касается городов и поселков, носящих имя Молотова, то им были возвращены прежние названия еще в 1957 году. В стране не осталось больше ни одного предприятия или учреждения «имени Молотова».

Вскоре после XXII съезда, как вспоминает А. И. Аджубей, Полина Семеновна Жемчужина добилась приема у Хрущева. *«В ответ на ее просьбу восстановить мужа в партии Никита Сергеевич показал ей документ с резолюцией Молотова о расстреле жен Косиора, Постышева и других ответственных работников Украины, затем спросил, можно ли, по ее мнению, говорить о восстановлении Молотова в партии или надо привлекать к суду»* **.

Молотов на пенсии

Еще в 1961 году Молотов вернулся в Москву. После исключения из партии он лишился многих пока остававшихся у него привилегий. Однако часть из них была сохранена для жены Молотова. Вместе с ней и немногочисленной семьей Молотов жил или в своей квартире на улице Грановского, или на даче в Жуковке, дачном поселке для привилегированных лиц. Мало кто навещал его, кроме родственников.

Однажды его посетила дочь Сталина Светлана Аллилуева. В книге «Только один год» Аллилуева писала:

«Я видела постаревшего, поблекшего Молотова — пенсионера в его небольшой квартире, уже после того, как Хрущева сменил Косыгин. Молотов, по обыкновению,

---

* См.: *Буков К., Самородов А.* Правая рука // Московская правда. 1989. 6 апр.

** *Аджубей А.* Те десять лет // Знамя. 1988. № 6. С. 96.

говорил мало, а только поддакивал. Раньше я всегда видела его поддакивающим отцу. Теперь он поддакивал жене. Она была полна энергии и боевого духа. Ее не исключили из партии, и она теперь ходила на партийные собрания на кондитерской фабрике, как в дни молодости. Они сидели за столом всей семьей, и Полина говорила мне: «Твой отец был гений. Он уничтожил в нашей стране пятую колонну, и, когда началась война, партия и народ были едины. Теперь больше нет революционного духа, везде оппортунизм. Посмотри, что делают итальянские коммунисты! Стыд! Всех запугали войной. Одна лишь надежда на Китай. Только там уцелел дух революции!» Молотов поддакивал и кивал головой. Их дочь и зять молчали, опустив глаза в тарелки. Это было другое поколение, и им было стыдно. Родители походили на ископаемых динозавров, окаменевших и сохранившихся в ледниках» *.

Эта беседа происходила в разгар «культурной революции» в Китае.

В 1963—1967 годах они часто выходили погулять по арбатским переулкам, при этом оживленно беседуя, нежно прижавшись друг к другу. Через несколько лет П. С. Жемчужина умерла. Организацию похорон взяла на себя та фабрика, в которой Жемчужина состояла на партийном учете. На этих похоронах были также представители райкома партии. На траурном митинге выступил и Молотов. Это было его первое и последнее публичное выступление после ухода на пенсию. Он говорил о том пути, который прошла покойная, и одновременно о той большой работе, которую проделали партия и Советское государство в 30—40-е годы. Но Молотов конечно же умолчал об аресте и ссылке своей жены и о преступлениях прошлых лет.

Еще в середине 60-х годов Молотов начал писать ме-

---

* *Аллилуева С.* Только один год. Нью-Йорк, 1970. С. 353.

муары. Он работал над ними не только дома, но регулярно приходил в профессорский зал Государственной библиотеки имени Ленина. Конечно, Академия наук уже давно исключила Сталина и Молотова из списка «почетных» академиков. Но за Молотовым было сохранено право посещать зал для профессоров и академиков. Этот же зал обычно посещают и иностранцы, которым приходится работать в Москве над своими дипломами или книгами. В 1968 году рядом с Молотовым занималась одна французская студентка. Заметив, что молодая женщина слишком часто и с любопытством смотрит на него, он, проходя мимо, положил на ее стол клочок бумаги, на котором было написано: «Молотов — правая рука Сталина в прежние времена».

Закончив первую часть своих мемуаров — о временах революции 1905 и 1917 годов,— Молотов позвонил писателю Борису Полевому, который был главным редактором журнала «Юность». Именно в этом журнале в 1967 году была опубликована первая часть мемуаров А. И. Микояна, также о временах революции. Но Борис Полевой явно не торопился принять предложение Молотова. Он попросил позвонить еще через несколько дней. Когда Молотов позвонил Полевому во второй раз, тот сухо ответил, что «Юность» не будет печатать его мемуаров и что он советует передать их в Институт марксизма-ленинизма. Неизвестно, последовал ли Молотов этому совету. Однако все, кто знал его, убеждены, что в своих мемуарах он не стал бы ни в чем раскаиваться и ничего пересматривать, а только искал бы любые доводы для оправдания своего прошлого.

В своей квартире Молотов жил с дочерью Светланой, историком по профессии. Ему не полагалось никакой охраны, и он мог свободно ходить и ездить по Москве и стране, куда ему заблагорассудится. Кроме библиотеки он часто посещал различные выставки и концерты. Но особенно часто Молотов ходил в театры. У него были и

любимые постановки. Так, например, в театре имени Вахтангова он несколько раз смотрел пьесу Корнейчука «Фронт», в которой по ходу действия боец говорил: «Я написал письмо Молотову».

В Театре на Таганке Молотов несколько раз побывал на пьесе «Десять дней, которые потрясли мир». В одной из сцен после 1964 года долгое время сохранялся замаскированный, но понятный тогда всем критический выпад против Хрущева, которого в конце 1964 года Пленум ЦК отправил на пенсию. Очень часто Молотов посещал небольшой кинотеатр в Жуковке, построенный для обитателей привилегированных дач. Там показывали фильмы западного производства, которые не выходили на массовый экран. Среди публики было немало «отставников», хорошо знавших Молотова, но относившихся к нему с видимым равнодушием.

Молотов почти не встречался ни с кем из общественных деятелей или журналистов. Но иногда он делал исключения. Так, например, он несколько раз виделся с писателем Юлианом Семеновым, которого познакомил с Молотовым в Кремлевской больнице хорошо известный советским людям старшего поколения писатель Лев Шейнин, автор весьма популярной в свое время книги «Записки следователя». Однако мало кто знал тогда, что Шейнин был не только следователем по уголовным делам, но и ближайшим помощником Вышинского по многим политическим делам. Именно Шейнин был одной из ведущих фигур при подготовке политических процессов 1935—1936 годов. Молотову это, конечно, было известно, и рекомендация Шейнина служила для него показателем «благонадежности». Только недавно в журнале «Нева» Юлиан Семенов рассказал о своих встречах с Молотовым:

«...Именно он, Шейнин, и завел меня в большую палату государственного пенсионера СССР, бывшего члена партии Молотова и его жены, ветерана партии Жемчу-

жиной. Разговор был светским; Молотов шутил, говоря, что, прочитав мою «Петровку, 38», он начал с опаской гулять по улицам, расспрашивал, над чем я работаю, как начал писать... Когда я попросил о следующей встрече, он ответил согласием, написал свой телефон на улице Грановского, попросив при этом никому его более не передавать...

Позвонил я к нему, однако, только через год...

Первый раз я поднялся к нему на Грановского, когда Полины Семеновны не стало уже; мы сидели в маленьком кабинете Молотова, обстановка которого напоминала фильмы тридцатых годов: кресла, обтянутые серой парусиной, стол с зеленым сукном, маленький бюст Ленина, в гостиной — книги в скромных шкафах, китайский гобелен и портрет Энгельса в деревянной рамке.

Молотов рассказал ряд эпизодов, связанных с январем сорок пятого, когда Черчилль обратился к Сталину за помощью во время Арденнского наступления немцев, дал анализ раскладу политических структур в тот месяц,— как он ему представлялся...

Знал я тогда и то, что над Молотовым собрались тучи и накануне смерти Сталина,— жена арестована как «враг народа», а сам он оттерт на третий план группой Маленкова — Берии. Поэтому меня потрясала та нескрываемая нежность, с которой он произносил имя Сталина; нежность была какой-то юношеской, восторженной, она даже несколько выпячивалась им, хотя Молотов, казалось, не был человеком позы.

— А как Сталин относился к Макиавелли? — спросил я, несколько опасаясь его реакции...

Молотов ответил сдержанно:

— Сталин понимал, как чужд самому духу нашего общества строй мыслей этого философа. Сталин говорил правду, а Макиавелли всегда искал путь, чтобы ложь сделать правдой...» *

* *Семенов Ю.* Ненаписанные романы // Нева. 1988. № 7. С. 77—78.

Эти свидетельства не нуждаются в комментариях. Все же Ю. Семенов критически относится к Молотову. Полностью лишены такой критики воспоминания писателя И. Стаднюка, которому Молотов помогал в написании нескольких романов о войне. Еще в конце 60-х годов Стаднюк передал Молотову несколько глав романа «Война». *«Мне казалось,— вспоминает писатель,— что для прочтения части моей рукописи Вячеславу Михайловичу понадобится несколько недель... И вдруг в квартире раздался телефонный звонок.*

— Иван Фотиевич? Я прочитал ваши главы...

— Будете ругать? — с робостью спросил я у него.

— Нет... Наоборот... Приезжайте...

Начался разговор... Я с жадностью впитывал все услышанное от Молотова... Я с восхищением рассматривал тщательно подобранную библиотеку, картины на стенах, написанные его братом, художником Николаем Михайловичем Скрябиным, удивлялся тесноватому кабинету с зачехленными в белую парусину двумя-тремя креслами и небольшим столом.

— Почему не садитесь? — удивился Молотов.

— Не смею,— ответил я, пытаясь придать своему голосу шутливый тон.— Ведь придет время, и я тоже, как и многие, буду писать мемуары... Разве я удержусь не написать, что мне выпал счастливый случай сидеть в кресле бывшего главы Советского правительства?!

Вячеслав Михайлович, весело сверкнув глазами, вдруг посерьезнел, помолчал какое-то время и сказал:

— Вы мне напомнили, как в Кремле, после подписания пакта о ненападении, вскоре нацистскими преступниками нарушенного, фон Риббентроп разговаривал по телефону с Берлином... С кем, вы думаете, разговаривал?.. С Гитлером!.. Мы получили колоссальное удовольствие, поняв по его болтовне, сколь глуп имперский министр...

За двадцать лет я частенько утруждал Вячеслава

Михайловича Молотова своими звонками и визитами. Несколько раз бывал он и у меня на даче в Переделкине. И каждое общение с ним, все его суждения о написанном мной повышали мою ответственность перед читателями...» *

Первая часть романа «Война» И. Стаднюка вышла в свет в конце 1970 года и вызвала сразу же весьма обоснованные и резкие отзывы многих читателей и интеллигенции. Достаточно сказать, что в этом романе не только крайне искаженно представляется обстановка предвоенных и первых месяцев войны, но недвусмысленно и кощунственно оправдываются жестокие сталинские репрессии против лучших военных кадров страны. О Тухачевском, Якире или Уборевиче Стаднюк пишет так, как будто все они не были уже давно реабилитированы. Конечно, Молотов мог быть доволен. Тем не менее этот роман много раз переиздавался, еще в 1981 и 1988 годах он был переиздан большими тиражами в двух издательствах. Чтобы представить идейный и художественный уровень романа, приведем из него одну, хотя и пространную цитату. Речь идет о том, как Сталин и Молотов отреагировали на известие о пленении фашистами сына Сталина Якова Джугашвили, которое, если верить версии Стаднюка и Молотова, произошло в октябре 1941 года под Вязьмой при окружении группы армий, обороняющих Москву.

«...Мехлис доложил:

— Начальник политуправления Западного фронта сообщает, что, по всей вероятности, ваш сын, Яков Иосифович, попал к немцам в плен...

Сталин даже не пошевельнулся, ибо заранее знал, с чем пожаловал к нему Мехлис. Молотов и Калинин, оглушенные дурной вестью, сочувственно и с болью смотрели на отвернувшегося к окну Сталина, не в силах по-

---

* *Стаднюк И.* Начало одного начала // Огонек. 1986. № 34. С. 4—5.

нять, расслышал ли он в шуме ливня слова армейского комиссара или нет...

— Коба, ты что, не слышишь?! — возвысив голос, взволнованно спросил Молотов.— Немцы схватили Яшу!..

Сталин медленно, будто тело ему плохо подчинялось, отвернулся от окна и посмотрел на Молотова пасмурным и каким-то затравленным взглядом. Затем неторопливо направился к своему столу, сел в кресло и спокойно, со скрытой укоризной сказал:

— Сталин не глухой... Мне уже известно о пленении старшего лейтенанта Якова Джугашвили. Сейчас его допрашивают в штабе фельдмаршала Клюге... Так как теперь решать с товарищем Сталиным? Будем назначать его народным комиссаром обороны?..— Видя, что его не поняли, с горькой усмешкой, похожей на гримасу боли, добавил:— По нашему закону близкие родственники тех, кто сдался врагу в плен, ссылаются. Я бы в таком случае выбрал себе Туруханск — все-таки знакомые места...

— Вопрос серьезный,— с легкой усмешкой заметил Молотов и, забарабанив пальцами по зеленому сукну стола, повернулся к Калинину: — Или в Сибирь, или в наркомы... Есть предложение похлопотать перед товарищем Калининым как Председателем Президиума Верховного Совета... Как, Михаил Иванович, может, посодействуете по знакомству?

— Это называется «по блату»,— Калинин, приняв шутку Молотова, невесело засмеялся.— А закон-то наш и без блата твердит, что наказанию подлежат только те родственники изменника, которые проживали совместно с ним или находились на его иждивении... Товарищ Сталин к таким родственникам, по-моему, не относится».

Далее в романе говорится, что Мехлис предлагает устроить побег Якову или «поторговаться» с Гитлером и обменять его. Но Сталин против.

«— Коба, ты, по-моему, перегибаешь палку,— поддержал Мехлиса Молотов, обращаясь к Сталину.— Ведь действительно существует международная практика обмена пленными между воюющими сторонами. (Сталин, по роману Стаднюка, заявляет вначале, что переговоры с Гитлером немыслимы, но потом выражает надежду, что Яков не сам сдался в плен, и высказывает предположение, что как сыну Сталина ему в плену будет тяжелее, чем другим. Потом он говорит другое.— Р. М.)

— А ваша мысль, товарищ Мехлис, насчет обмена немецких генералов заслуживает внимания... Не торговля, а именно обмен...— Затем повернулся к Молотову, взмахнул рукой в его сторону и уточнил: — Это по твоей части, товарищ нарком иностранных дел,— Сталин продолжал то ли вопросительно, то ли утверждающе смотреть на Молотова,— обратиться к этому людоеду Гитлеру с предложением: пусть возьмет у нас своих генералов, кто ему нужен. Даже всех, сколько будет!.. Не жалко! А взамен пусть отдаст нам пока только одного человека... Эрнста Тельмана!..

Все потрясенно молчали, размышляя об услышанном. Наконец тишину нарушил Молотов. Чуть заикаясь, он сказал:

— Такая операция даже в нынешней трудной обстановке вполне под силу нашим дипломатам... Но пойдет ли на это Гитлер? Ведь освободить из тюрьмы и отдать нам Тельмана — равнозначно, что позволить взметнуть над головами революционных рабочих не только Германии, но и всей Европы боевое Красное знамя!..

— Правильно говоришь, товарищ Молотов! Поэтому-то игра и стоит свеч.— Сталин, пососав мундштук трубки, с поощрительным прищуром посмотрел на Молотова.— Если есть хоть один из тысячи шансов на успех такой операции, ее надо планировать и при первой возможности попробовать осуществить. Это была бы огром-

ная победа в борьбе за будущее Германии, за новую Германию...» *

Вполне возможно, что Молотов с большим удовольствием читал роман Стаднюка и особенно страницы, подобные приведенным выше. Но здесь все фальшиво, начиная от ливня за окном кабинета Сталина. В действительности сын Сталина был захвачен в плен 16 июля 1941 года во время боев в Белоруссии, а не осенью в дни боев под Москвой.

К середине июля 1941 года (да и к октябрю) германская армия уже захватила в плен немало советских генералов, но немецких генералов в советском плену еще не было, и потому вопрос об обмене их на Якова Джугашвили или даже на Тельмана обсуждаться не мог. Подробности о пленении Якова Джугашвили можно узнать из документальной повести Семена Апта «Сын Сталина», опубликованной в № 4—5 журнала «Подъем» (Воронеж) за 1989 год.

Столь же фальшивы образы Сталина и Молотова и в другом романе Стаднюка — «Москва, 41-й». Молотов у Стаднюка распутывает сложнейшие международные проблемы, «как скульптор ударами молотка по резцу откалывает от мрамора ненужные осколки, медленно и упоенно освобождая из-под них свое творение». Неутомима его «ищущая мысль», «интуиция», «огромен его опыт». Не без сложностей, но он преодолевает «бескрайнее море трудностей и необъяснимостей» и т. д. и т. п.

Нередко навещал Молотова старейший писатель Сергей Иванович Малашкин. Они познакомились еще в 1918 году, когда Малашкин издал и подарил Молотову свою первую книгу стихов «Мускулы», а через несколько лет и книгу «Мятежи». Позднее он стал прозаиком, опуб-

---

* *Стаднюк И.* Война. М., 1981. С. 487—490. (Имя Молотова часто встречается в романах о войне А. Чаковского и в романе В. Соколова «Вторжение».)

ликовал немало романов и повестей, не оставивших, однако, заметного следа в советской литературе. На этих встречах нередко присутствовал писатель Н. И. Кочин. Среди почитателей и «приверженцев» Молотова оказался и поэт Ф. Чуев. Он весьма гордился близким знакомством с бывшим премьером, публично демонстрируя фотографии Молотова и всячески подчеркивая значение его «личности» для отечественной истории.

К своим доброжелателям Молотов мог бы причислить и албанского диктатора Энвера Ходжу. Описывая встречи с советскими лидерами в опубликованной в Тиране книге мемуаров, Ходжа с симпатией говорил только о Молотове. Он, правда, считал, что Молотов был слабой в личном и политическом отношении фигурой, но только он заслуживает якобы уважения в послесталинском руководстве.

Происходили у Молотова, конечно, и случайные встречи. Известный спортивный комментатор Николай Озеров ехал однажды по улице на своей автомашине. На обочине он увидел старика, лицо которого показалось ему знакомым. Подъехав ближе, он узнал Молотова и предложил подвезти его до дома. Прощаясь у своего дома, бывший премьер сказал: «Внуки не поверят, что меня довез до дома сам Николай Озеров».

Однажды в середине 70-х годов встретил Молотова на улице и грузинский писатель К. Буачидзе, немало лет отсидевший в тюрьмах и лагерях как «враг народа». В одной из своих неопубликованных работ Буачидзе писал:

«Это произошло примерно лет десять назад в Москве: жил я тогда у брата, и мне часто приходилось пересекать Тверской бульвар. И вот однажды вечером мне бросилось в глаза как будто где-то да еще много раз виденное мною чуть плосковатое лицо одного невысокого старика...

И на второй день я к нему присмотрелся, и на третий. Боже мой, как мне его очки знакомы, да где же я его видел? Не на фотографиях ли?

Ба, да это же сам Молотов, Вячеслав Михайлович, в юные годы носивший прекрасную музыкальную фамилию Скрябин!.. Долгие годы — и еще какие годы! — был вторым человеком в великом государстве, да еще после кого? После великого Сталина!

...И вот я, теперь уже бывший «враг народа», а следовательно, в те времена его личный «враг», хотя был он тогда для меня так далек и недосягаем, как Полярная звезда, могу сейчас пройти мимо него совсем близко и, если совесть позволит, даже не извинившись, как бы случайно, задеть его серый пиджак, на лацканах которого уже нет никаких знаков отличия, словно мы с ним равноправные из равноправных: и он избиратель, и я избиратель, но не избираемые...

А было время, когда я на коленях (в буквальном смысле — столика-то не было!) писал ему (и разве только ему?!) из мест заключения...

А не подойти ли мне к нему, не представиться ли? С малых лет привыкший почитать старших по возрасту, я очень вежливо, но не так уж робко, подошел к бывшему Председателю Совета Министров СССР, подошел как равный к равному... И когда я с ним поздоровался, по моему акценту он сразу же узнал:

— А-а, вы грузин? Что же, никогда не скрывал и сейчас не скрываю: я всегда питал слабость к грузинам.

— Это из-за Сталина, наверное.

— Пожалуй, да.

После любезных расспросов о здоровье:

— Вот вы, Вячеслав Михайлович, многие годы — да еще какие годы! — плечом к плечу работали со Сталиным, это только вы один имели право разговаривать с ним на «ты», называть его юношескими именами: то «Коба», то «Сосо». Не думаете ли вы написать о нем

правдивые воспоминания? Для истории это, знаете, весьма важно.

— Ну и написал бы, но... А кто напечатает?!

«А кто напечатает?» Вячеслав Михайлович с такой грустью произнес, словно не он (со Сталиным) насадил это самое в нашей стране, в нашей жизни, а кто-то другой, скажем, человек вроде меня, то есть враг народа, пусть даже реабилитированный...» *

Побывал в гостях на даче у персонального пенсионера и писатель Ю. Идашкин. Он так передает подробности встречи: *«Ровно в двенадцать нас пригласили в столовую, смежную с гостиной комнату. В центре ее стоял небольшой круглый стол, уже накрытый к обеду. На одной из стен — фотографические портреты Ленина, Сталина и П. С. Жемчужиной. Молотов, которому тогда было уже за восемьдесят, твердой рукой разлил по небольшим рюмкам коньяк, не обойдя и себя. «За Сталина!» — чуть громче обычного сказал он и выпил до дна. Едва мы закусили, как Молотов снова поднял рюмку: «За Ленина!»*

У Молотова не изменился не только застольный ритуал, прежними остались оценки «хозяина» и собственной роли в репрессиях и преступлениях: «Время было сложное, международная обстановка не позволяла расслабляться ни на миг. Поэтому мы не всегда могли соблюдать формальности, но волю партии и народа мы никогда не нарушали». Более оригинальными и живыми оказались, правда, отзывы о других политических деятелях: «Да какой же он политик! Обыкновенный пропагандист...» Это о Кирове. «А-а, этот уголовник...» Это о Хрущеве **.

Однако чаще всего москвичи равнодушно проходили мимо Молотова. Люди помоложе просто не узнавали его,

---

* *Буачидзе К.* Такое длинное, длинное письмо Виктору Астафьеву. Рукопись. Тбилиси.

** *Идашкин Ю.* Знакомый по портретам. Давнее интервью с В. М. Молотовым // Литературная Россия. 1988. 22 июля.

ведь они не видели его портретов в газетах и журналах. Люди постарше потом говорили знакомым: «Знаете, я вчера встретил Молотова. Очень старый, но еще бодрый. И никто его не охраняет». Но бывало и иначе. Однажды на Пушкинской площади к Молотову подошла пожилая женщина и стала громко поносить его как преступника и убийцу. Молотов, ничего не отвечая, втянул голову в плечи и поспешил домой. В другой раз в магазине в Жуковке возникла очередь за помидорами, и Молотов тоже встал в нее. Одна из женщин тут же вышла из очереди, громко сказав, что не желает стоять вместе с палачом. Молотов молча покинул магазин. Здесь же его встречала и первая жена Солженицына Н. Решетовская. Солженицын жил тогда также в Жуковке на даче у Ростроповича. Он спросил у жены: «И ты ничего ему не сказала? А я бы подошел и спросил: «Вы Молотов?А я — Солженицын. Как вы можете жить на свете с руками, с которых капает кровь?»

Писатель А. Якобсон, умерший несколько лет назад в эмиграции, однажды, еще в 60-е годы, встретил Молотова с Жемчужиной в районе Арбата. Будучи слегка выпивши, Анатолий на всю улицу закричал: «Как поживает твой друг Риббентроп?!» Молотов с каменным лицом прошел мимо.

На премьере пьесы «Сталевары» во МХАТе некоторые из зрителей, увидев Молотова, стали давать ему программки для автографа. Молотов оживился. Но неожиданно одна из молодых женщин, находившихся в фойе, закричала: «Что вы делаете? Ведь это палач, он истребил сотни людей!» Вокруг Молотова всех как ветром сдуло. Он опустил голову и быстро пошел к выходу из театра. Как-то, подъехав зимой на машине к дому, Молотов осторожно направился к своему подъезду, боясь поскользнуться. Навстречу ему шагнули двое рослых мужчин. Один из них — Георгий Иванович Меньшиков, около двадцати лет проведший в заключении, талантли-

вый инженер-строитель, остановился, узнав Молотова. «Ну что, еще ползаешь, упырь?» — спросил он.

Казалось бы, что мог ждать Молотов в свои девяносто четыре года? Но история все же еще раз зло подшутила над всеми нами, показав, насколько живучи силы догматизма и сталинизма в нашей стране.

Еще в конце 1964 года, то есть после октябрьского Пленума ЦК КПСС, Молотов подал заявление на имя Косыгина и Брежнева с просьбой восстановить его в партии. Таких заявлений от людей, «обиженных» при Хрущеве, было много, но почти все они, включая и заявление Молотова, были отклонены. Через несколько лет Молотов повторил свою просьбу. Это было в конце 60-х годов, когда в нашей печати шла подготовка к реабилитации Сталина, и имя Сталина, а иногда и Молотова можно было встретить на страницах газет и журналов. Но реабилитация Сталина не состоялась, и просьба Молотова была отклонена. Мы не знаем, сколько раз еще возобновлял он свою просьбу, но это было неоднократно. В начале 1984 года, когда Генеральным секретарем ЦК стал К. У. Черненко, Молотов в очередной раз направил в ЦК КПСС просьбу о восстановлении в партии. Это заявление было активно поддержано А. А. Громыко, влияние которого в Политбюро в 1984 году заметно возросло. Не желая разводить по этому поводу дискуссии, остальные члены Политбюро не стали возражать, и Молотов был восстановлен в партии. Об этом, однако, не было никаких сообщений в партийной печати, хотя сам факт возвращения Молотова в ряды КПСС был публично подтвержден на одной из пресс-конференций в МИДе для иностранных журналистов. В 1984—1986 годах имя Молотова, теперь уже члена партии, гораздо чаще, чем раньше, упоминалось в печати. Его образ появляется и в кино, например в вышедшем на экраны в 1985 году помпезном фильме «Победа», главными героями которого были Сталин и Брежнев.

В июле 1986 года в газете «Московские новости» (еще при прежней редакционной коллегии) появилось интервью с девяностошестилетним Молотовым. Журналистка Клара Абрамия, посетившая Молотова на его даче в Жуковке, писала:

«В кабинете, куда он нас пригласил, все стены в книжных полках. На рабочем столе «Анти-Дюринг» и «Тихий Дон». На открытой странице «Анти-Дюринга» я заметила пометки карандашом. Словно прочитав мои мысли, он говорит о своем распорядке дня... Подъем — в 6.30 утра, в течение 20 минут занимается зарядкой на воздухе. После завтрака около часа гуляет в лесу, после чего читает газеты. Двухчасовой отдых, и вновь рабочий стол и книги, книги. Чтению посвящается 6 часов.

— Я в курсе всех событий,— говорит Вячеслав Молотов.— Меня воодушевляют перемены, происходящие в нашей жизни. Обидно, что возраст и здоровье не позволяют активно участвовать в них. Чем старше становится человек, тем больше он хочет быть полезным обществу... У меня счастливая старость. Хочу дожить до ста лет» *.

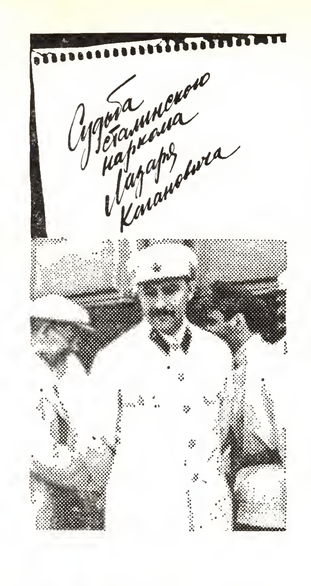
Дожить до ста лет Молотову не удалось. Всего через несколько месяцев после приведенного нами интервью он умер. Западные газеты и журналы поместили по этому поводу немало статей. В советской печати появилось лишь краткое извещение: *«Совет Министров СССР с прискорбием извещает, что 8 ноября 1986 года на 97-м году жизни после продолжительной и тяжелой болезни скончался персональный пенсионер союзного значения, член КПСС с 1906 года Молотов В. М., бывший с 1930 по 1941 год Председателем Совета Народных Комиссаров СССР, а с 1941 по 1957 год — первым заместителем Председателя Совнаркома СССР и Совета Министров СССР»* **.

* *Абрамия К.* В гостях у Молотова // Московские новости. 1986. 6 июля.

** Известия. 1986. 11 нояб.

Похороны Молотова происходили на Новодевичьем кладбище в присутствии лишь родственников и немногих друзей и почитателей, но без каких-либо корреспондентов.

Еще в 1984 году немецкий журнал «Дер Шпигель» поместил небольшую статью о сходстве судьбы Вячеслава Молотова и Рудольфа Гесса, который тоже подобрался к девяноста годам. Гесс был в 30-е годы вторым после Гитлера лицом в нацистской партии, одним из организаторов террора против антифашистов. Гесс активно участвовал в подготовке пакта Молотова — Риббентропа и в переговорах между Молотовым и Гитлером в 1940 году. На фотографии, опубликованной в журнале, Молотов и Гесс обмениваются рукопожатиями, сдержанно улыбаясь. Как известно, Гесс также хотел дожить до ста лет, но умер или покончил с собой в возрасте 93 лет. Имеется в судьбе этих людей и существенная разница. С 1941 года Гесс находился в заключении, сначала в английской тюрьме, а с 1946 года как военный преступник — в одиночной камере Берлинской тюрьмы Шпандау. Охрана его обходилась, впрочем, в десятки раз дороже, чем «содержание» Молотова на его комфортабельной даче в Жуковке. Приходится лишь сожалеть, что многие из лучших людей живут порой очень недолго, тогда как многие из худших наделены удивительным долголетием...

Судьба
сталинского
наркома
Лазаря
Кагановича

В доме на Фрунзенской набережной

Старый большевик А. Е. Евстафьев, около двадцати лет проведший в тюрьмах и лагерях и вернувшийся в Москву лишь после XX съезда КПСС, должен был посетить друга, живущего на Фрунзенской набережной. По рассеянности он прошел мимо нужного ему подъезда, поднялся на лифте в другом подъезде и позвонил в квартиру на том же этаже, что и у друга. Дверь открыл очень старый человек, в нем Евстафьев узнал Лазаря Моисеевича Кагановича, в прошлом «вождя московских большевиков» и всесильного «сталинского наркома», которого он считал прямым виновником своих несчастий. От неожиданности Евстафьев не мог произнести ни слова. Но Каганович не узнал его и, сказав: «Вы, наверное, ошиблись»,— закрыл дверь. Рассказывая мне об этом, Евстафьев с удовлетворением заметил: «Каганович исключал меня из партии. Но сейчас я снова член партии, а Лазарь из нее исключен». Человеку, лишенному на двадцать лет свободы и чести, казалось, что справедливость восторжествовала.

Когда-то Каганович обладал не только большой популярностью, но и огромной властью. Московский метрополитен, которым ежедневно пользуются миллионы москвичей и гостей столицы, более двадцати лет носил имя не Ленина, как сегодня, а Кагановича. Во время праздников

его портреты вместе с портретами других «вождей» несли через Красную площадь, где на трибуне Мавзолея всегда стоял и он сам. Его появление в любой аудитории вызывало овации...

Но теперь мало кто узнает Кагановича. Однажды он вызвал к себе врача из местной поликлиники. Молодая женщина, беседуя с пациентом, несколько раз назвала его «гражданином Казановичем». Это вызвало у последнего вспышку раздражения. «Не Казанович, а Каганович,— сказал он и добавил: — Когда-то мою фамилию хорошо знал весь Советский Союз».

Сейчас Кагановичу больше девяноста лет. Он пережил и свою жену, и приемного сына, и всех братьев. Только его дочь Майя, которой уже за шестьдесят, почти ежедневно навещает отца, живущего в полном одиночестве.

Сапожник-революционер

Лазарь Каганович родился 22 ноября 1893 года в деревне Кабаны Киевской губернии. Его биографии сообщают: «родился в бедной семье». Роман Степанович Федченко, учившийся в 30-е годы неподалеку от родины Кагановича, в Чернобыле, уточняет, что, по рассказам стариков, глава семьи Моисей Каганович был прасолом — то есть скупал скот и гуртами отправлял его на бойни Киева. Согласно этим сведениям, семья Кагановичей жила не бедно, но юный Лазарь не пошел по стопам отца: изучив ремесло сапожника, он стал с четырнадцати лет работать на обувных фабриках и в сапожных мастерских. Лишенная многих прав, которыми пользовались в России не только русские, но и другие «инородцы», еврейская молодежь была благодатной средой для революционной агитации. Все оппозиционные партии вербовали здесь своих сторонников: бундовцы, анархисты, эсеры, меньше-

вики. Но молодой Каганович сделал иной выбор — он примкнул в 1911 году к большевикам. Несомненно, здесь сказалось влияние старшего брата Михаила, который вступил в партию большевиков еще в 1905 году. Он тоже был рабочим, но не сапожником, а металлистом. Большевиками стали и двое других братьев Лазаря.

Переезжая с места на место и иногда подвергаясь кратковременным арестам, Каганович по заданию партии создавал нелегальные большевистские кружки и профсоюзы кожевников и сапожников в Киеве, Мелитополе, Екатеринославе и других городах. Перед революцией он работал на обувной фабрике в Юзовке, возглавляя и здесь нелегальный союз сапожников и кожевников. В Юзовке Каганович познакомился с молодым Н. С. Хрущевым, который еще не вступил в партию большевиков, но участвовал в революционной работе. Эта связь уже не прерывалась и в более поздние годы.

Весной 1917 года Лазаря Кагановича призвали в армию. Он был направлен для военной подготовки в пехотный полк, расположенный в Саратове. Молодой солдат, имевший уже семилетний опыт нелегальной партийной работы и хорошие данные оратора и агитатора, занял заметное место в саратовской организации большевиков. От саратовского гарнизона Каганович участвовал во Всероссийской конференции большевистских военных партийных организаций. После возвращения в Саратов он был арестован, но бежал и нелегально перебрался в Гомель в прифронтовую зону. Уже через несколько недель он стал не только членом правления местного профсоюза кожевников, членом исполкома Совета, но и председателем Полесского комитета большевиков. В Гомеле Каганович встретил Октябрьскую революцию. Здесь под его руководством власть без кровопролития перешла в руки Советов. Гомель был тогда небольшим провинциальным городком. Но тут находилась узловая станция в прифронтовой зоне Западного фронта. Контролируя железные до-

роги Белоруссии, большевики могли препятствовать возможной переброске войск для подавления революционного Петрограда.

На разных постах

Во время революции большевики почти непрерывно переходили с одного поста на другой, часто в самых разных районах огромной России. Так было и с Кагановичем. На выборах в Учредительное собрание он прошел по большевистскому списку. В декабре 1917 года Каганович стал также делегатом III Всероссийского съезда Советов. С этими двумя мандатами он прибыл в Петроград. На съезде Советов Каганович был избран во ВЦИК РСФСР и остался работать в Петрограде. Вместе с другими членами ВЦИК весной 1918 года он перебрался в Москву. Началась гражданская война. Некоторое время Каганович работал комиссаром организационно-агитационного отдела Всероссийской коллегии по организации Рабоче-Крестьянской Красной Армии — тогда такие длинные названия не были редкостью.

Но уже летом 1918 года Каганович был направлен в Нижний Новгород, где очень быстро прошел путь от агитатора губкома до председателя губкома партии и губисполкома. Во время тяжелых осенних боев 1919 года с Деникиным Каганович был командирован на Южный фронт, где участвовал в ликвидации опасных прорывов белогвардейской конницы Мамонтова и Шкуро. После того как Красная Армия заняла Воронеж, Кагановича назначили председателем Воронежского губернского ревкома и губисполкома.

Ленин, вероятно, почти ничего не слышал о Кагановиче. Не сохранилось ни одного письма или записки Владимира Ильича с упоминанием его имени. Но Сталин и Молотов уже должны были знать Кагановича, они явно

выделяли его из числа местных руководителей. Осенью 1920 года Лазарь Каганович был направлен по поручению ЦК в Среднюю Азию. Здесь он стал членом Туркестанской комиссии ВЦИК и СНК, членом бюро ЦК РКП(б) по Туркестану (так называемое «Мусульманское бюро»). Одновременно Каганович был наркомом рабоче-крестьянской инспекции Туркестана, членом Реввоенсовета Туркестанского фронта и председателем Ташкентского горсовета. Он был избран также и во ВЦИК РСФСР. Все эти назначения не могли проходить мимо Сталина, который был в это время и наркомом по делам национальностей, и наркомом РКИ РСФСР.

В центре партийного аппарата

Когда Сталин был избран в апреле 1922 года Генеральным секретарем ЦК РКП(б), он отозвал Кагановича из Средней Азии и поставил во главе организационно-инструкторского (впоследствии — организационно-распределительного) отдела ЦК. Это была одна из самых важных позиций в непрерывно расширявшемся аппарате ЦК. Через отдел, которым руководил Каганович, шли все основные назначения на ответственные посты в РСФСР и СССР.

Сталин был жестким и грубым шефом, требовавшим безоговорочного и полного подчинения. Каганович тоже обладал сильным и властным характером. Но он не вступал в споры со Сталиным и сразу же показал себя абсолютно лояльным работником, готовым к выполнению любого поручения. Сталин сумел оценить эту покладистость, и Каганович вскоре стал одним из наиболее доверенных людей своеобразного «теневого кабинета», или, как выражаются на Западе, «команды» Сталина, то есть того личного аппарата власти, который Сталин стал форми-

ровать внутри ЦК РКП(б) еще до смерти Ленина. Лазарь Каганович быстро обогнал в партийной карьере своего старшего брата Михаила, который в 1922 году был секретарем уездного комитета партии в небольшом городке Выксе, а затем возглавил Нижегородский губернский совнархоз. Лазарь Каганович в 1924 году был избран не только членом ЦК РКП(б), но и секретарем. Новому секретарю ЦК было тогда всего лишь тридцать лет.

Во главе Украины

В развернувшейся после смерти Ленина острой внутрипартийной борьбе Сталину было крайне важно обеспечить себе поддержку Украины — самой крупной после РСФСР союзной республики. По рекомендации Сталина именно Каганович был избран в 1925 году Генеральным секретарем ЦК КП(б)У.

Политическая обстановка на Украине тогда была крайне сложной. Гражданская война закончилась победой большевиков, но среди крестьянского населения республики были еще очень сильны пережитки петлюровского и махновского движений, то есть националистические или анархистские настроения. Большевистская партия опиралась главным образом на промышленные районы Украины, где преобладало русское население. Значительную часть кадров партия черпала и среди еврейского населения республики, которое видело в Советской власти гарантию защиты от притеснений и погромов, прокатившихся по еврейским поселкам в годы гражданской войны. Украинская культура не имела еще достаточной силы, чтобы стать серьезным препятствием для далеко зашедшей русификации. Не менее половины студентов украинских вузов составляла русская и еврейская молодежь.

В национальной политике на Украине проводились два курса: на «украинизацию», то есть поощрение украинской культуры, языка, школы, выдвижение украинцев в аппарат управления и т. д., и на борьбу с «буржуазным и мелкобуржуазным национализмом». Четко разграничить эти два курса, особенно в городах и промышленных центрах, было нелегко, и Каганович явно тяготел ко второму курсу: он был безжалостен ко всему тому, что казалось ему украинским национализмом. У него происходили частые конфликты с председателем СНК Украины В. Я. Чубарем. Одним из наиболее активных оппонентов Кагановича был также член ЦК КП(б)У и нарком просвещения Украины А. Я. Шумский, который в 1926 году добился приема у Сталина и настаивал на отзыве Кагановича с Украины. Хотя Сталин и согласился с некоторыми доводами Шумского, но одновременно поддержал Кагановича, направив специальное письмо в Политбюро ЦК Украины.

Возможно, какой-то отзвук этих разногласий присутствовал в выступлении Кагановича на Всеукраинском съезде Советов в апреле 1927 года.

«Т. Каганович читает заметку из газеты «Русь». Под огромным заголовком «Независимость Украины» белогвардейцы пишут, что в Харькове на съезде Советов будет обсуждаться вопрос о независимости Украины и создании национальной армии.

Весь съезд хохочет. А тов. Каганович говорит:

— Глупые сплетни. Они не знают, что независимость Украины уже провозглашена с начала Октябрьской революции...

Т. Каганович читает далее отрывок из белогвардейских газет о том, что сепаратизм развивается на Украине, что контрольная комиссия с Затонским во главе борется с сепаратизмом в партии, что к Петровскому приставили надежных чекистов. Зал трясется от смеха, когда т. Каганович говорит:

— Вы видите — 95 чекистов в президиуме окружают Петровского, а здесь, в зале — сотни делегатов — тоже надежные чекисты...» *

Конечно, Каганович проделал немалую работу по восстановлению и развитию промышленности Украины. Однако в политической и культурной областях его деятельность принесла гораздо больше вреда, чем пользы. Как партийный руководитель Советской Украины Каганович был фактическим руководителем и небольшой Компартии Западной Украины. Национальная обстановка и настроения среди населения западной части Украины существенно отличались от того, что имело место в ее восточной части. Но Каганович не разобрался в сложных проблемах этой компартии, которой приходилось действовать в условиях подполья на территории бывшего Польского государства. Огульно обвинив ЦК КПЗУ в национализме и даже предательстве, Каганович довел эту партию до раскола и добился ареста некоторых ее руководителей, которые создали свой руководящий центр на территории Советской Украины. Каганович не постеснялся дискредитировать всю КПЗУ. В ноябре 1927 года, на одном из заседаний Политбюро ЦК КП(б)У он цинично заявил, что не знает, на чьей стороне в случае войны будет КПЗУ **.

Уже после отъезда Кагановича в Москву Чубарь, выступая на объединенном заседании Политбюро ЦК и Президиума ЦКК КП(б)У, таким образом характеризовал обстановку, созданную Кагановичем в партийном руководстве Украины: «Взаимное доверие, взаимный контроль у нас нарушались, так что друг другу мы не могли верить... Вопросы решались за спиной Политбюро, в стороне... Эта обстановка меня угнетает» ***.

---

* Комсомолець України (Харьков). 1927. 7 апр.

** См.: Архив Института истории партии при ЦК КПУ. Ф. 1. Оп. 69. Ед. хр. 11. С. 59—60.

*** Там же. Ф. 1. Оп. 145а. Ед. хр. 99. С. 101—103.

Масштабы оппозиции Кагановичу на Украине возрастали. К Сталину приезжали Г. И. Петровский и В. Я. Чубарь с просьбой отозвать Кагановича с Украины. Сталин вначале сопротивлялся, обвиняя своих собеседников в антисемитизме. И все же ему пришлось в 1928 году возвратить Кагановича в Москву. Но это вовсе не свидетельствовало о недовольстве Сталина его работой. Наоборот, Каганович снова стал секретарем ЦК ВКП(б) и вскоре был также избран членом Президиума ВЦСПС. Он должен был составить противовес руководству М. П. Томского в профсоюзах.

В самом конце 1929 года был отпразднован юбилей Сталина. 21 декабря большая часть восьмистраничного номера «Правды» была посвящена его 50-летию. Ничего подобного прежде еще не бывало. То был значительный шаг к грядущему культу. Среди многих статей о Сталине (Куйбышева, Калинина и других) выделялись и были гвоздем выпуска две: статья Ворошилова «Сталин и Красная Армия» и Кагановича «Сталин и партия». Как известно, в идейных спорах у Сталина бывали в прошлом ошибки и просчеты, бывали и серьезные разногласия с Лениным, и это для очень многих не составляло секрета. Каганович в своей статье «отутюжил» биографию Сталина до идеально гладкого образа: *«Самой замечательной и характерной чертой т. Сталина является именно то, что он на протяжении всей своей партийно-политической деятельности не отходил от Ленина, не колебался ни вправо, ни влево, а твердо и неуклонно проводил большевистскую выдержанную политику, начиная с глубокого подполья и кончая всем периодом после завоевания власти»* *. В данном случае Каганович сыграл ту роль, которую он часто и охотно брал на себя в дальнейшем: он произнес — и сделал официально установленным — то,

* Правда. 1929. 21 дек.

что хотелось бы, но неудобно было произнести от первого лица самому Сталину.

В начале 1930 года Каганович стал первым секретарем Московского областного, а затем и городского комитетов партии, а также полноправным членом Политбюро ЦК ВКП(б).

Летом 1930 года перед XVI съездом партии в Москве проходили районные партийные конференции. На Бауманской конференции выступила вдова В. И. Ленина Н. К. Крупская и подвергла критике методы сталинской коллективизации, заявив, что эта коллективизация не имеет ничего общего с ленинским кооперативным планом. Крупская обвиняла ЦК партии в незнании настроений крестьянства и в отказе советоваться с народом. «Незачем валить на местные органы,— заявила Надежда Константиновна,— те ошибки, которые были допущены самим ЦК».

Когда Крупская еще произносила свою речь, руководители райкома дали знать об этом Кагановичу, и он немедленно выехал на конференцию. Поднявшись на трибуну после Крупской, Каганович подверг ее речь грубому разносу. Отвергая ее критику по существу, он заявил также, что она как член ЦК не имела права выносить свои критические замечания на трибуну районной партийной конференции. «Пусть не думает Н. К. Крупская,— заявил Каганович,— что если она была женой Ленина, то она обладает монополией на ленинизм» *.

На подъеме

Первая половина 30-х годов — время наибольшей власти Кагановича. Интересно, что в 1930 году он еще носил небольшую аккуратную бородку, подобно Ленину, Троцко-

* Свидетельство делегатов конференции С. И. Бердичевской и М. Цимхлес.

му, Каменеву, Рыкову, Бухарину, Дзержинскому и многим другим видным большевикам. Но вскоре Каганович оставил одни усы, попав тем самым по своему внешнему облику в другой ряд: Сталин, Молотов, Орджоникидзе, Ворошилов, Шверник, Микоян... Первенство Сталина в 1930 году было уже несомненным, но абсолютной властью он еще не обладал, а начинавшийся культ его личности лишь немного «превышал отметку», обычную для довольно многих руководителей 20-х годов. Разногласия еще случались. Хотя «правые» лидеры — Бухарин, Томский и Рыков — были уже выведены из Политбюро, этот орган не был еще полностью послушен воле Сталина. По ряду вопросов Киров, Орджоникидзе, Рудзутак, Калинин, Куйбышев иногда возражали Сталину. Но Каганович всегда стоял на его стороне. В годы коллективизации в те районы страны, где возникали наибольшие трудности, Сталин направлял именно Кагановича, наделяя его при этом чрезвычайными полномочиями. Каганович выезжал для руководства коллективизацией на Украину, в Воронежскую область, в Западную Сибирь, а также во многие другие области. И всюду его приезд означал тотальное насилие по отношению к крестьянству, депортацию не только десятков тысяч семей «кулаков», но и многих тысяч семей так называемых «подкулачников», то есть всех тех, кто сопротивлялся коллективизации. Особенно жестокие репрессии обрушил Каганович на крестьянско-казачье население Северного Кавказа. Достаточно сказать, что под его давлением бюро Северо-Кавказского крайкома партии осенью 1932 года приняло решение выселить на Север всех (45 тыс.!) жителей трех крупных станиц: Полтавской, Медведовской, Урупской. Двенадцать станиц подверглись частичному выселению за пределы края. Следует напомнить, что казачьи станицы гораздо крупнее русских деревень, в каждой было обычно не менее тысячи дворов. Одновременно на Северный Кавказ на «освободившиеся» места переселялись

крестьяне из малоземельных деревень Нечерноземья. Суровые репрессии проводились и в подведомственной Кагановичу Московской области, которая охватывала тогда территорию нескольких нынешних областей. Видимо, учитывая именно этот «аграрный опыт», Сталин назначил Кагановича заведующим вновь созданным сельскохозяйственным отделом ЦК ВКП(б). Каганович руководил в 1933—1934 годах организацией политотделов МТС и совхозов, которым на время были подчинены все органы Советской власти в сельской местности и в задачу которых входила, в частности, чистка колхозов от «подкулачников» и «саботажников».

Каганович был жесток не только по отношению к крестьянам, но и к рабочим. Когда в 1932 году в Иваново-Вознесенске начались забастовки рабочих и работниц, вызванные тяжелым материальным положением, то именно Каганович возглавил расправу с активистами этих забастовок. Досталось от него и многим местным руководителям. Некоторые из них бойкотировали введенные тогда закрытые распределители для партийных работников и посылали своих жен и детей в общие очереди за продуктами. Каганович оценил их поведение как «антипартийный уклон».

В 1932—1934 годах письма с мест многие адресовали «Товарищам И. В. Сталину и Л. М. Кагановичу». Каганович решал немало идеологических вопросов, так как в Москве было расположено множество учреждений, связанных с культурой и идеологией. В 1932 году комиссия под его председательством в очередной раз запретила представление пьесы Н. Р. Эрдмана «Самоубийца», которая лишь недавно, через много лет после смерти автора, была поставлена Московским театром сатиры.

Кагановичу приходилось решать и вопросы внешней политики. Как свидетельствует бывший сотрудник Наркомата иностранных дел СССР Е. А. Гнедин, основные

внешнеполитические решения принимались не в Совнаркоме, а в Политбюро. *«В аппарате НКИДа,— пишет Гнедин,— было известно, что существует комиссия Политбюро по внешней политике с меняющимся составом. В первой половине 30-х годов мне случилось присутствовать на ночном заседании этой комиссии. Давались директивы относительно какой-то важной внешнеполитической передовой, которую мне предстояло писать для «Известий». Был приглашен и главный редактор «Правды» Мехлис. Сначала обсуждались другие вопросы. Решения принимали Молотов и Каганович; последний председательствовал. Докладывали зам. наркомы Крестинский и Стомоняков; меня поразило, что эти два серьезных деятеля, знатоки обсуждавшихся вопросов, находились в положении просителей. Их просьбы (уже не доводы) безапелляционно удовлетворялись либо отклонялись. Но надо заметить, что Каганович не без иронии реагировал и на замечания Молотова»* *.

В этот же период Каганович — по совместительству — стал также руководителем Транспортной комиссии ЦК ВКП(б). Когда Сталин уезжал в отпуск к Черному морю, именно Каганович оставался в Москве в качестве временного главы партийного руководства. Он был одним из первых, кого наградили введенным в стране высшим знаком отличия — орденом Ленина.

Еще в 20-е годы важным оружием в укреплении власти Сталина стали чистки партии, периодически проводившиеся проверки всего ее состава, сопровождавшиеся массовым изгнанием из нее не только недостойных, но и неугодных людей. Когда в 1933 году в нашей стране началась очередная чистка партии, то Каганович стал председателем Центральной комиссии по проверке пар-

* Цит. по: Память. Исторический сборник. Париж, 1982. Вып. 5. С. 365.

тийных рядов, а после XVII съезда партии и председателем Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б). Никто в нашей стране, кроме самого Сталина, не занимал в этот период столь важных постов в системе партийной власти. Именно Каганович как председатель оргкомитета по проведению XVII съезда партии организовал фальсификацию результатов тайного голосования в ЦК ВКП(б), уничтожив около 300 бюллетеней, в которых была вычеркнута фамилия Сталина *.

В середине 30-х годов в отделе науки Московского горкома партии некоторое время работал А. Кольман. В воспоминаниях об этом периоде своей жизни Кольман писал:

«Из секретарей нашим отделом руководил Каганович, а потом Хрущев, и поэтому я, имея возможность еженедельно докладывать им, ближе узнал их, не говоря уже о том, что я наблюдал их поведение на заседаниях секретариата и бюро ЦК, как и на многочисленных совещаниях. Я помню их обоих очень хорошо. Оба они перекипали жизнерадостностью и энергией, эти два таких разных человека, которых тем не менее сближало многое. Особенно у Кагановича была прямо сверхчеловеческая работоспособность. Оба восполняли (не всегда удачно) пробелы в своем образовании и общекультурном развитии интуицией, импровизацией, смекалкой, большим природным дарованием. Каганович был склонен к систематичности, даже к теоретизированию, Хрущев же к практицизму, к техницизму...

...И оба они, Каганович и Хрущев,— тогда еще не успели испортиться властью, были по-товарищески просты, доступны, особенно Никита Сергеевич, эта «русская душа нараспашку», не стыдившийся учиться, спрашивать

---

* Существует и другой взгляд на эту историю. См.: Известия ЦК КПСС. 1989. № 7. С. 114—121. *Ред.*

у меня, своего подчиненного, разъяснений непонятных ему научных премудростей. Но и Каганович, более сухой в общении, был не крут, даже мягок, и уж, конечно, не позволял себе тех выходок, крика и мата, которые — по крайней мере, такая о нем пошла дурная слава — он в подражание Сталину приобрел впоследствии» *.

Кольман в данном случае, несомненно, приукрашивает образ Кагановича середины 30-х годов. Разумеется, Каганович совсем иначе вел себя с некоторыми ответственными работниками горкома и обкома партии, а тем более на заседаниях секретариата и бюро ЦК, чем с представителями организаций более низкого уровня. Свою грубость и безжалостность Каганович достаточно ярко показал уже во времена коллективизации, о чем упоминается в предыдущем разделе. Старый большевик И. П. Алексахин вспоминает, что осенью 1933 года, когда в Московской области возникли трудности с хлебозаготовками, Каганович приехал в Ефремовский район (тогда входивший в Московскую область). Первым делом он отобрал партийные билеты у председателя райисполкома и секретаря райкома Уткина, предупредив, что, если через три дня план хлебозаготовок не будет выполнен, Уткин будет исключен из партии, снят с работы и посажен в тюрьму. На резонные доводы Уткина насчет того, что план хлебозаготовок нереален, так как урожай определялся в мае на корню, а хлеба и картофеля убрано вдвое меньше, Каганович ответил площадной бранью и обвинил Уткина в правом оппортунизме. Хотя уполномоченные МК работали по деревням до глубокой осени и забрали у крестьян и колхозов даже продовольственное зерно, картошку и семена, план заготовок был выполнен по району только на 68 процентов.

---

* *Кольман А.* Мы не должны были так жить. Нью-Йорк, 1982. С. 192.

После такой «заготовительной» кампании почти половина населения района выехала за его пределы, заколотив свои избы. Сельское хозяйство района было разрушено, в течение трех лет сюда завозили семенное зерно и картофель *.

Конечно, перерождение Кагановича произошло не в один день или месяц. Под воздействием Сталина и в силу разлагающего влияния неограниченной власти он становился все более и более грубым и бесчеловечным. К тому же Каганович боялся сам стать жертвой своего жестокого времени и предпочитал губить других людей. Постепенно и в горкоме он превращался в крайне бесцеремонного, наглого человека. Уже в 1934—1935 годах своим техническим помощникам он мог бросить в лицо папку с бумагами, которые они приносили ему на подпись. Известны были даже случаи рукоприкладства.

В 1934—1935 годах Каганович враждебно встретил выдвижение Ежова, который быстро становился фаворитом Сталина, оттеснив Кагановича с некоторых позиций в партийном аппарате. Неприязненные отношения сложились у Кагановича и с молодым Маленковым, также быстро идущим в гору в аппарате ЦК. Но Сталина не только устраивали подобные конфликты, он искусно поощрял и поддерживал взаимную вражду между своими ближайшими помощниками.

Каганович и реконструкция Москвы

Каганович — исключительно удобная мишень, если постигать историю «методом поиска врагов». Его участие в разрушении старой Москвы — особенно выигрышная

* Из воспоминаний И. П. Алексахина.

тема. Трагедия исчезновения красивейшего русского города, растянувшаяся на десятилетия, непоправимая и очень сложная, упаковывается иногда в одну фразу: «Каганович разрушил Москву».

Но, во-первых, деятельность Кагановича, как будет показано ниже, не исчерпывалась одним только разрушением; во-вторых, до и после него Москва понесла намного больше невозвратимых потерь, чем за пять лет его руководства Московской партийной организацией; в-третьих, для осуществления разрушений в обществе должна сложиться (и сложилась) благоприятствовавшая им психологическая ситуация; и, наконец, возложение на Кагановича всей ответственности за происшедшее с Москвой — сталинская традиция.

К 1930 году население Москвы выросло по сравнению с довоенным более чем на миллион человек. «За годы революции» — так тогда выражались — в новые дома переселилось около 500 тысяч человек *. Жилищный кризис становился реальностью. Среди архитекторов шли горячие дискуссии о путях развития города.

Трамвай перевозил свыше 90 процентов пассажиров. Автобусов в Москве насчитывалось около двухсот, их маршруты соединяли город с пригородами. Троллейбусов не было. 90 процентов площади улиц составляли булыжные мостовые. Больше половины домов были одноэтажными, среди них очень много деревянных. В некоторых частях города отсутствовали канализация и водопровод.

Архитектурными памятниками официально были признаны лишь 216 зданий, но и этот список на союзном уровне никем не был утвержден. Еще с 1918 года в городе сносили памятники, срывали иконы с башен Кремля и соборов. В 20-е годы продолжался снос церквей и разгром монастырей. В 1927 году были разрушены Крас-

* См.: Рабочая Москва. 1931. 4 июля.

ные ворота. Могущественные предприятия и организации, размещавшиеся в Москве, вели несогласованную, хаотичную застройку.

К многочисленным разрушениям 20-х годов Каганович не имел, да и не мог иметь никакого отношения. Однако сам он нередко подчеркивал малоценность, никчемность старой Москвы: *«...пролетариату в наследство осталась весьма запутанная система лабиринтов, закоулков, тупичков, переулков старой купеческо-помещичьей Москвы... плохонькие, старенькие строения загромождают лучшие места нашего города»* *. Признание хоть какой-то ценности хотя бы части архитектурного наследства Москвы полностью отсутствует в речах и докладах Кагановича.

А. В. Луначарский возражал против сноса древних Иверских ворот с часовней, располагавшихся при входе на Красную площадь у Исторического музея, и церкви на углу Никольской улицы (ныне улица 25 Октября). Его поддерживали ведущие архитекторы. Но Каганович безапелляционно заявил: «А моя эстетика требует, чтобы колонны демонстрантов шести районов Москвы одновременно вливались на Красную площадь».

Замахнулись и на храм Василия Блаженного. Помешал этому архитектор, реставратор и историк П. Д. Барановский. Он добился встречи с Кагановичем и решительно выступил в защиту замечательного храма. Почувствовав, что Кагановича не убедили его доводы, Барановский отправил резкую телеграмму Сталину. Храм Василия Блаженного удалось отстоять, но Барановскому пришлось, явно не без «помощи» Кагановича, пробыть несколько лет в ссылке. Его жена рассказывала: «Петр Дмитриевич одно только и успел у меня спросить на свидании перед отправкой: «Снесли?» Я плачу, а сама головой киваю: «Целый!» **

---

* Рабочая Москва. 1934. 30 июля.

** См.: *Десятников В.* Подвижник // Огонек. 1987. № 46. С. 21.

Как видим, в этих случаях Каганович сам принимал варварское решение и категорически настаивал на его исполнении. В других случаях (и это как правило) его роль и долю ответственности невозможно установить точно. Но даже когда инициатива уничтожения исходила не от него (пример — храм Христа Спасителя), от него зато исходило отнюдь не молчаливое согласие.

Да и Сталин, позволивший храму Василия Блаженного остаться в живых, сделал это отнюдь не из любви к старине. Как-то Хрущев доложил Сталину о протестах против сноса старинных зданий. Сталин задумался, а потом ответил: «А вы взрывайте ночью» *.

В начале связанной с Москвой деятельности Кагановича, в декабре 1930 года, по его инициативе и с одобрения Сталина была произведена административная реорганизация: вместо шести районов стало десять, было закрыто управление коммунального хозяйства и появились тресты при Моссовете: Трамвайный, Мосавтотранс, Гордоротдел и другие. Вместо Мослеспрома, заготовлявшего дрова для всего города, стали выделять лесные участки районам, которые должны были обеспечивать себя сами.

В июне 1931 года на Пленуме ЦК Каганович сделал доклад, сыгравший, по-видимому, ключевую роль в судьбе Москвы и советской архитектуры в целом. В нем говорилось о строительстве метро и о составлении Генерального плана реконструкции столицы, о канале Москва — Волга. Предполагалось сделать Москву «лабораторией» строительства и «образцовым» городом — эта идея оказалась удивительно живучей. Утверждая, что законы роста городов для нас не писаны, Каганович даже применил термин «социалистический тип роста столицы». Он считал реальным равномерно распределять население по площади города и столь же равномерно

---

* См.: *Аджубей А.* Те десять лет // Знамя. 1988. № 7. С. 86.

«растить» города по всей территории страны, равномерно размещая в них промышленность. Было принято решение не строить новых заводов в Москве и Ленинграде — оно осталось на бумаге.

Двумя фразами было покончено с целым направлением архитектурной мысли — «дезурбанистами»: *«Болтовня об отмирании, разукрупнении и самоликвидации городов — нелепость. Больше того — она политически вредна»* *. Развитие города мыслилось как развитие прежде всего городского хозяйства — механизма, в котором житель будет винтиком, как и в сталинском государстве в целом. Лишь завершая тему «жилищное хозяйство», Каганович сказал несколько слов об эстетической стороне дела: *«Точно так же мы должны поставить перед собой задачу наилучшей планировки города, выпрямления улиц, а также архитектурного оформления города, в целях придания ему должной красоты»*. Примитивное понятие «оформление» Каганович применял очень часто. Говоря об «оформлении» всех городов СССР, он смог додуматься лишь до того, что улицы должны быть «ровными» и «широкими», а дома в центре — «большими». Но зато он многословно отвергал идеи вроде массовой ликвидации индивидуальных кухонь и «никаких комнат для общего проживания мужа и жены».

Однако кроме слишком бедных архитектурных концепций пленум наметил и полезные практические мероприятия.

В том же 1931 году было заасфальтировано Можайское шоссе. Впервые эту работу вели не иностранные фирмы (американские и немецкие), а дорожный отдел Моссовета.

Началось строительство метрополитена. О некоторых

---

* Здесь и далее выдержки из доклада Кагановича. См.: Рабочая Москва. 1931. 4 июля.

первых трудностях свидетельствовал впоследствии сам Каганович: *«Подавляющая часть набранных рабочих совершенно не была знакома не только со строительством метро (никто из нас, понятно, не имел ранее опыта подобного строительства), но и с теми отраслями земляных, бетонных, арматурных и прочих работ, на которые они были поставлены»* *.

В 1932 году при Моссовете было создано Архитектурно-планировочное управление (АПУ); в конце мая в него был передан для согласования новый список московских памятников архитектуры, наполовину «похудевший»: из 216 зданий, перечисленных в 1928 году, в нем осталось 104 **.

В 30-х годах на улице Фрунзе была снесена церковь Знамения, впервые упоминавшаяся в 1600 году. По имени этой церкви улица до 1925 года называлась Знаменка. 30 августа закрыта церковь Большого Вознесения у Никитских ворот, в которой за сто лет перед этим венчался Пушкин (здание церкви сильно пострадало, но уцелело и впоследствии, в 70-е годы, было отреставрировано).

В Кремле завершился снос монастырей — Вознесенского и Чудова (XIV век), Николаевского дворца и старейшего в Москве строения — церкви Спаса на Бору. Кроме того, на улице Фрунзе снесена церковь Николая Стрелецкого, построенная в XVII веке «по прошению стремянного полка стрельцов».

Между тем объявленный в конце 1930 года конкурс на новый план реконструкции Москвы тихо скончался: не дожидаясь официального утверждения победителя, как и официального утверждения списка неприкосновенных памятников, АПУ приступило к осуществлению проекта В. Н. Семенова, ставшего главным архитектором

* Рабочая Москва. 1934. 30 июля.

** См.: *Жуков Ю.* Москва: генпланы 1918—1935 годов и судьбы памятников архитектуры // Горизонт. 1988. № 4. С. 42.

Москвы. Началось оно с того, что в 1930—1933 годах при строительстве Дома Совета Труда и Обороны (ныне — здание Госплана) в Охотном ряду снесли церковь Параскевы Пятницы; в разгар очень тщательной, с большим искусством выполнявшейся под руководством П. Д. Барановского реставрации снесли палаты В. Голицына (конец XVII века). Напротив, в Охотном ряду, стали строить гостиницу Моссовета (гостиница «Москва»), начисто позабыв о принятом в 20-х годах по предложению С. М. Кирова решении возвести на этом месте Дворец Труда, на проект которого уже был объявлен международный конкурс. Почти все 104 еще остававшихся в официальном списке памятника попадали по проекту В. Н. Семенова в зону реконструкции.

В 1933 году было создано свыше 20 проектных и планировочных мастерских. Какую роль в разработке нового Генплана играл лично Каганович, можно понять из похвального слова В. А. Дедюхина, начальника отдела проектирования Моссовета: *«Я вспоминаю одно из многочисленных совещаний у Лазаря Моисеевича, посвященное реконструкции Москвы.*

На этом совещании был создан ряд комиссий и подкомиссий. Мне пришлось работать председателем исторической подкомиссии. К работам в ней были привлечены виднейшие историки и архитекторы. Мы изучали и анализировали планировку Москвы, ее рост, развитие, начиная с XIV века...

Когда эта работа была проделана, нас опять собрал Лазарь Моисеевич, снова обсуждал вместе с нами все вопросы, говорил, что и как надо исправить. Его указания были так четки, замечания сделаны с таким знанием дела, что вызывали восторг у каждого из нас» *.

Под «четкостью» указаний, видимо, имеется в виду не их категоричность (что разумелось само собой), а

* Рабочая Москва. 1935. 16 июля.

предельная конкретность, вплоть до мелочей. Это подтверждал архитектор Д. Ф. Фридман, с энтузиазмом отрекавшийся от творческой самостоятельности: *«Лишь тогда, когда я впервые попал на заседание Моссовета, где Лазарь Моисеевич Каганович дал установки по реконструкции столицы, я увидел и почувствовал в конкретных и ясных образах, какой должна быть новая Москва.*

Речь Лазаря Моисеевича была настолько конкретна и ясна, что после нее архитектору оставалось сделать лишь одно: поскорее взяться за карандаш» *.

Решения июньского (1931 г.) Пленума ЦК были рассчитаны на три года, и действительно, Москва в это время быстро становилась качественно иным городом. К началу 1935 года, еще до постройки канала Москва — Волга, был реконструирован водопровод (в частности, построена Истринская плотина), благодаря чему подача воды в город удвоилась. Впервые появился водопровод в Кожухово, Ростокино, Кутузовской слободе, в Филях. Было проложено 59 километров канализационных труб и ликвидированы старые свалки в черте города: Калужская, Алексеевская, Сукино болото. Площадь асфальта выросла с 1928 года в семь раз и составила 25 процентов площади города, хотя мощение улиц брусчаткой и булыжником продолжалось. С улиц исчезли последние газовые и керосиновые фонари.

Положение с жильем обострялось, несмотря на рост строительства. В эти годы был преодолен сезонный характер строительства, в 4 раза выросла кирпичная промышленность Москвы. Однако уничтожалось много старого жилья, и вводившиеся ежегодно 500—700 тысяч квадратных метров жилой площади не могли компенсировать рост населения, составлявший в начале 30-х годов более 300 тысяч человек ежегодно.

---

* Рабочая Москва. 1935. 16 июля.

Хотя Каганович и говорил о необходимости иметь в Москве не менее двух тысяч автобусов, в намеченный срок эта цифра достигнута не была: в 1934 году в Москве насчитывалось 422 автобуса. В ноябре 1933 года первые два московских троллейбуса были пущены по Ленинградскому шоссе от Тверской заставы до окружной железной дороги.

Роль Кагановича в новом строительстве, осуществлявшемся в Москве в 30-е годы, исключительно велика. Приведем рецензию тех лет на новую книгу о Москве:

«Москва» — так называется эта прекрасно изданная книга — документ о реконструкции старой, купеческой Москвы и сказочного превращения ее в молодую, жизнерадостную столицу социалистической родины... Не узнаешь старых мест, где лишь несколько лет назад бывал неоднократно... Там, где когда-то стоял Симонов монастырь, выросло красивое, монументальное здание Дворца культуры...

И красной нитью по всей книге проходит могучая личность нашего вождя товарища И. В. СТАЛИНА, гений его ума, вдохновляющий социалистическую реконструкцию нового города, и фигура его соратника, непосредственного организатора побед, руководителя московских большевиков Л. М. КАГАНОВИЧА.

Какой теплотой и любовью к уму великого человека, к его ученику и соратнику пронизаны строки всей книги...

Тов. Кагановича авторы книги именуют запросто Лазарем Моисеевичем. Именно так звали его тысячи строителей московского метро, так зовут пролетарии столицы, вкладывая в эти слова свое уважение к крупному организаторскому таланту, к пылкому темпераменту и пламенным речам этого большого человека...»

Далее в этой рецензии следуют, казалось бы, все такие же дежурно-проникновенные восторги, но сквозь них начинает проступать и угадываться реальный СТИЛЬ Кагановича-руководителя:

«...Для него не существует «мелочей». От разрешения сложнейших технических вопросов строительства метро, над которыми задумывались крупнейшие специалисты, до определения ширины Моховой улицы... Ничто не ускользает от взора и внимания Лазаря Моисеевича.

— Если бы меня спросили, кто является автором проектов реконструкции московских улиц, мостовых и набережных, то я с полной уверенностью заявил бы, что в основу всякого проекта отдельной улицы, набережной, в основу каждой детали, вплоть до выбора цвета облицовки, ложатся четкие и бесспорные указания нашего любимого руководителя и организатора — Л. М. Кагановича,— пишет начальник городского дорожного отдела П. Сырых...»

Как представляется, все это — не пустая лесть. Работавшие с Кагановичем вспоминают его как энергичного, работоспособного, дотошного руководителя, умелого организатора. Кроме того, эта рецензия — лишнее свидетельство того, что доля ответственности Кагановича за все творившееся в Москве в 30-е годы очень велика. А стиль его работы по-своему эффективен, но от совершенства далек, ибо нельзя объять необъятное. Если политический руководитель вникает во все, «вплоть до цвета облицовки», то что же остается архитектору и зачем он, архитектор, нужен? В кого превращается художник, творец? Видимо, не случайно при Кагановиче прокатилась волна разоблачения «формалистов», «урбанистов», «дезурбанистов» — и архитектурные дискуссии и конкурсы сменились диктатом и интригами.

Но закончим прерванную цитату:

«...И с гордостью носят ударники метро почетный значок похода им. Кагановича, знак ударной работы по созданию лучшего в мире метро под руководством нашего железного народного комиссара» *.

---

* Гудок. 1935. 6 апр.

Первый проект метрополитена в Москве был представлен Городской думе в 1902 году инженером П. И. Балинским. Единогласное решение думы и Московского митрополита было: «Господину Балинскому в его домогательствах отказать». Объяснялась причина отказа: «Тоннели метрополитена в некоторых местах пройдут под храмами на расстоянии всего лишь 3 аршин, и святые храмы умаляются в своем благолепии» *. В 30-е годы «умаление благолепия» считалось, конечно, не минусом, а плюсом.

Первая очередь Московского метрополитена — возможно, главная стройка, связанная с именем Кагановича. Печать называла его Магнитом Метростроя и Первым Прорабом. Бывший репортер газеты «Вечерняя Москва» А. В. Храбровицкий вспоминает:

«Роль Кагановича в строительстве первой очереди метро была огромной. Он вникал во все детали проектирования и строительства, спускался в шахты и котлованы, пробирался, согнувшись, по мокрым штольням, беседовал с рабочими. Помню техническое совещание, которое он проводил под землей в шахте на площади Дзержинского, где были сложности проходки. Было известно, что Каганович инкогнито ездил в Берлин для изучения берлинского метро. Вернувшись, он говорил, что в Берлине входы в метро — дыра в земле, а у нас должны быть красивые павильоны.

Желанием Кагановича было, чтобы первая очередь метро была готова «во что бы то ни стало» (помню эти его слова) к 17-й годовщине Октября — 7 ноября 1934 года. На общемосковском субботнике 24 марта 1934 года, где Каганович сам действовал лопатой, его спросили о впечатлениях; он ответил: «Мои впечатления будут 7 ноября». Поэт А. Безыменский написал в связи

---

* *Маковский В. Л.* Первая очередь Московского метрополитена // Вопросы истории. 1981. № 8. С. 91.

с этим стихи: «То метро, что ты готовишь, силой сталинской горя, пустит Лазарь Каганович в день седьмого ноября». Сроки были передвинуты после посещения в апреле шахт метро Молотовым в сопровождении Хрущева и Булганина, в отсутствие Кагановича. Стало известно (очевидно, были серьезные сигналы) о плохом качестве работ, вызванном спешкой, грозившем неприятностями в будущем. О сроках пуска перестали писать... Рядом с Кагановичем я всегда видел Хрущева, Каганович был активен и властен, а реплики Хрущева помню только такие: «Да, Лазарь Моисеевич», «Слушаю, Лазарь Моисеевич»...» *

Заметим, что в воспоминаниях А. В. Храбровицкого присутствует та же характерная черта: «вникал во все детали».

Первая очередь метро была пущена в середине мая 1935 года. Сталин прокатился «вместе с народом» из конца в конец линии и обратно. Московскому метрополитену тут же было присвоено имя Кагановича. Первое время многие москвичи ходили в метро просто «посмотреть», как на аттракцион или в цирк, и даже старались по такому случаю одеться получше.

Немного ранее, когда строительство метро еще только завершалось, 14 июня 1934 года, Сталин устроил в Кремле совещание по Генплану Москвы. Кроме членов Политбюро в нем участвовали, как выразился Каганович, «более 50 архитекторов и планировщиков, работающих по оформлению нашей столицы». Об этом совещании он говорил: *«Товарищ Сталин дал нам основные важнейшие установки дальнейших путей развития и планирования города Москвы»* **. В действительности Сталин предложил лишь создать по всему городу крупные зеленые массивы. В проект немедленно включили (в ин-

---

* *Храбровицкий А. В.* Рукопись. Архив автора.
** Рабочая Москва. 1934. 30 июля.

тересах озеленения) ликвидацию кладбищ — Дорогомиловского, Лазаревского, Миусского, Ваганьковского, что и было в дальнейшем осуществлено (к счастью, не до конца).

После встречи в Кремле началась вакханалия разрушений: Златоустовский, Сретенский, Георгиевский монастыри, Сухарева башня; церковь Сергия Радонежского (XVII век) на Большой Дмитровке; церкви Крестовоздвиженская и Дмитрия Солунского; напротив Большого театра снесен Никольский греческий монастырь — вместе с собором постройки 1724 года уничтожаются могилы поэта и дипломата А. Д. Кантемира и его отца, молдавского господаря начала XVIII века; в октябре сносят церковь Троицы на Полях (1566 г.) — на ее место перенесен и поныне стоит памятник Ивану Федорову (1909 г.); рядом с этой церковью пущен на слом дом, в котором в 1801 году жил Н. М. Карамзин.

Но может быть, главная утрата 1934 года — Китайгородская стена (1535—1538 гг.). Вместе с ее Варварскими воротами разрушена пристроенная к ним часовня Боголюбской богоматери. Вслед за Владимирскими (Никольскими) воротами на Лубянской площади снесена давшая им название Владимирская церковь и высокая часовня Св. Пантелеймона, принадлежавшая ранее Афонскому Пантелеймоновскому русскому монастырю; годом раньше на этом же небольшом участке сровняли с землей церковь Николы Большой Крест.

Перечень утраченного при Кагановиче можно продолжать и продолжать: храм Христа Спасителя, церковь Михаила Архангела на Девичьем поле, красивейшая церковь Св. Екатерины в Кремле у Спасской башни, дома, в которых родились Пушкин и Лермонтов... К тому же рядовую застройку вообще никто не рассматривал как культурную и историческую ценность, то есть «сохранение старины» понималось всего лишь как сохранение отдельных зданий в качестве музейных экспона-

тов. Среда города, его неповторимая атмосфера были обречены.

Но даже и включенные в списки памятников постройки отнюдь не были застрахованы от уничтожения. Из трех упоминавшихся выше списков ни один не был утвержден на союзном уровне. Из 104 зданий из списка 1932 года погибло 29. 20 марта 1935 года ВЦИК своей властью наконец-то взял под охрану государства 74 московских памятника архитектуры. Как видим, предыдущий перечень уменьшился почти на треть.

Каганович был рьяным сторонником такой «градостроительной» политики. Разумеется, остановить ее было не в его власти, но попытаться спасти хотя бы что-то он мог.

10 июля 1935 года Генеральный план реконструкции Москвы был утвержден. Один из участников его разработки, А. Кольман, вспоминает:

«В 1933 или 1934 году Л. М. Каганович пригласил меня — как математика — принять участие в возглавляемой им комиссии по составлению Генерального плана реконструкции города Москвы. Задачей этой многочисленной комиссии... было окончательно сверстать план, над которым уже много времени трудились сотни специалистов. Нам нужно было выработать, на основе несметной кучи материалов, компактный документ и представить его на утверждение Политбюро.

Наша комиссия работала в буквальном смысле днем и ночью. Мы заседали чаще всего до трех часов утра, а то и до рассвета,— таков был в те годы и до самой смерти Сталина стиль работы во всех партийных, советских и прочих учреждениях... Трудоспособность нашей комиссии и ее председателя была в самом деле неимоверна. На окончательном этапе работы Каганович поселил пятерых из нас за городом на одной из дач МК, где мы, оторванные от отвлекающих телефонных звонков, быстро

завершили всю работу, составили проект постановления Политбюро.

Нас пригласили на его заседание, на обсуждение плана. В громадной продолговатой комнате, за длинным столом буквой Т сидели члены Политбюро и секретари ЦК, а мы, члены комиссии, разместились на стульях вдоль стен. В верхней, более короткой стороне буквы Т, восседал в центре только один Сталин, а сбоку его помощник Поскребышев. Собственно, там было только место Сталина, а он безостановочно, как во время доклада, так и после него прохаживался взад и вперед вдоль обеих сторон длинного стола, покуривая свою короткую трубку и изредка искоса поглядывая на сидящих за столом. На нас он не обращал внимания. Так как наш проект был заранее роздан, Каганович лишь очень сжато говорил об основных принципах плана и упомянул о большой работе, проделанной комиссией. После этого Сталин спросил, есть ли вопросы, но никаких вопросов не было. Всем было все ясно, что было удивительно, так как при громадной сложности проблем нам, членам комиссии, проработавшим не один месяц, далеко не все было ясно. «Кто желает высказаться?» — спросил Сталин. Все молчали...

Сталин все прохаживался, и мне показалось, что он ухмыляется в свои усы. Наконец он подошел к столу, взял проект постановления в красной обложке, полистал и, обращаясь к Кагановичу, спросил: «Тут предлагается ликвидировать в Москве подвальные помещения. Сколько их имеется?» Мы, понятно, были во всеоружии, и один из помощников Кагановича... тут же подскочил к Кагановичу и вручил ему нужную цифру. Она оказалась внушительной, в подвалах ниже уровня тротуара теснились тысячи квартир и учреждений.

Услышав эти данные, Сталин вынул трубку изо рта, остановился и изрек: «Предложение ликвидировать подвалы — это демагогия. Но в целом план, по-видимому,

придется утвердить. Как вы думаете, товарищи?» После этих слов все начали высказываться сжато и одобрительно, план был принят с небольшими поправками... В заключение Каганович взял слово, чтобы извиниться за подвалы. Этот пункт, дескать, вошел в постановление по оплошности... Это была неуклюжая и лживая увертка... Ведь каждый понимал, что перед тем, как подписать столь ответственный документ, Каганович несколько раз внимательнейшим образом перечитал его...» *

Генплан 1935 года по сей день оказывает влияние на принимаемые градостроительные решения. Безусловно, при его осуществлении было много сделано для развития города: перекинуты новые мосты через Москву-реку, прорыт канал Москва — Волга, решивший проблему водоснабжения, появились новые набережные... Но какой ценой?!

Сами методы, какими велось строительство и развитие Москвы, эволюционировали при Кагановиче не в лучшую сторону. В 20-е годы советская архитектура выдвинула много новых идей. С приходом Кагановича к руководству Московской партийной организацией большая часть этого опыта была всерьез и надолго забыта. Пресеклось строительство домов-коммун и домов «переходного типа» — впоследствии эти идеи были позаимствованы и получили распространение в Швеции. Архитектурные конкурсы постепенно теряли значение.

Во все времена и во всех странах политическое руководство активно участвует в принятии решений о строительстве крупных объектов. Но в СССР в 30-е годы роль политиков оказалась гипертрофированной и в этой области. Не будучи архитектором, Каганович лично указал, что новое здание Театра Красной Армии нужно строить в форме пятиугольной звезды — это было, конечно, бессмысленное решение, так как увидеть звезду можно разве что с вертолета.

* *Кольман А.* Мы не должны были так жить. С. 164—165.

В разгар строительства Дома радиокомитета на Колхозной площади кто-то из руководителей страны отрицательно высказался о вырисовывавшихся формах здания. Главный архитектор был отстранен. Каганович пригласил большую группу архитекторов и за столом с обильным угощением предложил «спасти» стройку. Никто не хотел браться за столь трудный объект. Тогда Каганович взял список приглашенных и назвал первую по алфавиту фамилию — архитектор Булгаков. Знакомые «избранника» восприняли это назначение чуть ли не как смертный приговор, но в дальнейшем все, к счастью, обошлось благополучно. И хотя проект Булгакова тоже был не во всем доведен до конца, архитектор обрел известность и авторитет.

При Кагановиче были построены Дом Общества политкаторжан (ныне Театр-студия киноактера), Военная академия им. Фрунзе, Военно-политическая академия им. Ленина на Садовой (возле знаменитой ныне булгаковской квартиры № 50), Северный речной вокзал, здание комбината газеты «Правда», здания наркоматов — Наркомлеса, Наркомзема, Наркомлегпрома...

В 1935 году Каганович, получив новое назначение, передал руководство Московской городской и областной партийной организацией Н. С. Хрущеву. Именно Каганович выдвинул Хрущева сначала на роль руководителя Бауманского и Краснопресненского райкомов партии, а затем сделал его своим заместителем по Московской организации.

В зените

1935 год был звездным часом Кагановича. Звездным, но не безоблачным, как мы убедимся далее.

7 января колхозник Поляков приветствует III съезд Советов Московской области. *«Заключительный возглас*

тов. Полякова: — Да здравствует великий Сталин! Да здравствует его ближайший соратник, любимый руководитель московских большевиков тов. Л. М. Каганович! — тонет в аплодисментах, которые с новой силой возобновляются и переходят в бурную продолжительную овацию при предложении послать приветствия товарищам Сталину и Кагановичу» *.

Сталин отсутствует. Каганович сидит в президиуме и выслушивает ритуальное послание, адресованное ему. Это не первый и не последний случай, когда его величают «ближайшим соратником», «лучшим учеником» Хозяина. Впрочем, подобными эпитетами награждают его лишь восторженные рабочие и колхозники, в лучшем случае — в редакционных статьях. Официально никаких заявлений об особой близости Кагановича к Сталину не делается. Сам Сталин не опровергает и не подтверждает это.

28 февраля 1935 года, в последний день зимы, происходит частичная «рокировка» должностей: наркомпути А. А. Андреев становится секретарем ЦК ВКП(б), а Каганович занимает его место в НКПС, сохраняя за собой пост секретаря ЦК; однако он теряет два других важнейших поста — первого секретаря Московского комитета партии и председателя Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б). Освободившиеся места занимают молодые и «растущие» — Хрущев и Ежов соответственно.

Назначение видных руководителей партии в хозяйственные наркоматы было в обычае еще со времен гражданской войны. Железнодорожный транспорт в огромной стране был не просто важен — то было «узкое место» народного хозяйства, сдерживавшее экономический рост. Назначение Кагановича на такой участок работы не выглядело опалой, однако преподнесено было чуть ли не

* Рабочая Москва. 1935. 8 янв.

как повышение. Всюду подчеркивалось, что железнодорожникам оказана большая честь. На всех вокзалах были вывешены портреты Кагановича. На Северном (Ярославском) вокзале Москвы буквы лозунга «Привет железному наркому т. Кагановичу» сделали такими крупными, что они целиком закрывали окна фасада второго этажа. Без конца повторялось: «Под руководством тов. Л. М. Кагановича выведем транспорт на широкую дорогу побед». На полные обороты был запущен локальный ведомственный культ Кагановича в системе НКПС, о котором будет рассказано ниже. Пленум Московского комитета партии, заменивший Кагановича Хрущевым, принял большое послание к уходящему руководителю, полное похвал и славословий.

В действительности новое назначение никак не могло способствовать росту влияния Кагановича, какие бы бури организованного энтузиазма ни бушевали вокруг. В то же время сравнительно «тихие» назначения Хрущева и Ежова были несомненным шагом наверх для них обоих. Уже не за горами было время, когда Каганович, оставаясь наркомом путей сообщения, навсегда уйдет во «вторую шеренгу» Политбюро; но пока, на первый взгляд, его роль и значение даже еще больше возросли.

15 марта Каганович был награжден орденом Ленина. Поздней, весной 1935 года, Каганович, Постышев и нарком внутренних дел Украины Балицкий посетили Чернобыль. Для маленького городка это было выдающееся событие. Встречать «дорогих вождей» (в тот год эти слова еще официально употреблялись во множественном числе) вышло все городское руководство, учащиеся двух средних школ, множество жителей. Районная газета поместила стихи, специально сочиненные по этому случаю. Они были исполнены перед гостями на мелодию песни «По долинам и по взгорьям». Магнит Метростроя посетил свое родное село, которое с того дня стало именоваться «Кагановичи». Лучшее здание Чернобыля, в

котором размещался райисполком, было отдано под Дворец пионеров. В те времена районный центр не мог об этом и мечтать *.

Новая демонстрация «любви» к Лазарю Моисеевичу была связана с пуском в середине мая метрополитена. Через несколько дней произошла катастрофа — разбился самолет «Максим Горький», на борту которого находились сотрудники ЦАГИ. Вскоре в печати появились резолюции собраний трудящихся о сборе средств на постройку новых самолетов-гигантов, один из них предлагалось назвать «Лазарь Каганович».

10—11 июля 1935 года прошел объединенный Пленум МГК ВКП(б) и Моссовета, посвященный новому Генеральному плану реконструкции Москвы, где Каганович выступил с большой речью. Пленум послал два приветствия: одно — Калинину и Молотову; другое, втрое большее,— Кагановичу. В нем говорилось: *«Во всей своей работе ты неуклонно проводил и проводишь в жизнь гениальные указания товарища Сталина... Изо дня в день ты учишь нас и показываешь нам всей своей работой, что высшим законом для большевика и каждого пролетария является... преданность и горячая любовь к вождю пролетариев всего мира — товарищу Сталину...*

Да здравствует лучший сталинец, товарищ Каганович!

Да здравствует наш великий вождь, учитель и друг товарищ Сталин!» **

Как известно, и при самом высоком полете попадаются воздушные ямы. Сталин периодически делал зловещие намеки каждому из приближенных, находящихся как будто бы на вершине власти,— точно так же, как он подавал неожиданно надежду многим обреченным накануне предрешенной казни.

* О посещении Кагановичем Чернобыля рассказал уже цитировавшийся выше Р. С. Федченко.

** Рабочая Москва. 1935. 14 июля.

12 июля 1935 года Каганович участвовал в поездке на Тушинский аэродром в компании со Сталиным, Ворошиловым, Андреевым, Хрущевым и Косаревым. Был устроен воздушный праздник. Четыре парашютистки, приземлившись на виду у гостей, преподнесли вождям цветы, обделив при этом Кагановича и его протеже Хрущева. Участники праздника могли и не заметить такую мелочь, но сам Каганович должен был задать себе вопрос: случайность это или сигнал? Если сигнал, то что он означает? Когда гости уехали, аэроклуб, по традиции тех лет, принял восторженные обращения — но только к Сталину и Ворошилову, начисто позабыв о «ближайшем соратнике».

Было бы ошибкой думать, что Каганович хотя бы на время занял положение, подобное тому, которое занимали какой-то срок Геринг при Гитлере или Линь Бяо при Мао Цзэдуне. Фактически Сталин никому не позволял быть «человеком номер два». Когда тем же летом 1935 года был опубликован список именных самолетов-гигантов, намеченных к постройке взамен погибшего «Максима Горького», самолет «Лазарь Каганович» шел в списке лишь восьмым, пропустив вперед имена Калинина, Молотова, Ворошилова, Орджоникидзе. Каждый из четверых время от времени изображался «ближайшим».

Наивысший взлет Кагановича не имеет четких временных границ, и о причинах последовавшего в дальнейшем уменьшения его влияния можно лишь догадываться. Впрочем, догадки необходимы при поисках истины. При поисках же врагов требуется другое — упрощение. «Кто таков Каганович, чей план последовательного разрушения исторического центра Москвы тоже приписывается Сталину, Каганович, долгие годы бывший, по сути, вторым лицом в партии?» — вопрошает Анатолий Иванов *, имея, по-видимому, за пазухой точный ответ,

* См.: Черный хлеб искусства. Диалог писателя А. Иванова и критика В. Свининникова // Наш современник. 1988. № 5. С. 175.

«кто таков» Каганович. Насколько это «второе лицо» было вторым, мы уже увидели. Насколько эти годы были долгими — увидим ниже.

Каганович и железнодорожный транспорт

Мы не напрасно отметили, что Каганович пришел к руководству НКПС на исходе зимы. Самый трудный для железных дорог период заканчивался, на переломе к лету продемонстрировать первые успехи в руководстве было, конечно, легче.

Здание наркомата считалось по тем временам крупным. Напротив него, на той стороне Садового кольца, видна была новенькая станция метро «Красные ворота». Сам предмет забот наркома — железные дороги — начинался всего в трехстах метрах к северу: там шумели знаменитые московские три вокзала.

Каганович был не первым из лидеров партии, поставленных «на транспорт». Среди его предшественников — Дзержинский и Рудзутак. В 20-е годы железные дороги постепенно оправлялись от нокаута, в который их послала гражданская война. И хотя к 1935 году взорванные мосты были давно уже восстановлены, а последние разбитые вагоны, долгие годы ржавевшие на откосах, сданы в металлолом, работа железных дорог все еще не была по-настоящему отлажена. Систематически срывался план погрузки. В порожнем, непроизводительном пробеге находилось около 30 процентов товарных вагонов. Из фактического оборота вагон был в движении лишь 34 процента времени, остальное время — в простое. Погрузка достигала максимума в конце календарного месяца, а в начале каждого следующего месяца падала примерно на 10 тысяч вагонов в сутки. Затем история повторялась. Эта неритмичность не позволяла полностью

использовать пропускную способность дорог. Крушения и аварии стали обыденным явлением, к ним привыкли. 65—70% всех аварий и крушений в 1934—1935 годах происходило по прямой вине железнодорожных агентов.

Одно из знаменитых стихотворений «С любимыми не расставайтесь» было написано после страшной железнодорожной катастрофы, унесшей больше сотни жизней.

В связи с назначением Кагановича газета «Гудок» писала 1 марта: *«Железные дороги сейчас — самый отсталый участок социалистического строительства, но 1935 год должен стать годом настоящего перелома к улучшению в работе транспорта». Утверждалось, что Каганович «всегда и везде, куда бы ни ставила его партия, добивался победы».*

Его непосредственный предшественник — наркомпути А. А. Андреев на совещании эксплуатационников 2 октября 1934 года так описывал положение на железных дорогах: *«...происходит накопление запасов угля в Донбассе и Кузбассе, большого количества металла на заводах, хлеба и овощей на станциях, руды и другого сырья для металлургии в Кривом Роге, Магнитной при недостатке этого сырья на заводах. Я уже не говорю о громадном накоплении лесных и строительных материалов... На Октябрьской, Казанской, Курской, Северной дорогах имеются грузы для юга и однако с этих дорог вагоны уходили на юг порожними...» Аварийность была названа «невероятно высокой» и «безобразной»* *. К моменту прихода Кагановича в НКПС дороги задолжали народному хозяйству 400 тысяч непогруженных вагонов.

Кроме того, назначение Кагановича совпало по времени с подписанием соглашения по КВЖД: Советский Союз продавал эту огромную дорогу Маньчжоу-го. Тысячи квалифицированных специалистов возвращались в марте — апреле из Маньчжурии в СССР, и это тоже

* Гудок. 1934. 9 окт.

должно было положительно повлиять на работу транспорта внутри страны.

Первым нововведением был старт особого — «железнодорожного» — мини-культа Кагановича. Украсившись однажды портретами и приветствиями, вокзалы уже не снимали имя наркома со своих фасадов: портрет сменялся цитатой из приказа или из последней речи. По всему Союзу на всевозможных собраниях и совещаниях железнодорожников большой портрет «сталинского наркома» за спинами у президиума стал непременным атрибутом. Правда, прославление ведомственного или местного начальства давно уже было элементом политической традиции страны. И все же А. А. Андреев в 1934 — начале 1935 годов отнюдь не пользовался подобным поклонением. А 3 марта 1935 года в газете «Гудок» среди заголовков «Будем работать, как работает тов. Каганович», «Верного руководителя дал нам товарищ Сталин» и т. п. был и такой: «Лазарь Моисеевич был у нас на станции». Далее сообщалось:

«Ровно год тому назад — 4 марта 1934 года — станцию Москва-Товарная Павелецкая посетил Лазарь Моисеевич Каганович. И именно благодаря этому посещению 4 марта 1934 года стало днем решительного перелома во всей работе станции...» Здесь же было помещено приветствие Кагановичу от собрания рабочих станции с вариациями на тему «заверяем тебя, дорогой Лазарь Моисеевич» *. В том же году «Гудок» время от времени публиковал на первой полосе изображение наркома со сталинскими усами и с подписью: «Новое фото товарища Кагановича» или «Новый портрет Л. М. Кагановича». Еще в первую декаду марта на Трехгорной мануфактуре, шефствующей над поездом № 10 вагонного депо Москва-Смоленская, изготовили в подарок «подшефникам» 10 тканошелковых портретов Кагановича, которыми были украшены вагоны.

* Гудок. 1935. 3 марта.

Те, кто был рядом со Сталииым.
Орджоиикидзе, Молотов, Киров, Ворошилов, Кагаиович, Куйбышев.
Разные, с иесхожими характерами и со сложиыми взаимоотношеииями, по-разиому коичившие свой век, оии составляли окружеиие вождя.
О троих из иих рассказывается в этой киигe.

Микоян, Сталин, Орджоникидзе.
Тифлис, 1925 год.

Трогай, поехали...
Сталин и Молотов в дни работы
V Всесоюзного съезда Советов.
Май 1929 года.

Характерный символический жест...
Сталин выступает на заседании комиссии
по выработке Примерного устава сельхозартели.
2-й Всесоюзный съезд колхозников-ударников.
Февраль 1935 года.

Микоян, Сталин и Молотов
на заседании комиссии по выработке
Примерного устава сельхозартели.
Февраль 1935 года.

Как будто после очередной удачной акции...
Сталин и Ворошилов.
Декабрь 1935 года.

Сталин, Ворошилов, Каганович
встречают Валерия Чкалова и Александра Белякова
на Щелковском аэродроме.
10 августа 1936 года.

Наверное, речь идет о реконструкции Москвы.
Калинин, Молотов, Ворошилов, Сталин,
Каганович, Орджоникидзе.
Кремль, март 1936 года.

Ворошилов, Молотов, Сталин на канале Москва — Волга.
Апрель 1937 года.

В день парада на Красной площади
в честь XX годовщины Октября.
Ворошилов приветствует военных атташе.
7 ноября 1937 года.

На трибуне Мавзолея В. И. Ленина
члены правительства Ежов, Микоян, Каганович,
Молотов, Шверник, Чубарь.
7 ноября 1937 года.

Двадцатилетие Октября.
Красная площадь.
Демонстрация трудящихся.

Молотов, Калинин, Сталин, Ворошилов, Каганович
среди депутатов Верховного Совета СССР.
10 января 1938 года.

Здесь только часть блнжайшего окружения Сталнна —
военачальники, Калинин, Ежов, Мнкоян,
Андреев, Молотов, Кагановнч.
Они идут на Красную площадь,
чтобы показать себя народу
1 мая 1938 года.

19 марта Каганович подписал очень большой и необычный приказ «О борьбе с крушениями и авариями». Собственно пункты приказа составляли лишь одну шестую его текста. Основная — констатирующая часть — содержала нехарактерные для такого рода документов эмоциональные выражения вроде: «казенное, бездушное, чиновничье отношение к борьбе с крушениями», «крушение или авария подобны поражению отдельной воинской части в бою», «глупо-хулиганская ухарская езда» и т. д. Объявлялось, что в «крушениях концентрируются все недостатки в работе железных дорог»; первым пунктом приказа значилось: «Считать основным показателем улучшения работы дорог сокращение из месяца в месяц числа аварий и крушений» *.

Для сравнения заметим, что в упоминавшемся выше докладе А. А. Андреева недостатки в работе железных дорог были перечислены в таком порядке: 1) плохой план перевозок; 2) неправильная группировка вагонных парков; 3) медленный оборот вагонов; 4) наличие «узких» по пропускной способности мест и неритмичность погрузки; 5) аварии; 6) канцелярщина и косность в управлении. Однако в рамках сталинской системы Андреев оказался, по-видимому, менее крепким руководителем, нежели Каганович, несмотря на откровенное обсуждение минусов и попытку комплексного подхода к проблемам. Система управления, не желавшая базироваться на интересе и инициативе снизу, могла либо апеллировать к нравственности и чувству долга, либо полагаться на террор. Андреев не был мягкотелым и все-таки «главное» видел в том, что все «товарищи должны понять, что так работать нельзя **. Каганович определенно полагался на кнут, пряник и политические кампании.

Он произносил больше, чем Андреев, общих слов,

* Гудок. 1935. 20 марта.
** Гудок. 1934. 9 окт.

больше говорил о намерениях и меньше — о проблемах. Больше наказывал и больше награждал.

31 марта последовал приказ Кагановича об организации индивидуальных огородных хозяйств железнодорожников. Надлежало создать 350 тысяч личных огородов на 250 тысячах гектаров, прирезав для этого новые земли в железнодорожной полосе; продать железнодорожникам из совхозов ОРС 5 тысяч телят, 40 тысяч поросят, 50 тысяч кроликов, 2 тысячи ульев с пчелами *. «Лучший сталинец» не стеснялся «поощрять частнособственнические инстинкты», когда считал это целесообразным. По вопросу об огородах было созвано специальное совещание 65 лучших ударников-железнодорожников и их жен-домохозяек.

По свидетельству И. Ю. Эйгеля, много лет связанного с железнодорожным транспортом, у многих работников НКПС остались добрые воспоминания о Кагановиче как руководителе, который «умел казнить, умел миловать», «подымал рабочий класс», в частности «поднял машиниста даже выше, чем он был до революции»,— хороший машинист паровоза получал больше, чем начальник депо (правда, перед самым приходом Кагановича в НКПС, в январе 1935 года, Андреев подписал приказ о повышении зарплаты машинистам на 28 процентов). В заслугу Кагановичу ставится введение надбавки за выслугу лет.

Каганович довольно часто принимал отличившихся работников, лично вручал им значки «Почетный железнодорожник», денежные премии, именные часы и другие награды, фотографировался с передовиками. Он придавал большое значение ритуальной стороне дела.

Уже летом 1935 года 56 работников железных дорог были награждены различными орденами СССР.

25—29 июля в НКПС состоялось второе за четыре месяца совещание работников железнодорожного транс-

* См.: Гудок. 1935. 2 апр.

порта. Каганович мог сообщить, что за короткое время его руководства среднесуточная погрузка увеличилась с 56,1 тыс. вагонов до 72,9 тыс., оборот вагона сократился с 8,65 суток до 6,71 суток, снизилось число аварий *. Громадный долг по погрузке был ликвидирован.

По окончании совещания, вечером 30 июля четыреста его участников были приняты Сталиным в Большом Кремлевском дворце. К этому вечеру наркомпути приготовил любимое блюдо Сталина с новой, «железнодорожной» начинкой. Назвав его «первым машинистом Советского Союза», Каганович продолжил так: *«Машинист революции внимательно следил за тем, чтобы в пути не было перекосов вправо и влево. Он выбрасывал гнилые шпалы и негодные рельсы — «правых» и «левых» оппортунистов и троцкистов... Большая беда железнодорожников — разрывы поездов. Они бывают от неумелого управления... Наш великий машинист — Сталин — умеет вести поезд без толчков и разрывов, без выжимания вагонов, спокойно, уверенно проводя его на кривых, на поворотах.*

Машинист социалистического строительства — Сталин — твердо изучил и отлично знает, не в пример многим нашим машинистам, тяговые расчеты своего непобедимого локомотива... При этом форсировка котла, техническая и участковая скорость локомотива революции куда выше нашей железнодорожной. (Оживление в зале.)... А если кто-нибудь спускал революционный пар, то товарищ Сталин нагонял ему такого «пара», что другому неповадно было. (Веселое оживление в зале, аплодисменты.)».

В ответ Сталин предложил тост «за всех вас и за вашего наркома» **.

Словосочетание «великий машинист социалистического локомотива» еще не один год кочевало из газеты в га-

* См.: Гудок. 1935. 15 авг.
** Гудок. 1935. 2 авг.

зету. В память об этих «исторических» речах 30 июля было объявлено Всесоюзным днем железнодорожного транспорта.

Одновременно с восхвалением «великого машиниста» Сталина шло, естественно, и восхваление «великого сталинского наркома» Л. М. Кагановича. К сожалению, в кампанию по восхвалению включился и такой выдающийся писатель, как Андрей Платонов. Оказавшийся в немилости и нищете и получивший отказы от журналов и издательств, Платонов опубликовал в конце 1936 года рассказ «Бессмертие». Центральный эпизод этого рассказа — неожиданный звонок Кагановича под утро начальнику дальней станции Красный Перегон Левину.

«Вы почему так скоро подошли к аппарату? Когда вы успели одеться? Вы что — не спали?.. [*А Левин еще и не ложился.*] *Люди ложатся спать вечером, а не утром... Слушайте, Эммануил Семенович, если вы искалечите себя в Перегоне, я взыщу, как за порчу тысячи паровозов. Я проверю, когда вы спите, но не делайте из меня вашу няньку...*

— В Москве сейчас тоже, наверное, ночь, Лазарь Моисеевич,— тихо произнес Левин...

Каганович понял и засмеялся... Нарком спросил, чем ему надо помочь...

— Вы уже помогли мне, Лазарь Моисеевич...»

На следующий день Левин вернулся домой в полночь. «Он лег в постель, стараясь скорее крепко уснуть — не для наслаждения покоем, а для завтрашнего дня». Но через час его разбудил телефон. Помощник доложил, что только что звонили из Москвы и спрашивали, как здоровье Левина, начальника станции, и спит ли он или нет. Левин уже не уснул. Он «посидел немного на кровати, потом оделся и ушел на станцию. Ему пришло соображение относительно нормы увеличения нагрузки вагона...» *

* Цит. по: Литературный критик. 1936. № 8. С. 114—128.

Умение льстить легко уживалось в Кагановиче с хамством и грубостью по отношению к подчиненным и, в сущности, беззащитным перед ним людям. По словам того же И. Ю. Эйгеля, в 50-е годы бывший начальник Управления кадров НКПС с восторгом («вот это был руководитель!») вспоминал, как Каганович схватил его, в чем-то провинившегося, за грудки «так, что пуговицы отлетели», и сказал: «Уходи отсюда, а то убью».

В 1962 году на бюро МГК партии знавшая Кагановича по работе Тюфаева говорила ему: *«Вам ничего не стоило плюнуть в лицо своему подчиненному, швырнуть стул в него, когда вы вели заседание... Вас многие знали как руководителя-грубияна, который не уважал людей...»* *

Приход Кагановича в НКПС отмечен пароксизмом насилия и обвинений. Стартовала кампания борьбы против «предельщиков». Говорилось о них примерно так: «Среди многих работников транспорта имеют еще некоторое распространение вредные и безграмотные теорийки, что без полного технического перевооружения транспорта невозможно серьезно поднять погрузку, что дороги работают «на пределе» своей пропускной способности» **. Сам Каганович характеризовал «предельщиков» так: «частью грамотные, но антисоветские, частью малограмотные» ***. Это не мешало ему проводить в жизнь «вредные» и «безграмотные» рекомендации казненных и сосланных о необходимости технического перевооружения.

Сталинисты 80-х годов иногда говорят о «сталинской гласности», утверждая, будто для получения полного представления о репрессиях достаточно открыть газеты пятидесятилетней давности. Как образец резкой и срав-

* *Сланская М., Небогин О.* Приговор выносит время // Московская правда. 1989. 10 янв.
** Гудок. 1935. 1 апр.
*** Там же. 15 авг.

нительно откровенной публикации можно привести приказ Кагановича «Об антигосударственной линии и практике в работе Научно-исследовательского института эксплуатации и отдела восточных дорог эксплуатационного управления НКПС». В нем говорилось: «...*Вся линия и практическая деятельность института и отдела идут вразрез с решениями партии, правительства и НКПС о выполнении государственного плана погрузки, в особенности об ускорении оборота вагона... руководящие работники института и отдела восточных дорог... составили группу, задавшуюся целью обосновать невозможность ускорения оборота вагонов... лжеучеными фальшивыми и льстивыми рассуждениями о том, что наш транспорт по своим показателям работает якобы лучше американского, демобилизовывали и вводили в заблуждение даже некоторых руководящих работников НКПС...*» *

И при таких обвинениях в приказе сообщается лишь о понижении в должности пяти человек! Насколько это соответствовало истинному характеру и масштабу репрессий? Вновь обратимся к заседанию бюро МГК КПСС 23 мая 1962 года. Свидетельство Иванова: «*Мой отец был старый железнодорожник, жили мы рядом с наркоматом в доме комсостава железнодорожного транспорта. Это те люди, которые восстановили железнодорожный транспорт нашей страны. А как Каганович разделался с ними? Как он расправился со слушателями Высших курсов комсостава железнодорожного транспорта? Однажды я пришел домой, а мой отец держит коллективную фотографию старых партийцев и плачет. Ни одного не осталось в живых из тех людей, которые были на той фотографии*».

Обращаясь к Кагановичу, выступает Дыгай: «*Вот том фотокопий ваших писем в НКВД о необходимости арестовать сотни руководящих работников транспорта, и все*

* Гудок. 1935. 15 апр.

они написаны по вашей личной инициативе на основе ваших личных впечатлений и умозаключений. В этом томе указаны только работники транспорта, арестованные по вашим письмам...» *

Другая черта Кагановича-руководителя, не совсем точно именовавшаяся современниками «вниманием к мелочам», осталась при нем и на новой работе: он между делом указывал техническое решение, связанное с конструкцией тепловоза — так же, как диктовал решения архитектурные.

Каганович руководил железнодорожным транспортом дольше, чем его предшественники; ниже мы еще не раз обратимся к его работе на этом участке. Сама продолжительность пребывания Кагановича наркомом путей сообщения указывает на то, что Сталин был удовлетворен функционированием железных дорог. Другая точка зрения выражена в анекдоте, ходившем в иностранном дипкорпусе Москвы перед 22 июня 1941 года: «Как могут русские выиграть войну, спрашивается, если Гитлер и Муссолини сумели обеспечить движение поездов строго по расписанию, а Сталину и Кагановичу это никак не удается!» **

Деятель террора

Каганович был одной из ведущих фигур той страшной террористической чистки партии и всего общества, которая проходила волна за волной в СССР в 1936—1938 годах. Именно Каганович возглавил в Москве репрессии в наркоматах путей сообщения и тяжелой промышленности, в Метрострое, а также во всей системе железных до-

* *Сланская М., Небогин О.* Приговор выносит время // Московская правда. 1989. 10 янв.

** См.: *Горчаков О.* Накануне, или Трагедия Кассандры // Горизонт. 1988. № 7. С. 59.

рог и крупных промышленных предприятий. При расследовании, которое проводилось после XX съезда КПСС, были обнаружены десятки писем Кагановича в НКВД со списками множества работников, которых он требовал арестовать. В ряде случаев он лично просматривал и редактировал проекты приговоров, внося в них произвольные изменения. Каганович знал, что делал. Сталин настолько доверял ему в тот период, что поделился с ним планами «великой чистки» еще в 1935 году.

Аресты и казни происходили почти буднично, на фоне повседневных, не связанных с террором дел. Ломая и калеча судьбы людей, Каганович, например, в конце 1936 года выполнял довольно безобидную работу: просматривал по ходу монтажа кадры готовящегося документального фильма «Доклад тов. Сталина И. В. о проекте Конституции Союза ССР на Чрезвычайном VIII съезде Советов» *. В то же время прошумело довольно короткое, но громкое торжество в связи с пробегом нового паровоза «СО» по маршруту Москва — Владивосток — Москва. Идея пробега принадлежала Кагановичу. Печать подчеркивала, что это — «небывалый на транспорте рейс».

В январе 1937 года прошел процесс Пятакова — Радека. Поэт Виктор Гусев писал в те дни:

„..Родина!
Видишь,— как мерзок враг.
Неистовый враг заводов и пашен,
Как он пробирался с ножом в руках
К сердцам вождей,
а значит — и к нашим.
. . . .
Суд окончит свои заседанья.
Огни погасит судебный зал.
В конце их гнусного существованья
Волей народа
раздастся
залп.

* См.: *Бернштейн А.* Возвращение из небытия // Советская культура. 1989. 18 апр.

Двое из семнадцати подсудимых работали в НКПС под руководством Кагановича и, несомненно, попали за решетку не без его участия. На суде они высказывались не как разоблаченные преступники, но как провинившиеся работники. Так, заместитель Кагановича Я. А. Лившиц говорил: «Я был окружен доверием партии, я был окружен доверием соратника Сталина — Кагановича. Я это доверие растоптал...» * Другая жертва — И. А. Князев — работал начальником различных дорог и, как он сказал на процессе, «по существу техническим руководителем» эксплуатационного управления НКПС; его последнее слово было как бы наглядной иллюстрацией приказа Кагановича 1935 года о крушениях и авариях, начиная с заявления о том, что *«вся сила нашей подрывной, вредительской, диверсионной работы сосредоточивалась на крушениях», и кончая такими словами, более уместными в передовице «Гудка», нежели в устах «неистового врага»: «...несмотря на огромную созидательную и творческую работу, которую проделал Лазарь Моисеевич за полтора с небольшим года по работе на транспорте, в сознании ряда работников и большого числа специалистов не изжито понятие, что без крушений и аварий на транспорте работать нельзя, что крушения и аварии являются неизбежным следствием и спутником сложного производственного процесса на транспорте». Далее в словах обреченного сквозит абсурдное для преступника чувство вины перед начальством: «Поднявшись до больших постов, я пользовался исключительным доверием и партии, и правительства, и Л. М. Кагановича. Я искренне скажу, что эти полтора года, когда мне приходилось не раз встречаться с Лазарем Моисеевичем один на один, у нас было много разговоров, и всегда в этих разговорах я переживал чудовищную боль, когда Лазарь Моисеевич всегда мне говорил: «Я тебя знаю как ра-*

---

* Последнее слово подсудимого Лившица // Правда. 1937. 30 янв.

ботника-железнодорожника, знающего транспорт и с теоретической, и с практической стороны. Но почему я не чувствую у тебя того размаха, который я вправе от тебя потребовать?» Вероятно, выговоры Кагановича «облагорожены» в этом пересказе: но за этим следует крик души: «...надо было нечеловеческое усилие, чтобы пройти эти разговоры» *.

На февральско-мартовском Пленуме ЦК 1937 года Сталин выступил за развитие критики и самокритики, против парадности и культа «вождей». Культ самого Сталина, естественно, затронут не был, и психологическая дистанция между «гением» и «соратниками» увеличилась еще больше. Стало ощутимым некоторое отдаление Кагановича от вершины власти: «ближайшим» к хозяину его больше никто не именовал, даже в Наркомате путей сообщения культ Кагановича стал чуть потише. На похоронах Г. К. Орджоникидзе Сталин стоял у гроба вместе с Молотовым, Калининым, Ворошиловым. Даже в День железнодорожного транспорта восхваления Кагановича не превысили будничный уровень.

Впрочем, хоронить Железного наркома было рано.

Не случайно, что именно Каганович выезжал для руководства чисткой во многие районы страны: он возглавлял репрессии в Челябинской, Ярославской, Ивановской областях и в Донбассе. Так, например, не успел Каганович приехать в Иваново, как сразу дал телеграмму Сталину: «Первое ознакомление с материалами показывает, что необходимо немедленно арестовать секретаря обкома Епанчикова. Необходимо также арестовать заведующего отделом пропаганды обкома Михайлова».

Получив санкцию Сталина, Каганович организовал подлинный разгром Ивановского обкома партии. Выступая в начале августа 1937 года на пленуме уже весьма поредевшего обкома, он обвинил всю партийную органи-

* Последнее слово подсудимого Князева // Правда. 1937. 30 янв.

зацию в попустительстве врагам народа. Сам пленум проходил в атмосфере террора и запугивания. Стоило, например, секретарю Ивановского горкома А. А. Васильеву усомниться во вражеской деятельности арестованных работников обкома, как Каганович грубо оборвал его. Тут же на пленуме А. А. Васильев был исключен из партии, а затем и арестован как враг народа. Такая же судьба постигла и члена партии с 1905 года, председателя областного Совета профсоюзов И. Н. Семагина *.

Если остановиться на примере Ивановской области, обнаруживается, что под колеса террора благодаря Кагановичу попали и сами исполнители террористической кампании. Впрочем, это в 1937 году было общим правилом: для Сталина не существовало «своих», которые бы могли чувствовать себя в безопасности.

Ивановская газета «Рабочий край» задолго до приезда Кагановича пестрела заголовками: «Подозрительное поведение тов. Фрумкина», «Перерожденцы из облсовета Осоавиахима», «Двурушник Крутиков исключен из партии» и т. п. Какую роль во всем этом играл обком партии, видно из произошедшего в апреле случая, когда управляющий Шуйским хлопчатобумажным трестом Гусев, обвиненный в приеме на работу 12 троцкистов (то есть на его предприятии было арестовано 12 человек, что становилось поводом для ареста руководителя), был оправдан партийным собранием треста. Обком вмешался и восстановил несправедливость. К концу мая врагов «обнаружили» во всех райкомах города Иваново, в горкоме и облисполкоме. Первый секретарь обкома Носов на областной партконференции сделал вывод: «Было бы вредным думать... что все враги народа — троцкисты и правые контрреволюционеры уже разоблачены и обезвре-

* См.: Очерки истории Ивановской организации КПСС. Ярославль, 1967. Ч. 2. С. 296.

жены» *. Но после приезда Кагановича «врагом народа» оказался и сам Носов.

Это посещение Кагановичем Иваново прошло бесшумно — не было не только никаких торжеств, но и вообще ничего не сообщалось о приезде в город секретаря ЦК партии.

Так же грубо и жестоко, как в Иваново, действовал Каганович и в Донбассе, куда прибыл в 1937 году для проведения чистки. Он сразу же созвал совещание областного хозяйственного актива. Выступая с докладом о вредительстве, Каганович прямо с трибуны заявил, что и в этом зале среди присутствующих руководителей есть немало врагов народа и вредителей. В тот же вечер и ту же ночь органами НКВД было арестовано около 140 руководящих работников Донецкого бассейна, директоров заводов и шахт, главных инженеров и партийных руководителей. Списки для ареста были утверждены накануне лично Кагановичем.

Сталин активно помогал Кагановичу в разгроме партийной организации Украины. На пленуме Киевского обкома партии Каганович добился смещения бюро обкома во главе с П. П. Постышевым, с мстительной активностью сводя счеты со своими оппонентами 1927—1928 годов.

22 августа 1937 года Каганович был назначен наркомом тяжелой промышленности. Ровно за две недели до этого, после критической статьи в подведомственном ему «Гудке», был разгромлен партком Наркомтяжпрома. Таким образом Каганович внес свой вклад в чистку наркомата, еще не успев возглавить его. Начатая с приходом нового руководителя перестройка структуры управления тяжелой промышленностью вскоре была объявлена в Совнаркоме «примером для перестройки работы других хозяйственных наркоматов». Никогда не забывав-

* См.: Рабочий край (Иваново). 1937. 29 мая.

ший о наградах, Каганович учредил переходящие Кр ные знамена победителям социалистического соревнования в Наркомтяжпроме, «Похвальный лист» и значок «Отличник социалистического соревнования Тяжелой Промышленности».

23—25 ноября Каганович по совету Сталина провел в Свердловске совещание работников медной промышленности с целью «выяснить причины плохой работы». И хотя разговор был предметным и деловым, первая и главная причина отставания подотрасли была предопределена заранее: *«Мы проглядели вредительство в медной промышленности, а после того как факты подлого вредительства были вскрыты, мы не выполнили до конца указаний товарища* **Сталина** *по ликвидации последствий вредительства японо-германских, троцкистско-бухаринских шпионов»* *. В конце совещания Каганович премировал всех его участников именными часами.

В *1938* году Каганович приложил руку к аресту и расстрелу Николая Чаплина — генерального секретаря ЦК ВЛКСМ с 1924 по 1928 год: он отозвал Чаплина из командировки, и в ночь после приезда за ним пришли **.

Сталин поручал Кагановичу самые различные карательные акции. Так, например, он имел непосредственное отношение к разгрому театра Мейерхольда, а стало быть, и к судьбе великого режиссера. По некоторым свидетельствам, Сталин ненавидел Мейерхольда, но это была, так сказать, ненависть на расстоянии, ибо Сталин никогда не посещал ни одного его спектакля. Неприязнь Сталина была основана исключительно на доносах. Непосредственно перед закрытием театра одну из его постановок посетил Каганович, обладавший тогда громад-

* Ко всем рабочим, инженерам, техникам, ко всем работникам медной промышленности // Правда. 1937. 27 нояб.

** См.: *Новопокровский О.* Обвинение // Сельская молодежь. 1989. № 4. С. 3.

ной властью. От него зависело будущее театра и самого Мейерхольда. Спектакль не понравился Кагановичу. Верный соратник Сталина покинул театр, не досмотрев его и до половины. Мейерхольд, которому было уже за шестьдесят, бросился за Кагановичем на улицу, но тот сел со своей свитой в машину и уехал. Мейерхольд бежал за машиной, пока не упал.

Иногда приходится встречать утверждения, что в годы террора погибли два младших брата Кагановича. Это неверно. Юлий Моисеевич Каганович был в середине 30-х годов первым секретарем Горьковского обкома и горкома ВКБ(б). Вскоре он был освобожден и переведен в Москву на работу в Министерство (ранее наркомат) внешней торговли, где числился членом коллегии, а в 40-е годы был торговым представителем СССР в Монголии. В начале 50-х годов он умер после продолжительной болезни.

Младший из братьев был директором универмага в Киеве, затем заведующим горторготделом. Он никогда не поднимался в верхние эшелоны власти, но, по сведениям близких семье людей, не был и репрессирован. В 30-е годы пострадал лишь один из двоюродных братьев Лазаря Моисеевича. Что касается его старшего брата Михаила Кагановича, то он был назначен в 1939 году наркомом авиационной промышленности.

К тому времени вошло в обычай преподносить от имени целых народов послания Сталину, в которых не забывали упомянуть остальных «вождей». Например, в послании белорусского народа говорилось:

Звучало у нас Кагановича слово,
Он в Гомеле партию нашу растил,
Рабочие Витебска помнят Ежова,
Отдавшего много для партии сил.

Как видим, имя Кагановича продолжало звучать и прославляться.

С начала 1939 года Каганович стал наркомом топливной промышленности, а в октябре 1939 года возглавил Наркомат нефтяной промышленности. К тому же он был заместителем Председателя СНК — фактически вторым человеком в Совнаркоме после Молотова.

Впрочем, ни высокие посты Кагановича, ни восхваления его в печати ничуть не мешали Сталину «задвигать» его на задний план в случае надобности. Во время переговоров с Риббентропом в Москве лишь Каганович из всех членов Политбюро не попадает в списки присутствовавших на приемах. Очевидно, помешало неарийское происхождение.

В начале 1941 года дистанция между Кагановичем и Сталиным обозначилась еще четче, чем прежде. На прошедших в феврале XVIII Всесоюзной конференции ВКП(б) и VIII сессии Верховного Совета Каганович не только ни разу не выступил, но и не председательствовал ни на одном из заседаний. В президиуме он теперь сидел в заднем ряду, рядом со Сталиным не появлялся.

На исходе партконференции Сталин загадал своему «экс-ближайшему» соратнику одну из своих грозных загадок: конференция приняла необычную резолюцию «Об обновлении центральных органов ВКП(б)» из девяти пунктов. В ней сообщалось о довольно многочисленных перемещениях вверх и вниз по партийной линии, а также с мрачной торжественностью делались предупреждения нескольким «нерадивым» работникам, которые, впрочем, оставались на своих местах. То был, несомненно, театральный жест, рассчитанный на рядовых, плохо осведомленных зрителей: и до, и после конференции руководитель любого уровня отправлялся на тот свет или, наоборот, изымался из лагерного ада безо всяких резо-

люций и публикаций в печати, если почему-либо Хозяин решал не устраивать шума. Из девяти пунктов лишь один был посвящен персонально одному человеку и звучал так: «Предупредить т. Кагановича М. М., который, будучи наркомом авиационной промышленности, работал плохо, что если он не исправится и на новой работе, не выполнит поручений партии и правительства, то будет выведен из состава членов ЦК ВКП(б) и снят с руководящей работы» *. Вероятно, какая-то часть читателей газет и радиослушателей не поняла, о каком именно Кагановиче идет речь, и перепутала знаменитого Лазаря Кагановича с его братом Михаилом. Не исключено, что именно на такой эффект и рассчитывал автор резолюции. В таком случае это мог быть первый шаг — пока еще двусмысленный и осторожный — к будущей кампании дискредитации Кагановича.

На протяжении предвоенных месяцев подведомственная Кагановичу печать все реже именовала его «сталинским наркомом», чаще просто — «наркомом» и даже еще проще — «тов. Л. М. Кагановичем». Передовицы почти не цитировали его, в письмах трудящихся он почти не упоминался. В апреле 1941 года прошло совещание производственно-хозяйственного актива НКПС. Ни доклад Кагановича, ни изложение доклада, ни хотя бы портрет не были опубликованы, зато все остальные выступления (с портретами выступавших) публиковались в «Гудке» в течение двух недель.

Едва ли когда-нибудь будет точно установлено, что все это значило и как сложилась бы судьба Кагановича, если бы все планы всех людей в стране не смешались в самую короткую ночь того лета...

---

* Резолюции XVIII Всесоюзной конференции ВКП(б). 15—20 февраля 1941 г. М., 1941. С. 22.

В годы войны

Автор изданной в США книги о Кагановиче «Кремлевский волк» Стюарт Кэхан утверждает, что в ночь на 22 июня начальник Генштаба Г. К. Жуков, получив сообщения о начавшихся бомбежках и артобстрелах и не дозвонившись до Сталина, стал просить разрешения открыть огонь у Кагановича.

«Он попросил позволения немедленно начать боевые действия. Молчание.

— Вы меня поняли? — повторил Жуков.

Опять молчание.

— Вы понимаете, что происходит?

Лазарь был потрясен. Он старался придумать вопрос, любой вопрос.

— Где комиссар обороны?

— Разговаривает с Киевским округом.

— Приезжайте в Кремль немедленно. Я посоветуюсь со Сталиным» *.

Это образец преднамеренного, ничем не обоснованного раздувания роли Кагановича. Между тем в ночь с 21 на 22 июня 1941 года Каганович как член Политбюро не мог не участвовать в потрясающих, хотя на первый взгляд и «тихих» событиях **. К тому моменту близость вражеского нападения ощущали уже все сколько-нибудь осведомленные люди ***. Тем не менее члены Политбюро, наравне с менее высокопоставленными работниками, могли лишь догадываться о причинах бездействия Сталина.

---

* *Kahan S.* The Wolf of the Kremlin. N. Y., 1987. P. 201—202.

** Обстоятельства ночи с 21 на 22 июня см.: *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления. М., 1985. Т. 2. С. 7—9.

*** См., например: *Некрич А. М.* 1941. 22 июня. М., 1965. С. 111—126; *Богомолов С.* В Европе летом 1941 года //Международная жизнь. 1989. № 2. С. 127—139.

Многие мемуаристы называют июнь 1941 года поворотной точкой в своем отношении к Сталину. Изменилось ли отношение Кагановича к нему или нет — в любом случае его не могли воодушевить эти съезды-разъезды в Кремль и из Кремля в ту страшную ночь.

Война все изменила. Политические кампании и ритуалы ушли для Кагановича в прошлое. На перегруженного работой наркома путей сообщения обрушилась лавина дел. 24 июня под председательством Кагановича создан Совет по эвакуации. В тот день у невоенной части руководства, по-видимому, еще теплилась слабая надежда на то, что отступление не будет очень уж большим и долгим. Однако, как вспоминал первый заместитель Кагановича в Совете по эвакуации А. И. Микоян, *«через два дня стало ясно, что эвакуация принимает огромные масштабы. Невозможно было эвакуировать все подряд. Не хватало ни времени, ни транспорта. Приходилось буквально с ходу выбирать, что в интересах государства эвакуировать в первую очередь. Надо было также оперативно решать, в какие районы страны эвакуировать те или иные заводы и предприятия...»* *.

А железные дороги задыхались. Требовалось обеспечить прохождение потока войск на фронт, потока эвакуируемых материальных ценностей и людей — с фронта на восток, а также «обычных» грузопотоков, ибо экономика должна была функционировать. Еще больше осложняло положение господство противника в воздухе. Железные дороги были одной из главных целей для немецкой авиации. В дневнике начальника немецкого Генштаба неоднократно упоминаются образовывавшиеся в те дни в тылу Красной Армии огромные скопления вагонов на станциях **.

---

* *Микоян А. И.* В Совете по эвакуации // Военно-исторический журнал. 1989. № 3. С. 31.

** См.: *Гальдер Ф.* Военный дневник. М., 1971. Т. 3. Кн. 1. С. 25—57.

Яркий эпизод, характеризующий как работу железных дорог, так и стиль руководства Кагановича, описан в мемуарах работавшего в ВОСО (военные сообщения) генерала З. И. Кондратьева. 30 июня он был направлен в Смоленск, чтобы организовать вывоз военного имущества со складов. Заметим, что в тексте мемуаров, изданных в 1968 году, автор не имеет возможности назвать Кагановича по имени и обозначает его лишь словом «нарком».

«Тихая, нетронутая войной улица, огромное каменное здание. У входа вывеска: «Управление западной железной дороги». Зашел в кабинет начальника. За резным дубовым столом — молодой чернобровый Виктор Антонович Гарнык, мой давнишний знакомый. Увидев меня, он обрадовался. Я рассказал о цели своего приезда. Виктор Антонович... распорядился приступить к погрузке и отправке в тыл боеприпасов и всего, что у них есть из военного имущества.

Управление дороги работало в полном составе.

«Что за беспечность? — удивился я.— Город эвакуируется, бои идут под Оршей и Витебском, магистраль непрерывно укорачивается...»

— Почему медлите с отправкой людей? — спросил у Гарныка.— Оставьте себе небольшую оперативную группу, а остальные пусть едут в тыл. Там станции забиты, нужны специалисты.

— Нет распоряжения наркома,— ответил Виктор Антонович.— А напрашиваться не хочу, скажет: трус, испугался, убегаешь с боевого поста...

Неожиданно здание качнулось, задрожали оконные стекла, и только после этого послышался взрыв. Над крышей прогудел немецкий бомбардировщик. Зениток здесь нет. Фашисты летают безнаказанно и бомбят на выбор. Настаиваю, чтобы Гарнык немедленно доложил в Москву о сложившейся обстановке. В случае чего я помогу убедить наркома в необходимости немедленной эва-

куации управления. После долгих колебаний Гарнык снимает телефонную трубку. Короткий разговор... Разрешение на эвакуацию получено» *.

Оба собеседника уверены в целесообразности эвакуации людей. Но Гарнык сильнее боится Кагановича, чем немецкого бомбардировщика. Ведь даже после близкого разрыва бомбы его колебания были «долгими»! Однако здесь же ощущается, насколько необходимо жесткое руководство в условиях войны.

К 5 июля положение на железных дорогах Москвы было таково:

«Станционные пути, ветки, тупики столичного узла оказались забитыми вливавшимися со всех направлений поездами. Выхода на запад почти не было. Железнодорожные магистрали, идущие к фронту, представляли собой обрубки. Москва превратилась в головную базу снабжения войск и перевалки военных грузов с железной дороги на автомобильный транспорт» **.

«Уже в июле 1941 года,— вспоминает А. И. Микоян,— стало ясно, что Л. М. Каганович, будучи перегружен делами на транспорте, не может обеспечить надлежащую работу Совета по эвакуации...» ***

16 июля председателем Совета по эвакуации вместо Кагановича был назначен Шверник. Все исследователи, как отечественные, так и зарубежные, называют массовую эвакуацию советской промышленности одним из выдающихся технических достижений второй мировой войны. Значительная доля заслуг в этом принадлежит Кагановичу как наркому путей сообщения.

22 июля Москва — не только столица, но и крупнейший железнодорожный узел страны — подверглась первой массированной бомбардировке.

---

* *Кондратьев З. И.* Дороги войны. М., 1968. С. 13, 14.

** Там же. С. 15.

*** *Микоян А. И.* В Совете по эвакуации // Военно-исторический журнал. 1989. № 3. С. 32.

В конце сентября немецко-фашистские захватчики начали операцию «Тайфун» с целью окружения Москвы. На первом этапе крупные силы Резервного, Брянского и Западного фронтов попали в окружение. Все теперь зависело от того, насколько быстро железные дороги смогут перебросить под Москву новые войска с других участков фронта и из глубины страны. Именно в эти дни, например, была быстро перевезена из Сталинграда в Мценск танковая бригада Катукова, сыгравшая ключевую роль в задержке продвижения танков армии Гудериана от Орла на Тулу.

Утром 15 октября на заседании ГКО и Политбюро принято решение о немедленной, в течение суток, эвакуации Советского правительства, наркоматов, иностранных посольств. Сталин предлагал Политбюро выехать из Москвы в тот же день, а сам намеревался уехать утром 16-го. Но по предложению Микояна было решено, что Политбюро выедет только вместе со Сталиным. Микоян вспоминает:

«Запомнился разговор с Л. М. Кагановичем. Когда мы вместе спускались в лифте, он сказал фразу, которая меня просто огорошила:

— Слушай, когда будете ночью уезжать, то, пожалуйста, скажите мне, чтобы я не застрял здесь.

Я ответил:

— О чем ты говоришь? Я же сказал, что ночью не уеду. Мы поедем со Сталиным завтра, а ты уедешь со своим наркоматом» *.

15 октября начальник одного из отделов метрополитена С. Е. Теплов вместе с начальником метрополитена был вызван в НКПС.

«В наркомате мы увидели нечто невероятное: двери раскрыты, суетятся люди, выносят кипы бумаг, одним

* *Микоян А. И.* В Совете по эвакуации // Военно-исторический журнал. 1989. № 3. С. 34.

словом, паника. Нас принял нарком Л. М. Каганович. Он был, как никогда, возбужден, отдавал направо и налево приказания.

И вот от человека, чье имя носил тогда Московский метрополитен... услышали:

— Метрополитен закрыть. Подготовить за три часа предложения по его уничтожению, разрушить объекты любым способом.

Приказывалось поезда с людьми эвакуировать в Андижан. Что нельзя эвакуировать — сломать, уничтожить... Нарком сказал, что Москву могут захватить внезапно...» *

И вновь обратимся к свидетельству А. И. Микояна, относящемуся все к тому же дню 15 октября 1941 года: *«В Совете по эвакуации мы все время проверяли ход выполнения решения. Каганович, который составил план отъезда наркоматов, звонил чуть ли не каждый час, докладывая, как идет процесс эвакуации. Все было организовано очень быстро и все шло нормально»* **.

Вместе с другими наркомами Каганович отбыл в Куйбышев. Вернуться в прифронтовую столицу ему было суждено лишь в следующем, 1942 году.

Железные дороги справились с невероятно трудными задачами военных лет, и в этом была, несомненно, заслуга Кагановича. 5 ноября 1943 года ему было присвоено звание Героя Социалистического Труда.

В 1942 году Каганович был также членом Военного совета Северо-Кавказского фронта. Правда, он продолжал в основном работать в Москве и на фронте бывал «наездами». Когда в 1942 году немецкие войска прорвались на юге и стали быстро наступать в направлении Кавказа и Волги, Каганович вылетел туда с особой мис-

---

* *Колодный Л.* Испытание // Московская правда. 1987. 16 окт.
** *Микоян А. И.* В Совете по эвакуации // Военно-исторический журнал. 1989. № 3. С. 34.

сией: ему предстояло наладить работу военной прокуратуры и военных трибуналов. В эти месяцы немало командиров и комиссаров Красной Армии поплатились жизнью за неудачи и просчеты, ответственность за которые несло в первую очередь высшее командование.

Уже в 1944 году Каганович постепенно переключается на более мирную хозяйственную работу. В декабре он становится заместителем Председателя Совнаркома СССР и заместителем председателя Транспортного комитета, в 1946 году — министром промышленности строительных материалов; это была одна из наиболее отстающих отраслей.

Каганович в опале

Влияние Кагановича продолжало меняться в течение войны. Он выполнял важные задания, но общее руководство военной экономикой по линии Совета Министров и ГКО осуществлял в первую очередь Вознесенский, а по партийной линии — Маленков. Вознесенский в 1946 году нередко руководил заседаниями Совета Министров СССР.

В 1947 году Каганович был направлен Сталиным на Украину в качестве первого секретаря КП(б)У. Республика не выполнила в 1946 году плана хлебозаготовок из-за тяжелой засухи, и Сталин был недоволен Хрущевым, который вот уже девятый год стоял во главе ЦК КП(б)У. Переезд в Киев был, однако, для Кагановича явным понижением, и он работал здесь без прежней энергии. К тому же Хрущева не освободили от работы в республике, он остался на посту Председателя Совета Министров УССР. Если в 30-е годы в Москве Хрущев склонен был говорить: «Да, Лазарь Моисеевич», «Слушаю, Лазарь Моисеевич»,— то теперь на Украине между ними часто возникали конфликты. Каганович не слишком много вре-

мени уделял сельскому хозяйству, но стал раздувать привычное кадило борьбы с «национализмом», переставлять кадры, удаляя нередко хороших и ценных работников. Гораздо больше, чем Каганович, Украине помогли обильные весенние дожди, обеспечившие республике в 1947 году высокий урожай. Не имея на этот раз чрезвычайных полномочий, Каганович часто посылал записки Сталину, не показывая их перед этим Хрущеву. Но Сталин потребовал, чтобы и Хрущев подписывал все эти записки, что было явным выражением недоверия к Кагановичу. Вскоре стало ясно, что от пребывания Кагановича на Украине нет никакой пользы. Хрущев имел здесь гораздо большее влияние, тогда как у Кагановича была не слишком добрая слава еще с середины 20-х годов. В конце 1947 года он вернулся в Москву, возобновив свою работу в Совете Министров СССР.

Но и в Москве положение Кагановича становилось все более трудным. Набирала силу пресловутая кампания против «безродных космополитов». От евреев очищали партийный и государственный аппарат, их не принимали на дипломатическую службу, в органы безопасности, сократился прием евреев в институты, готовящие кадры для военной промышленности и наиболее важных отраслей науки.

Евреев перестали принимать в военные училища и академии, в партийные школы. Среди еврейской интеллигенции прошли массовые аресты.

Хотя Каганович и не был инициатором этих арестов, он не протестовал против них и никого не защищал. Бывший коминтерновец И. Бергер писал в своей книге: *«Один из моих собратьев по лагерю был близким родственником Л. М. Кагановича. В 1949 году его арестовали. Тогда его жена стала добиваться приема у Кагановича. Каганович принял ее только через 9 месяцев. Но прежде чем она начала говорить, Каганович сказал: «Неужели вы думаете, что, если я мог что-то сделать, я бы ждал*

9 месяцев? Вы должны понять — есть только одно Солнце, а остальные только мелкие звезды» *.

Сам Лазарь Каганович в это время нередко вел себя как антисемит, раздражаясь присутствием в своем аппарате или среди «обслуги» евреев. Удивляла его мелочность. Так, например, на государственных дачах для членов Политбюро часто устраивались просмотры иностранных кинолент. Текст переводился кем-либо из вызванных переводчиков. Однажды на даче Кагановича переводчица оказалась еврейкой, прекрасно знавшей итальянский язык, но переводившей его на русский с незначительным еврейским акцентом. Каганович распорядился никогда больше не приглашать ее к нему.

Жертвой шпиономании стал и старший брат Кагановича Михаил Моисеевич, который был снят с поста наркома авиационной промышленности и выведен из состава членов ЦК ВКП(б). В первые годы после войны он был обвинен во вредительстве в области авиационной промышленности и даже в тайном сотрудничестве с гитлеровцами. Эти вздорные обвинения рассматривались на Политбюро. Докладывал Берия. Каганович не защищал своего брата. Сталин лицемерно похвалил Лазаря за принципиальность, но столь же лицемерно предложил не торопиться с арестом Михаила Моисеевича, а создать комиссию для проверки выдвинутых против него обвинений. Во главе ее поставили Микояна. Через несколько дней Михаила Кагановича пригласили в кабинет Микояна. Приехал и Берия вместе с человеком, который дал показания против бывшего министра. Тот повторил свои обвинения. «Этот человек ненормальный»,— сказал Михаил. Но он понял, что означает весь этот спектакль. В кармане у него был пистолет. «Есть в твоем кабинете туалет? — спросил он Микояна. Анастас Иванович показал нужную дверь. Михаил вошел в туалет, и через не-

* *Бергер И.* Крушение поколения. Флоренция, 1973. С. 288.

сколько мгновений там раздался выстрел. Его похоронили без почестей.

Сталин все реже и реже встречался с Кагановичем, он уже не приглашал его на свои вечерние трапезы. После XIX съезда КПСС Каганович был избран в состав расширенного Президиума ЦК и даже в Бюро ЦК, но не вошел в отобранную лично Сталиным «пятерку» наиболее доверенных руководителей партии.

После ареста группы кремлевских врачей, в большинстве евреев, которые были объявлены вредителями и шпионами, в СССР началась новая широкая антисемитская кампания. В некоторых западных книгах и, в частности, в книге А. Авторханова «Загадка смерти Сталина», полной вымыслов и противоречий, можно найти версию о том, что Каганович якобы бурно протестовал против преследования евреев в СССР, что именно он предъявил Сталину ультиматум с требованием пересмотреть «дело врачей». Более того, Каганович якобы «изорвал на мелкие клочки свой членский билет Президиума ЦК КПСС и швырнул Сталину в лицо. Не успел Сталин вызвать охрану Кремля, как его поразил удар: он упал без сознания» *.

Авторханов ссылается на какие-то слова Ильи Эренбурга. Я часто встречался с Эренбургом в 1964—1966 годах, мы не раз говорили о Сталине, но ничего подобного Илья Григорьевич никогда не рассказывал, да он и не мог знать подробностей смерти Сталина. Все это чистый вымысел. Каганович был не в состоянии восстать против Сталина. Он в начале 1953 года молчал и со страхом ждал развития событий. Как и многих других, и отнюдь не только евреев, Кагановича спасла смерть Сталина.

---

* *Авторханов А.* Загадка смерти Сталина. Франкфурт-на-Майне, 1976. С. 226—227.

В антипартийной группе

После смерти Сталина влияние Кагановича на короткое время вновь возросло. Как один из первых заместителей Председателя Совета Министров СССР он контролировал несколько важных министерств. Каганович поддержал предложение Хрущева и Маленкова арестовать и устранить Берию. Еще раньше он активно поддержал все меры по пересмотру «дела врачей» и прекращению антисемитской кампании в стране. Был реабилитирован и его старший брат М. М. Каганович.

И тем не менее начавшиеся в 1953—1954 годах первые реабилитации ставили Кагановича во все более трудное положение. Не все жертвы террора 1937—1938 годов были расстреляны или погибли в лагерях. В Москву стали возвращаться люди, которые знали о той ведущей роли, которую играл Каганович при проведении незаконных массовых репрессий. Так, например, в 1954 году был полностью реабилитирован А. В. Снегов, которого Каганович хорошо знал еще по партийной работе на Украине в середине 20-х годов. Снегов был назначен, по предложению Хрущева, на работу в политотдел и коллегию МВД СССР. В перерыве торжественного заседания в Большом театре по случаю 39-й годовщины Октябрьской революции Каганович увидел Снегова, идущего под руку с Г. И. Петровским, когда-то возглавлявшим ЦИК Украины, а ныне работавшим завхозом Музея Революции. Каганович поспешил к ним с приветствиями. Но Снегов не ответил на них. «Я не буду пожимать руку, запятнанную кровью лучших людей партии»,— громко, чтобы слышали все вокруг, сказал Снегов. Каганович помрачнел и вместе с дочерью быстро отошел в сторону. Но он уже не имел прежних возможностей карать и преследовать своих врагов.

Каганович решительно протестовал против намерения Хрущева доложить делегатам XX съезда КПСС

о преступлениях Сталина. Когда было предложено дать слово на съезде нескольким вернувшимся из лагерей старым большевикам, Каганович воскликнул: «И эти бывшие каторжники будут нас судить?» В своей речи на съезде партии Каганович должен был все-таки мимоходом сказать несколько слов о вредности культа личности. Хрущев, однако, преодолел сопротивление и прочел в конце съезда свой знаменитый доклад.

В прошлом Каганович был в очень плохих отношениях с Молотовым и Маленковым. Теперь они стали сближаться на почве общей вражды к Хрущеву и его политике. Они тщательно фиксировали все ошибки Хрущева в руководстве промышленностью и сельским хозяйством. Но главное, что им не нравилось,— это проведение «десталинизации» и освобождение и реабилитация миллионов политических заключенных. Выступление антихрущевской группы закончилось полным поражением. Молотов, Каганович, Маленков и «примкнувший к ним Шепилов» были выведены из состава Политбюро и ЦК КПСС. Они сами и их выступление обсуждались и осуждались на всех партийных собраниях. Это была советская «банда четырех».

После июньского Пленума 1957 года Кагановича охватил страх. Он опасался ареста и боялся, что его постигнет судьба Берии. В конце концов, на его совести было ненамного меньше преступлений, чем на совести Лаврентия. Каганович даже позвонил Хрущеву и униженно просил его не поступать с ним слишком жестоко. Он ссылался на прежнюю дружбу с Хрущевым. Ведь именно Каганович способствовал быстрому выдвижению Хрущева в Московской партийной организации. Хрущев ответил, что никаких репрессий не будет, если члены антипартийной группы прекратят борьбу против линии партии и станут добросовестно работать на тех постах, которые им поручит теперь партия. И действительно, Ка-

гановича вскоре направили в Свердловскую область управляющим трестом Союзасбест.

Когда в 1933 году в нашей стране проходила чистка партии, перед комиссией должны были отчитаться и все ответственные партийные работники. Хрущев проходил чистку в партийной организации завода имени Осоавиахима. Его спросили, в частности, как он в своей работе применяет социалистическое соревнование. Хрущев ответил: «С кем же мне соревноваться? Только с Лазарем Моисеевичем, но разве я могу с ним тягаться...» В 30-е годы Хрущев, конечно, не мог «тягаться» с Кагановичем, но в 40-е нередко вступал в споры и конфликты с ним. А во второй половине 50-х годов именно Хрущев нанес политическое поражение группе членов Политбюро, в которую входил и Каганович.

Моральный выбор Лазаря Кагановича

«Такое было время» — повторяют сейчас многие в оправдание своих (реже — чужих) некрасивых поступков. При этом добавляют или подразумевают, что «просто не было выбора», а значит, и осуждать никого нельзя.

Существует и другая «простая, как кривда» точка зрения: дескать, все они одним миром мазаны, все они по уши в крови — и точка. При этом, говоря «все», как правило, имеют в виду руководство страны, порой — членов партии, а иногда даже — целые поколения советских людей поголовно.

В 1957 году завершилась политическая карьера Кагановича. Окидывая взглядом весь путь этого человека в целом, обнаруживаем множество случаев добровольного нравственного (точнее — безнравственного) ВЫБОРА.

Первый пример. Ноябрь 1925 года. В траурные дни похорон М. В. Фрунзе Каганович заявляет: «Мы не поз-

волим ни врагам, ни друзьям сбить нас с избранного пути» *. Эта мелькнувшая и едва ли кем-либо замеченная фраза очень красноречива. Удивительная равноудаленность от друзей и врагов! Но еще красноречивей тот факт, что остальные три десятка речей и выступлений, опубликованных в «Правде» и «Известиях» в те дни, не содержат ни единого намека на внутрипартийные разногласия и борьбу. Да, до конфликта на XIV съезде партии остается чуть больше месяца. Но над гробом все соблюдают приличия. Троцкий, Зиновьев, Каменев, Сталин, Ворошилов, Калинин, Рыков — все выказывают скорбь и призывают «сплотить ряды». Один Каганович считает обязательным сделать воинственный жест. Может, этим он и понравился Хозяину?

Пример второй. В январе 1933 года на объединенном Пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) Каганович в обличительном тоне говорил о том, что в 40 процентах дел, проходящих по знаменитому указу «о десяти колосках», судебные работники на местах определяют наказание нарушителям НИЖЕ НИЖНЕГО ПРЕДЕЛА, то есть меньше десяти лет **. Вдумаемся: это те самые судьи, чьими руками только что производилась коллективизация. Это они приговаривали к расстрелу, к ссылке с детьми на Крайний Север... И все-таки у них в душах есть еще граница, которую трудно, а кому-то из них и невозможно перейти. Они были несправедливы и жестоки, но все же в их глазах это была, хоть и жестокая, но — НЕОБХОДИМОСТЬ. Указ же «семь восемь» оказался, даже в их глазах, БЕССМЫСЛЕННОЙ жестокостью — и машина репрессий забуксовала.

Подчеркнем: эти 40 процентов судей НАРУШАЛИ нижнюю границу наказания. А сколько еще ПРИЖИМА-

---

* Известия. 1925. 3 нояб.

** См.: *Бордюгов Г., Козлов В.* Время трудных вопросов // Правда. 1988. 3 окт.

ЛИСЬ к этой нижней границе в своих приговорах? Да, давали десять лет за несколько колосков, но не расстреливали, хотя и могли бы? Можно не симпатизировать этим недостаточно жестоким исполнителям террора (все-таки они — исполнители террора), но давайте отличать их от Кагановича, который выводил их на чистую воду, обвинял, что мало расстреливают, призывал исполнять не законы, а постановления партии и правительства, приучал к палачеству и прививал вкус к нему.

Нередко Каганович заявлял или делал нечто такое, что на первый взгляд не вписывалось в его образ убежденного сторонника и проводника террористических методов руководства. Так, в 1935 году Хрущев, видимо, не во всем кривил душой, хотя и преувеличивал человеколюбие Кагановича, говоря: «Он боролся за каждого председателя РИКа, за каждого секретаря РК. Были случаи, что на том или другом участке стоит слабый человек, действительно слабый, и предлагают его заменить, а Лазарь Моисеевич говорил нам, что он слабый, но дело освоил, колхозы узнал, изучил район, поменяем — может быть, сильнее возьмем, а может быть, такого же, а пока он район узнает — шишку набьет.

— Слабый — это значит надо больше помогать, больше руководить, больше внимания уделять,— говорил тов. Каганович» *.

При всех явных натяжках этой похвальной речи доля истины в ней была. Каганович, когда было нужно, претворял в жизнь индивидуальный подход, хотя человек оставался для него не целью, но средством, о чем свидетельствует и его выступление на IX съезде комсомола: «Надо не только считать 1000, 2000, 3000, 500 000, миллионами, а изучать каждого: Ивана, Сидора, Петра и т. д. Каждый имеет свою особенность. Уметь нужно тысячами ворочать, но надо и уметь выявлять талант каж-

* Рабочая Москва. 1935. 17 июля.

дого в отдельности... Когда ты видишь не просто лицо, когда ты будешь считать не по головам, а когда будешь читать, что в этой голове находится, тогда увидишь, что ты гораздо богаче» *. Подчеркивая значение индивидуальности, Каганович отнюдь не высказывает какого-либо уважения к личности и достоинству «Ивана, Сидора, Петра»; он рекомендует индивидуальный подход как средство стать «гораздо богаче» самому.

Время действительно было *такое;* оно породило поговорку: «Порядочный человек тот, кто делает подлость неохотно». Но люди, как и во все другие времена, оставались разными, по-разному отвечая на вопрос «что такое хорошо и что такое плохо».

И в окружении Сталина, несмотря ни на что, люди были неодинаковы в моральном отношении. У Хрущева, по его собственному признанию, тоже «руки по локоть в крови», но он пошел на риск разоблачения Сталина; Микоян тоже участвовал в терроре, но поддержал Хрущева в 50-е годы; маршал Жуков публично возносил хвалу Сталину на Параде Победы, но умел отстаивать перед Гениальным Стратегом свое мнение; безропотный Калинин в 20-е годы возражал против «закручивания гаек» в деревне; многие, подобно Фадееву, не выдержали тяжести грехов и заблуждений и покончили с собой.

Каганович не принадлежал к числу тех, кто пытался хоть как-то уменьшить свое участие во лжи и терроре или, считая себя бессильным что-либо изменить, испытывал муки совести. Наоборот, Каганович активно боролся с «ленью» таких невольных и полуневольных соучастников преступлений. Еще при жизни Кирова он громко заявил, что в Ленинграде на собраниях и митингах присутствующие *не* встают при упоминании имени Сталина, тогда как в Москве это давно стало правилом.

И тут Лазарь Моисеевич был отчасти прав: человека

* Рабочая Москва. 1935. 15 июля

характеризует не только то, что он делает, но и то, чего он *не* делает.

Когда Кагановича исключали из партии, он не стал переосмысливать свой жизненный путь. Ему предоставили слово, и он заговорил с обидой и возмущением: «*Судя по тем обвинениям, которые мне предъявляют, я уже труп, нечего мне делать на земле, когда подо мной земля горит, как можно продолжать жить. Надо умирать. Но я этого не сделаю...*

Я буду жить и жить для того, чтобы доказать, что я коммунист. Когда здесь говорят, что я нечестный человек, совершил преступление... да как вам не стыдно... Вы должны подумать и сказать: вот, Каганович, записываем решение, тебя следовало бы из партии исключить, но мы тебя оставляем, посмотрим, как ты будешь работать, опыт у тебя есть, этого отрицать нельзя, этого отнять у меня никто не может...» *

Каганович не пустил себе пулю в лоб. Никогда не высказал раскаянья. Не поддержал хрущевские разоблачения в 50-е годы. Не возражал Сталину. Не просил облегчить чью-то участь, оставить в живых приговоренного к смерти. Каганович — не жертва обстоятельств, не жертва «такого времени». Он сам, сознательно и неуклонно, творил «такое» время, и поэтому стоит в одном ряду с Ежовым, Берией, Вышинским, Ворошиловым...

Беспартийный пенсионер

Каганович проработал в Асбесте до 1959 года. Этот человек, который прежде отличался крайне жестоким и грубым отношением к подчиненным, был на своем последнем руководящем посту весьма либеральным началь-

* Цит. по: *Сланская М., Небогин О.* Приговор выносит время // Московская правда. 1989. 10 янв.

ником. В 1957—1958 годах Каганович приезжал в Москву на сессии Верховного Совета, однако на очередных выборах в Верховный Совет его кандидатура уже не выдвигалась. В ноябре 1957 года в связи с 40-летней годовщиной Октября Каганович даже дал интервью одной иностранной корреспондентке.

Известно, что на XXII съезде КПСС в октябре 1961 года Хрущев опять поднял вопрос об антипартийной группе Молотова, Кагановича и Маленкова и о преступлениях этих людей в эпоху Сталина. При этом многие делегаты съезда говорили в первую очередь о преступлениях Кагановича, приводили документы и факты, свидетельствующие о его активном участии в незаконных репрессиях. Делегаты съезда требовали исключения Кагановича из партии. На заседании бюро МГК КПСС 23 мая 1962 года Каганович был исключен из партии.

После Асбеста никакого нового назначения Каганович не получил. Ему было 67 лет, и он вернулся в Москву, чтобы начать здесь жизнь простого пенсионера.

Кагановичу была назначена обычная гражданская пенсия в сто пятнадцать рублей в месяц. Это немного, но бывший «сталинский нарком» накопил достаточно средств для вполне обеспеченной жизни. Тем не менее Каганович позвонил однажды тогдашнему директору Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС П. Н. Поспелову и, пожаловавшись на маленькую пенсию, попросил бесплатно присылать ему издававшийся институтом журнал «Вопросы истории КПСС». Партийные журналы стоят у нас недорого, и цена того журнала, о котором говорил Каганович, была всего сорок копеек. Ясно, что он просто хотел обратить на себя внимание.

Когда был снят со своих постов Н. С. Хрущев, Каганович направил в ЦК КПСС заявление с просьбой восстановить его в партии. Но Президиум ЦК отказал ему в пересмотре ранее принятого решения.

Каганович записался читателем в Историческую библиотеку. При заполнении анкеты его спросили об образовании. «Пишите — высшее»,— сказал Каганович. Иногда он приходил для работы в Ленинскую библиотеку. Как и Молотов, стал писать мемуары. Это было заметно уже по тем книгам и журналам, которые он подбирал с помощью библиографов: о событиях в Саратове и Гомеле в 1917 году, о туркестанских делах 1920—1922 годов, об организационно-партийной работе в 20-е годы, об истории Московской партийной организации.

Каганович часто работал и в газетном зале Ленинской библиотеки. Мимо него в эти дни проходило множество посетителей, некоторые просто из любопытства, но он не обращал на них особого внимания.

Однажды при сдаче книг в профессорском зале Ленинской библиотеки из-за отсутствия библиотекарши у стойки образовалась маленькая очередь. Каганович подошел и встал первым. Ему спокойно заметили, что имеется небольшая, но очередь. «Я — Каганович»,— заявил неожиданно Лазарь Моисеевич, обиженный невниманием к своей персоне. Однако из очереди вышел ученый и встал перед Кагановичем, громко сказав при этом: «А я — Рабинович». Это был очень известный физик М. С. Рабинович.

Каганович ежегодно приобретал путевки в обычные дома отдыха. Он не избегал общения с другими отдыхающими, и пожилые люди охотно проводили время в его обществе. Кагановичу пригодились навыки агитатора да старый жизненный опыт рабочего-обувщика. Но в этих беседах он не касался темы сталинских репрессий и своего участия в них. Он также очень любил кататься по Москве-реке на речном трамвае. Когда повысили стоимость билетов, Лазарь Моисеевич был крайне недоволен. Он ворчал: «При мне этого не было...» Когда-то он отвечал и за работу московского речного транспорта.

Конечно, у Кагановича было немало неприятных для него встреч. Однажды его увидела на улице группа немолодых людей — детей партийных работников, погибших на Украине в годы сталинских репрессий. Некоторые из них и сами провели немало лет в лагерях. Среди них был, например, сын В. Я. Чубаря. Они окружили Кагановича и стали ругать его, называя палачом и негодяем. Лазарь сильно испугался. Он начал громко кричать: «Караул! Убивают! Милиция!» И милиция появилась. Всех участников этого инцидента задержали и препроводили в ближайшее отделение милиции. Дело кончилось лишь установлением личности задержанных, которых после этого сразу же отпустили.

В начале 70-х годов знаменитая актриса Алиса Коонен, которой было уже за восемьдесят, пришла на Новодевичье кладбище к могиле своего мужа А. Я. Таирова. Таиров был основателем и неизменным руководителем Камерного театра. Еще в 1929 году Сталин назвал в одном из писем драматургу В. Н. Билль-Белоцерковскому театр Таирова «действительно буржуазным Камерным театром». Тогда это не имело для театра существенного значения. Но в 1949 году в Сочинениях Сталина письмо было опубликовано, и популярный в Москве Камерный театр, обвиненный в формализме, был закрыт. Вскоре Таиров умер. И вот теперь к Алисе Коонен подошел старик и стал выражать ей свое восхищение. Он действительно помнил многие ее роли: Эммы Бовари, Комиссара, Катерины из «Грозы» Островского. «Простите, с кем я имею дело?» — спросила актриса. «Я Лазарь Моисеевич Каганович,— ответил старик.— Скажите, Алиса Георгиевна, после того, что случилось с Таировым и с вами, ваши друзья не отвернулись от вас?» «Нет, почему же,— ответила Коонен,— когда закрыли наш театр, я уже не могла встречать своих поклонников у подъезда театра после спектакля. Но у нас много друзей и родных, и они всегда были с нами». «Да, в вашем мире все это проис-

ходит иначе, чем в нашем»,— заметил Каганович. Сухо простившись с собеседником, Алиса Коонен ушла. Своим знакомым она позднее говорила: «Мне стал выражать свое восхищение Каганович, одно слово которого в 49-м году могло спасти наш театр».

Каганович всегда отличался крепким здоровьем, и ему почти не приходилось лечиться. Но сказывался возраст. В 1980 году ему была назначена обычная для стариков операция. Его положили в урологическую больницу на Басманной улице, в палату, где стояло еще двадцать коек. Со всех этажей приходили десятки больных, чтобы посмотреть на бывшего «вождя». В подобного рода клиниках обычно лежат пожилые люди, они хорошо помнили Кагановича. Главный врач больницы вынужден был поместить его в своем кабинете и завесить стеклянную дверь занавеской. Даже персонал больницы разделился на два лагеря. Вечером старые нянечки бранились. «Опять ты положила ему четыре куска сахара,— выговаривала одна из них другой.— Хватит ему, старому хрычу, двух кусков. Клади, как всем».

Дочь Кагановича, преодолев робость, обратилась в ЦК с просьбой «облегчить» участь отца. Неожиданно ей позвонили из аппарата ЦК и сообщили, что ее отцу разрешено отныне лечение в Кремлевской больнице и возвращен «кремлевский паек», а также увеличена пенсия. Каганович был счастлив, когда дочь передала ему эту новость, но пробурчал: «Лучше бы красную книжку (то есть партийный билет.— *Р. М.*) вернули».

Скучая от одиночества, Каганович часто выходил в большой двор своего дома. В компании стариков он увлекся игрой в домино и скоро стал признанным чемпионом своего квартала. Игра в домино обычно кончалась с наступлением темноты. Но, пользуясь какими-то старыми связями, Каганович с помощью местных властей построил во дворе беседку и провел в нее свет. Теперь пенсионеры с Фрунзенской набережной могут играть в домино до глубокой ночи.

Каганович перенес инсульт. Но его крепкий организм выдержал и это испытание. Да и уход в Кремлевской больнице гораздо лучше, чем в обычных городских. Вскоре он опять начал выходить на прогулки в тихие переулки у Фрунзенской набережной и играть в домино с другими стариками. Ближайший соратник Сталина, двадцать пять лет активно и старательно помогавший ему крутить страшную машину кровавого террора, спокойно доживает свой век в Москве.

От Ильича до Ильича

Пример политического долголетия

Анастаса Ивановича Микояна уже нет в живых; он умер в октябре 1978 года, не дожив всего один месяц до своего 83-летия. Это был человек поучительной судьбы, показавший пример необычного в нашей стране политического долголетия. Еще в 1919 году Микоян был избран во ВЦИК РСФСР, затем — членом ЦИК СССР и Президиума Верховного Совета СССР (до 1974 года). Таким образом, в составе высших органов Советской власти Микоян состоял пятьдесят пять лет. Микоян пятьдесят четыре года подряд был членом ЦК партии и сорок лет работал в составе Политбюро ЦК. Ни один из руководителей КПСС и Советского государства, кроме Ворошилова, не мог бы по «стажу» руководящей работы конкурировать с Микояном. Еще в конце 60-х годов, когда Микоян начал публиковать отрывки из своих мемуаров, кто-то пустил в ход меткую шутку: этим мемуарам следовало бы дать название «От Ильича до Ильича».

В наших условиях столь беспримерное политическое долголетие говорит не только о незаурядных способностях государственного деятеля, но и об умении быстро приспосабливаться к резко меняющимся политическим обстоятельствам. Конечно, иногда Микояну просто «везло», но ведь и благоприятную случайность удается использовать не всякому. В партийной среде можно услы-

шать и сегодня немало анекдотов о политической изворотливости Микояна. Вот лишь один из них: «Микоян в гостях у друзей. Неожиданно на улице начался сильный дождь. Но Микоян поднялся с места и стал собираться домой. «Как же вы пойдете по улице? — спрашивают его друзья.— На дворе ливень, а у вас нет даже зонтика!» «Ничего,— отвечает Микоян,— я пройду между струй».

Большевик из духовной семинарии

Анастас Микоян родился в Армении в селе Санаин в семье бедного сельского плотника. По окончании начальной школы отец отдал способного мальчика учиться в армянскую духовную семинарию в Тифлисе. Это было одно из лучших учебных заведений в Закавказье, оно было доступно для всех слоев населения и давало лучшее образование, чем классическая гимназия. Мало кто из выпускников этой семинарии становился священником, но многие стали видными деятелями армянской интеллигенции. Как ни странно, но именно духовные семинарии дали России множество революционеров. В духовных семинариях учились Чернышевский и Добролюбов. В Грузинской духовной семинарии в том же Тифлисе учился Сталин. Можно перечислить десятки видных советских государственных деятелей 20—30-х годов, которые окончили до революции духовные семинарии. Ближайшим другом Микояна в армянской семинарии был, например, Георг Алиханян, один из основателей Советской Армении, крупный деятель Коминтерна, расстрелянный в конце 30-х годов.

Микоян стал членом социал-демократического кружка еще в стенах семинарии и прочитал здесь почти всю марксистскую литературу на русском языке. В 1915 году он вступил в партию большевиков. В этом же году Ми-

коян блестяще окончил семинарию и в 1916 году был принят на первый курс Армянской духовной академии, которая находилась в Эчмиадзине — религиозном центре Армении. Микоян не окончил академию и не стал священником: началась Февральская революция, и именно он становится одним из организаторов Совета солдатских депутатов в Эчмиадзине.

Бакинская коммуна

Вскоре после Октябрьской революции Микоян оказался на партийной работе в Баку — этот город был главным промышленным центром и оплотом большевиков в Закавказье. В Бакинский Совет входили большевики, меньшевики, дашнаки, эсеры и другие партии. Незначительное преимущество было все же у большевиков, они создали в апреле 1918 года Совет Народных Комиссаров во главе со Степаном Шаумяном, членом ЦК РСДРП(б), которого Советское правительство по предложению Ленина еще в декабре 1917 года назначило чрезвычайным комиссаром по делам Кавказа.

Молодой Микоян командовал боевой дружиной большевиков, он участвовал в подавлении восстания мусаватистов — азербайджанской буржуазно-националистической партии, которая вошла в союз с турецкими войсками, наступавшими на город. Затем Анастаса Ивановича послали на фронт комиссаром бригады. Оборонять Баку было трудно. Начиналась гражданская война. Восстания казаков на Дону и Северном Кавказе, чехословацкий мятеж, наступление Добровольческой армии Деникина отрезали Бакинскую коммуну от России. Часть Средней Азии (Закаспийская область) была оккупирована англичанами, гражданская власть здесь оказалась в руках правых эсеров. Лишь морем через Астрахань бакинские большевики могли получать кое-какую помощь из Совет-

ской России. В этих условиях эсеры и меньшевики предложили пригласить в Баку английские войска. Еще шла первая мировая война, в которой Англия и Турция воевали друг с другом. Большевики были против. Однако бурное голосование Бакинского Совета не принесло успеха большевикам. 258 голосов против 236 было подано за приглашение английских войск и создание коалиционного правительства из всех советских партий. Часть народных комиссаров предлагала сохранить Совнарком и провести перевыборы Совета. Но Шаумян не пошел на это. Большевики передали власть новому правительству, и скоро в Баку вошли немногочисленные английские отряды.

Узнав о перевороте, Микоян поспешил в город. Но здесь его ждало еще одно горькое известие — большинство активных деятелей Бакинской коммуны было арестовано. Впрочем, и новая власть — так называемая «диктатура Центрокаспия» — продержалась в Баку лишь до середины сентября. Англичане не сумели приостановить турецкое наступление. Началась поспешная эвакуация. В день вторжения турецких войск в Баку Микоян руководил освобождением Степана Шаумяна и других большевиков из тюрьмы. С помощью командира небольшого отряда Т. Амирова все они успели занять место на пароходе «Туркмен», переполненном беженцами и солдатами. Корабль отплыл в Астрахань. Но ни группа дашнакских и английских офицеров, ни многие из солдат не хотели плыть в советскую Астрахань. Они сумели взбунтовать команду корабля и увести его в Красноводск, оккупированный англичанами. Эсеровские власти в этом городе арестовали всех большевиков. Портретов бакинских комиссаров тогда еще не было, документов тоже. Руководствуясь списком на тюремное довольствие, найденным у Корганова, исполнявшего роль старосты в бакинской тюрьме, эсеры отделили двадцать пять человек во главе со Степаном Шаумяном. Сюда же включили командира

партизан Т. Амирова. Так образовалась знаменитая цифра «26». Все они были увезены из Красноводска якобы для суда в Ашхабад. Однако вагон с арестованными не дошел до Ашхабада. 20 сентября 1918 года на 207-й версте красноводской железной дороги все двадцать шесть арестованных были расстреляны. Здесь были и коммунисты, и левые эсеры, народные комиссары и личные телохранители Шаумяна. Один из погибших оказался беспартийным мелким служащим. Но все они вошли в историю как «26 бакинских комиссаров». Микояна не было ни в списках на довольствие, ни в списках арестованных, опубликованных бакинскими газетами. Остались в живых и видные деятели Бакинской коммуны С. Канделаки и Э. Гигоян. Ни в Баку, ни в Красноводской тюрьме долго никто не знал о гибели 26 бакинских комиссаров. Турки скоро покинули Азербайджан. Война закончилась победой Антанты. Мусаватистское правительство вступило в сговор с англичанами. Рабочие Баку объявили забастовку, требуя возвращения Шаумяна и его товарищей. Но в Баку вернулись в феврале 1919 года только Микоян, Канделаки и еще несколько большевиков. Лишь в сентябре 1920 года, уже после восстановления Советской власти в Баку, были перевезены и торжественно захоронены на одной из центральных площадей города останки расстрелянных бакинских комиссаров.

Во главе крупнейших областей РСФСР

Вернувшись в Баку, Микоян возглавил подпольную большевистскую организацию. Осенью 1919 года он побывал в Москве с докладом о положении на Кавказе, познакомился с Лениным, Кировым, Орджоникидзе, Куйбышевым, Фрунзе, Сталиным, Стасовой, был избран во ВЦИК. Весной 1920 года Красная Армия вступила в Баку, и здесь была провозглашена Советская власть. Но Микоян

недолго оставался на Кавказе. Неожиданно его вызвали в Москву и направили с мандатом ЦК РКП(б) на работу в Нижегородский губком. Местные руководители встретили молодого кавказца с недоверием. Положение в городе и в губернии было критическим. Волновался измученный голодом и холодом 50-тысячный гарнизон, недовольство охватило не только крестьян, но и рабочих, месяцами не получавших зарплаты. Опытный пропагандист и агитатор, Микоян действовал не только умело, но и весьма решительно. Вскоре он был избран секретарем губкома и стал фактическим руководителем губернии, о которой знал еще недавно только по школьному учебнику географии. Он несколько раз встречался с Лениным, участвовал во всех съездах Советов и съездах партии. Весной 1922 года двадцатишестилетний Микоян был избран кандидатом в ЦК РКП(б).

В 1920—1921 годах Микоян попадает в «сферу влияния» Сталина и еще перед X съездом партии выполняет ряд его конфиденциальных поручений. Весной 1922 года по рекомендации Сталина Микоян был назначен секретарем Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б). Вскоре он возглавил Северо-Кавказский краевой комитет РКП(б) с центром в Ростове-на-Дону. В этом крае проживало около 10 миллионов человек. Сюда входили территории казачьих областей — Кубанской, Терской и Войска Донского, Ставропольской и Черноморской губерний, а также семь национальных округов, в которых проживали люди самых различных национальностей.

Проблемы, которые приходилось решать молодому Микояну, были исключительно сложными. Северный Кавказ еще недавно служил ареной жестоких боев гражданской войны, отдельные отряды казаков и горцев еще скрывались в горах Кавказа. И все же в условиях нэпа Северный Кавказ быстро оправлялся от разрухи и становился снова житницей страны. Микоян весьма решительно требовал сближения с крестьянством и казачест-

вом. В станицах сохранялся казачий быт, одежда, поощрялись даже военные учения, джигитовка, спортивные упражнения. Под лозунгом «Сделать казачество опорой Советской власти» эти формирования включались в состав территориальных частей Красной Армии. Крайком разрешил не только горцам, но и казакам носить холодное оружие; было сохранено станичное управление и общий станичный бюджет.

Во многих выступлениях Микоян призывал коммунистов не разрушать церквей и мечетей и не ссориться с крестьянами и казаками на почве религии. Хотя богатые крестьяне и крупные торговцы были лишены избирательных прав, Микоян требовал соблюдения предоставленных им в рамках нэпа экономических прав. Для прекращения партизанской борьбы в крае несколько раз объявлялась амнистия. Были приняты меры для развития курортов Минеральных Вод и на Черноморском побережье. Все это создало Микояну репутацию умелого и опытного администратора и партийного руководителя. Он сблизился со Сталиным и выступал неизменно на его стороне в борьбе с так называемой «новой оппозицией». Сталину нравились энергия Микояна, его кавказское происхождение и полная лояльность. Еще в 1922 году Сталин, ставший Генеральным секретарем ЦК партии, продолжал поручать Микояну некоторые деликатные миссии, связанные с внутрипартийной борьбой. На Пленуме ЦК ВКП(б) в июле 1926 года вместе с Орджоникидзе, Кировым, Андреевым и Кагановичем Микоян был избран кандидатом в члены Политбюро.

Народный комиссар торговли и снабжения СССР

В августе 1926 года один из лидеров оппозиции Л. Б. Каменев был освобожден с поста наркома внешней и внутренней торговли. Новым народным комиссаром торговли

неожиданно для многих был назначен тридцатилетний Микоян, который не стремился ни к переводу в Москву, ни к карьере хозяйственника. Сохранилась его телеграмма, посланная в ЦК и в Совнарком: *«Категорически отказываюсь и заявляю, что такому решению не могу подчиниться... Я наркомторгом и вообще наркомом не гожусь и не могу взять на себя обязанностей сверх своих сил и способностей»**. Микоян все же был вынужден подчиниться партийной дисциплине. Самый молодой в составе Политбюро, он стал и самым молодым наркомом СССР.

Микоян работал в Наркомторге много и напряженно. Было время нэпа. Не прошло и пяти лет с тех пор, как Ленин назвал торговлю тем «главным звеном», за которое должна ухватиться партия большевиков, чтобы вытянуть всю сложную цепь социалистического строительства. Именно Ленин выдвинул тогда лозунг «Учиться торговать», столь неожиданный для многих большевиков, еще недавно снявших военную форму.

Положение в торговле в 1926—1927 годах было исключительно сложным из-за недостатка промышленных товаров и связанных с этим трудностей в хлебозаготовках. Микоян решительно выступал тогда за экономические средства разрешения кризиса и против каких-либо чрезвычайных мер в отношении единоличников и кулачества, предлагаемых оппозицией. На XV съезде ВКП(б) Микоян заявил, что из создавшегося кризиса нужно выйти «наиболее безболезненным образом». Он предложил получить нужный городу хлеб «путем переброски товаров из города в деревню, даже за счет временного (на несколько месяцев) оголения городских рынков, с тем чтобы добиться хлеба у крестьянства». «Если мы этого поворота не произведем,— предупредил Микоян,— то мы

* Цит. по: *Микоян С.* Политическое долголетие // Книжное обозрение. 1989. № 1.

будем иметь чрезвычайные трудности, которые отзовутся на всем хозяйстве».

Но Сталин не прислушался к голосу Микояна и других более умеренных членов руководства. Он пошел на принятие жестоких мер в отношении кулачества и основной части крестьянства, что привело вскоре к политике принудительной «сплошной» коллективизации и экспроприации, выселению и ликвидации кулачества. Эта политика встретила сопротивление не только многих членов ЦК, но и таких членов Политбюро, как Бухарин, Рыков, Томский, Угланов. Однако Микояна не было среди участников так называемого «правого» уклона. Вряд ли он сочувствовал новой политике Сталина, имевшей катастрофические последствия для деревни, включая и хлебородный Северо-Кавказский край. И все же он принял сторону Сталина.

К началу 1930 года вся система торговли в стране пришла в полное расстройство. Хлебозаготовки приняли характер продразверстки, ибо закупочные цены уже не соответствовали себестоимости сельскохозяйственной продукции. Наступила инфляция, бумажные деньги быстро обесценивались. Из-за недостатка продуктов в городах были введены строгое нормирование и карточная система. Во многих сельских районах свирепствовал жестокий голод, уносивший миллионы жизней. Для рабочих и служащих вводились пайки различных категорий в зависимости от работы, занимаемой должности и т. п. Торговля опять стала уступать место продуктообмену, при котором города снабжались продовольственными, а деревня — промышленными товарами. Новому положению в стране не соответствовали ни старые методы, ни прежнее название наркомата, во главе которого стоял Микоян. В 1930 году он был реорганизован в два наркомата — снабжения и внешней торговли. Для подавляющего большинства населения страны снабжение в начале 30-х годов было крайне скудным. Тогда-то и

родилась в народе невеселая шутка: «Нет мяса, нет масла, нет молока, нет муки, нет мыла, но зато есть Микоян».

Впрочем, в одной торговой операции Микоян весьма преуспел: в продаже за границу части коллекций Эрмитажа, Музея нового западного искусства в Москве (вошедшего в Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина) и многих ценных предметов, конфискованных у царской семьи и высших представителей русского дворянства. Как раз в начале первой пятилетки Советскому Союзу остро не хватало валюты, чтобы оплатить импортируемое оборудование. Уменьшение сельскохозяйственного производства сократило до предела экспортные возможности страны. В это время и возникла мысль о продаже за границу картин знаменитых западных мастеров: Рембрандта, Рубенса, Тициана, Рафаэля, Ван Дейка, Пуссена и других. К вывозу были намечены многие золотые и ювелирные изделия, мебель из царских дворцов (часть этой мебели принадлежала еще французским королям), а также часть библиотеки Николая I. Ведавший музеями страны народный комиссар просвещения А. В. Луначарский был решительно против затеваемой операции, но Политбюро отвергло его возражения. Продать ценности Эрмитажа оказалось не очень просто — главным образом из-за протестов видных деятелей русской эмиграции. Аукцион, проведенный в Германии, дал плохие результаты. Во Франции Советский Союз также ждала неудача, потому что по некоторым из выставленных на продажу предметов эмиграция возбудила судебные дела.

Первые крупные сделки Микоян заключил с известным армянским миллиардером Гульбенкяном. Затем картины стали покупать и американцы. Крупнейшие сделки были заключены также с миллиардером и бывшим министром финансов США Эндрю Меллоном. В меньших масштабах эти продажи происходили до 1936 года. Общая

выручка СССР от них составила более 100 миллионов долларов *.

Сталин полностью доверял в этот период Микояну. Когда тяжело заболел председатель ОГПУ В. Р. Менжинский, Сталин предполагал поставить на его место Микояна. Но Микоян не горел желанием переходить из сферы торговли и снабжения на руководство карательной системой Советского государства, и это назначение не состоялось.

Микоян не принимал непосредственного участия в карательных акциях времен коллективизации и принудительных заготовок в 1930—1933 годах. Но ему пришлось дать свою санкцию на арест многих беспартийных специалистов, в том числе и на занимавших важные посты в Наркомате торговли, клеветнически обвиненных во вредительстве. Микоян не был инициатором этих репрессий, но и не выступал открыто против них. Показательна история М. П. Якубовича, который еще в Наркомате торговли возглавлял управление промышленных товаров. Составляемые им планы снабжения весьма придирчиво изучал Микоян, потом они утверждались коллегией наркомата. Основные контрольные цифры снабжения рассматривались даже на Политбюро ЦК ВКП(б). Однажды Микоян распорядился увеличить снабжение одних городов за счет других, что было связано с массовыми протестами рабочих. Якубович напомнил, что задания по снабжению уже утверждены Политбюро. Но Микоян сослался на личное указание Сталина. Якубович подчинился. Вскоре, однако, и в других городах произошли вспышки недовольства. В «Правде» появилась статья, обвиняв-

* В 30-е годы как покупатели, так и продавцы картин и ценностей избегали гласности. Сегодня большая часть картин из Эрмитажа уже не находится в частных руках. Гульбенкян подарил свою коллекцию Португалии. Картины из коллекций Меллона выставлены в Вашингтонской галерее. Часть картин приобретена или получена в дар голландскими музеями и Лувром.

шая Якубовича и его отдел во вредительстве. Якубович был арестован. На первом же допросе он потребовал вызвать в качестве свидетеля Микояна. Но следователь только рассмеялся. «Вы что, сошли с ума? — сказал он.— Разве мы будем из-за вас вызывать наркома СССР свидетелем?» Якубович был осужден и провел в лагерях и тюрьмах более двадцати пяти лет.

Во главе пищевой промышленности СССР

Тяжелый политический и экономический кризис 1930—1933 годов стал все же ослабевать. Раны, нанесенные стране и народу, постепенно затягивались. Одновременно стали давать плоды и те громадные усилия, которые были предприняты в эти же годы для создания промышленности. Хотя и более медленно, чем тяжелая, развивалась легкая и пищевая индустрия. В 1934 году в СССР был образован самостоятельный Наркомат пищевой промышленности, во главе которого был поставлен Микоян. В России в урожайные годы не было недостатка в натуральных продовольственных товарах. Однако пищевая промышленность была очень слабой. Почти не существовало и системы общественного питания. Инициативе и умелому руководству Микояна наша страна обязана сравнительно быстрым развитием в годы второй пятилетки многих отраслей пищевой промышленности (консервы, производство сахара, конфет, шоколада, печенья, колбас и сосисок, табака, жиров, хлебопечения и т. д.). Микоян предпринял длительную поездку в США для знакомства с различными видами и технологией пищевой промышленности. СССР в середине 30-х годов производил, например, в сто раз меньше мороженого, чем США. Именно Микоян помог быстрому развитию производства искусственного холода и разных видов мороженого в стране. Вообще мороженое было его настоящим увлече-

нием. Даже Сталин как-то заметил: «Ты, Анастас Иванович, такой человек, которому не так коммунизм важен, как решение проблемы изготовления хорошего мороженого».

По инициативе Микояна в стране значительно увеличилось производство котлет. Лучшие их сорта и сегодня нередко называют «микояновскими». К сожалению, их теперь очень редко продают даже в московских магазинах.

В подчинении Микояна оказалась и вся ликеро-водочная промышленность. Выступая на Первом Всесоюзном совещании стахановцев, Микоян говорил: *«В 1935 году водки продано меньше, чем в 1934, а в 1934 меньше, чем в 1933-м, несмотря на серьезное улучшение качества водки. Это единственная отрасль производства Наркомпищепрома, которая идет не вперед, а назад, к огорчению работников нашей водочной промышленности.*

*Но ничего, если огорчаются наши спиртовики... Тов. Сталин давно нас предупреждал, что с культурным ростом страны уровень потребления водки будет падать, а будет расти значение кино и радио»**.

Огорчаться работникам водочной промышленности пришлось не так уж долго. Сегодня в нашей стране есть не только радио и кино, но и телевидение, а производство водки во много раз превысило довоенный уровень.

Во второй половине 30-х годов в СССР по инициативе Микояна была издана и первая советская поваренная книга — «Книга о вкусной и здоровой пище». Эпиграфом к ней могли бы послужить слова Сталина «Жить стало лучше, жить стало веселее». К каждому из разделов книги было подобрано также в качестве эпиграфа какое-либо из высказываний Микояна или Молотова. Так, например, перед разделом «Рыба» можно было прочесть такую сентенцию:

---

* Рабочая Москва. 1935. 18 нояб.

«Раньше торговля живой рыбой у нас вовсе отсутствовала. Но в 1933 г. однажды товарищ Сталин задал мне вопрос: «А продают ли у нас где-нибудь живую рыбу?» «Не знаю,— говорю,— наверное, не продают». Товарищ Сталин продолжает допытываться: «А почему не продают? Раньше бывало». После этого мы на это дело нажали и теперь имеем прекрасные магазины, главным образом в Москве и Ленинграде, где продают до 19 сортов живой рыбы...»

Перед разделом «Мясо, птица, дичь» можно было прочесть:

«Товарищ Сталин еще в 1918 году в тогдашнем Царицыне, когда был занят ликвидацией южного фронта контрреволюции... с гениальной прозорливостью вплотную подошел к проблеме создания пищевой индустрии. Товарищ Сталин писал тогда Ленину об отправке мяса в Москву: «Скота здесь больше, чем нужно... Было бы хорошо организовать по крайней мере одну консервную фабрику, поставить бойню и прочее...» Тогда, в 1918 году, товарищ Сталин говорил: «по крайней мере одну консервную фабрику». Теперь мы можем сказать, что нами строится и уже построено шесть мощных консервных фабрик там, где товарищ Сталин в 1918 году требовал построить хотя бы одну...»

Перед разделом «Холодные блюда и закуски» можно было прочесть:

«...Некоторые могут подумать, что товарищ Сталин, загруженный большими вопросами международной и внутренней политики, не в состоянии уделять внимание таким делам, как производство сосисок. Это неверно... Случается, что нарком пищевой промышленности кое о чем забывает, а товарищ Сталин ему напоминает. Я както сказал, что хочу раздуть производство сосисок; товарищ Сталин одобрил это решение, заметив при этом, что в Америке фабриканты сосисок разбогатели от этого дела, в частности от продажи горячих сосисок на стадио-

нах и в других местах скопления публики. Миллионерами, «сосисочными королями» стали.

Конечно, товарищи, нам королей не надо, но сосиски делать надо вовсю».

Перед разделом «Горячие и холодные напитки» Микоян обошелся без ссылки на Сталина, а привел лишь отрывок из собственной речи:

«...Но почему же до сих пор шла слава о русском пьянстве? Потому, что при царе народ нищенствовал, и тогда пили не от веселья, а от горя, от нищеты. Пили именно, чтобы напиться и забыть про свою проклятую жизнь... Теперь веселее стало жить. От хорошей и сытой жизни пьяным не напьешься. Весело стало жить, значит, и выпить можно, но выпить так, чтобы рассудок не терять и не во вред здоровью» *.

К началу войны товарооборот в стране удалось поднять до 18 миллиардов рублей. Это было заметное увеличение, но на душу населения товаров приходилось меньше, чем на сто рублей в год. Уровень благосостояния народа был еще очень низок, приоритет на многие десятилетия был отдан тяжелой промышленности. Жизнь и потребности простых людей мало интересовали Сталина и его ближайшее окружение. Микоян был здесь редким исключением. Он часто выезжал на предприятия своего наркомата, чтобы без посредников вникнуть во все производственные детали, поговорить с рабочими.

Как администратор Микоян был обычно вежлив со своими подчиненными. Но он был «сталинским» наркомом. В хорошем настроении этот человек мог одарить посетителей апельсинами из вазы на своем столе. Но в дурном расположении духа он порой швырял им в лицо подписанные (или неподписанные) бумаги, как это нередко делал и Каганович.

---

* Книга о вкусной и здоровой пище. М.; Л., 1939. С. 72, 104, 288, 332.

В годы террора

В 1935 году Микоян был избран полноправным членом Политбюро, а в 1937 году назначен заместителем Председателя Совнаркома.

Некоторые из близких друзей и родственников Микояна пытаются до сих пор утверждать, что Анастас Микоян не принимал никакого участия в репрессиях и терроре 30-х годов, хотя и не протестовал против них открыто.

К сожалению, эти утверждения не согласуются с действительностью. Конечно, Микоян никогда не был столь активен и агрессивен, как Каганович, но он не мог, оставаясь членом Политбюро, вообще уклониться от участия в репрессиях. Во-первых, как член Политбюро Микоян должен был нести свою долю ответственности за все решения Политбюро, связанные с репрессиями. На многих подготовленных Ежовым списках людей, предназначенных к «ликвидации», Сталин не просто ставил свою подпись, но давал их также и другим членам Политбюро. Во-вторых, каждый из наркомов должен был тогда санкционировать аресты руководящих работников в своей отрасли. Трудно предположить, что Микоян ничего не знал об арестах многих видных деятелей торговли и пищевой промышленности. С. Орджоникидзе, который пытался защищать своих подчиненных, был доведен еще в начале 1937 года до самоубийства. Микоян был другом Орджоникидзе, и младшего из своих пяти сыновей он назвал в его честь *Серго*. Выступая через двадцать лет на партийном собрании завода «Красный пролетарий», Микоян сам рассказал, что вскоре после смерти Орджоникидзе Сталин вызвал его к себе и сказал с угрозой: «История о том, как были расстреляны 26 бакинских комиссаров и только один из них — Микоян — остался в живых, темна и запутанна. И ты, Анастас, не заставляй нас распутывать эту историю».

После такого предупреждения даже путь, избранный Серго, был сомнителен для Микояна, так как над ним все время висела угроза быть обвиненным в предательстве своих товарищей по Бакинской коммуне. И Микоян подчинялся Сталину. На февральско-мартовском Пленуме ЦК ВКП(б) Микояну поручили возглавить комиссию, которая должна была решить участь Бухарина и Рыкова. Ее определение было кратким: Бухарина и Рыкова из кандидатов в члены ЦК ВКП(б) и из членов ВКП(б) исключить, дело их направить в НКВД. В тот же день Бухарин и Рыков были арестованы.

Вместе с Маленковым, тогда еще даже не членом ЦК, Микоян выезжал осенью 1937 года в Армению для проведения чистки партийных и государственных органов этой республики от «врагов народа». Это была жестокая репрессивная кампания, в результате которой погибли сотни, а если учитывать и районные кадры, то тысячи ни в чем не повинных людей. Республиканская газета «Коммунист» в конце 1937 года писала:

«По указанию великого Сталина товарищ Микоян оказал громадную помощь большевикам Армении в разоблачении и выкорчевывании врагов армянского народа, пробравшихся к руководству и стремившихся отдать армянский народ в кабалу помещикам и капиталистам, презренных бандитов Аматуни, Гулояна, Акопова и других».

«Страстно ненавидя всех врагов социализма, тов. Микоян оказал огромную помощь армянскому народу и на основе указаний великого Сталина лично помог рабочим и крестьянам Армении разоблачить и разгромить подлых врагов, троцкистско-бухаринских, дашнакско-националистических шпионов, вредивших рабочей и крестьянской Армении».

«...Микоян, который по указанию великого Сталина выявил и вышвырнул заклятых врагов трудящихся —

троцкистов, дашнаков Аматуни, Акопова, Гулояна, Мугдуси и других мерзавцев».*

Именно Микоян выступал от Политбюро ЦК на торжественном собрании актива Москвы, посвященном 20-летию органов ВЧК — ОГПУ — НКВД. Он поносил при этом «врагов народа», в число которых к этому времени попало уже большинство членов ЦК ВКП(б), и восхвалял «сталинского наркома» Ежова. *«Учитесь,— говорил Микоян,— у товарища Ежова сталинскому стилю работы, как он учился и учится у товарища Сталина!.. Он сумел проявить заботу к основному костяку работников НКВД, по-большевистски воспитать в духе Дзержинского, в духе нашей партии».* Микоян даже воскликнул: *«Мы можем пожелать работникам НКВД и впредь так же славно работать, как они работали!»* ** Он имел в виду 1937 год.

Один из случайных участников этого заседания вспоминал через несколько десятилетий:

«Доклад читал Микоян, одетый в темную кавказскую рубашку с поясом. Слов я разобрать не мог, наверное из-за того, что говорил он с сильным акцентом. Сталина в президиуме не было. Буденный появился с большим опозданием, и заседание было прервано овациями, какая-то женщина даже что-то прокричала. Потом снова вспыхнули овации — это Сталин возник в ложе — и не прекратились, пока он не скрылся. Но, пожалуй, самые бурные приветствия достались любимому «сталинскому наркому» Ежову. Ежов стоял потупившись — густая черная копна волос — и застенчиво улыбался, словно не был уверен, заслуживает ли он таких восторгов» ***.

---

* Коммуиист (Ереваи). 1937. 11 нояб., 8 дек.

** *Микоян А. И.* Доклад иа собраиии актива партийных, советских и общественых организаций Москвы, посвящениом 20-летию ВЧК — ОГПУ — НКВД // Правда. 1937. 21 дек.

*** Из воспоминаний В. Гусарова. Рукопись.

В то же время Микоян оказывал в ряде случаев материальную или иную помощь родственникам некоторых своих арестованных товарищей или даже обещал «при первой возможности» посодействовать в их освобождении. Так, например, он не забыл о семье Аркадия Брайтмана, ответственного работника Наркомата финансов, которого знал еще по Баку. Сам Брайтман был расстрелян, и ему уже ничем помочь было нельзя. Но его жену и двух малолетних детей все же оставили в Москве, а не сослали, как многих других. После смерти Сталина Микоян устроил жену Брайтмана в один из подведомственных ему институтов и помог вернуться из ссылки ее сестре.

Недавно умерший маршал И. Х. Баграмян, прославившийся в годы Отечественной войны, в 1937 году учился в Академии Генерального штаба. В это время там свирепствовали доносы и поощрялась «сверхбдительность». Между тем в биографии Баграмяна был крайне опасный по тем временам пункт: в 1918—1921 годах он служил в Армянской армии (дашнаков), созданной тогда главным образом для защиты от возможной турецкой оккупации: не прошло еще трех лет после страшного преступления — уничтожения в Турции полутора миллионов армян. Позднее Баграмян вышел из Армянской армии и вступил в Красную Армию, а потом и в Коммунистическую партию. Но сейчас, в 1937 году, он со дня на день ждал ареста. По совету друзей Баграмян написал Микояну, и тот помог своему земляку. Баграмян не был арестован, а следствие, начатое против него, было прекращено.

Показательна в этом отношении и история А. В. Снегова, который подружился с Микояном еще в дни X съезда РКП(б). Оба они были тогда молодыми партийными работниками. Снегова арестовали в Ленинграде и после тяжелых пыток приговорили к расстрелу. Его «однодельцы» были уже почти все расстреляны. В это время пришло известие об аресте начальника Ленинградского уп-

равления НКВД Л. Заковского. Еще раньше был смещен со своего поста и Ежов. Через несколько дней Снегов был освобожден и получил справку о реабилитации. Он пошел в Смольный к Жданову и долго рассказывал ему о том, что происходило в недрах НКВД. Жданов был, видимо, осведомлен об этом лучше Снегова. Он посоветовал ему немедленно уезжать из Ленинграда и, если возможно, добиться партийной реабилитации. Снегов выехал в Москву. Здесь он обратился к А. А. Андрееву, который в эти месяцы возглавлял комиссию по расследованию деятельности Ежова. Снегов почти пять часов рассказывал Андрееву о том, что творилось в застенках Ленинградского НКВД. Однако и для Андреева все это было не слишком большой новостью, он в 1937—1938 годах активно участвовал во многих репрессивных кампаниях. Снегов сообщил о своем освобождении Молотову, который сухо принял это к сведению, а также Калинину, который осведомился: «Ну что, здорово попало? Зайдешь?» Микоян, которому позвонил Снегов, попросил его немедленно приехать и внимательно выслушал его рассказ. О расстреле Заковского Микоян сказал: «Одним мерзавцем стало меньше». Узнав о самоубийстве партийного работника М. Литвина, который был назначен на работу в НКВД, но через неделю застрелился, оставив записку, что не желает участвовать в истреблении кадров партии, Микоян выразил сожаление. Анастас Иванович не советовал Снегову идти в КПК. Он выдал ему и его жене путевки в санаторий, немало денег и рекомендовал уехать и отдохнуть. Но Снегов настаивал, и Микоян позвонил Шкирятову, чтобы тот побыстрее решил его вопрос. И Шкирятов «побеспокоился» об этом. Когда Снегов пришел в КПК, Шкирятов попросил его подождать немного в приемной. Не прошло и получаса, как в приемную вошли четверо сотрудников НКВД. У них был подписанный Берией ордер на арест Снегова. Шкирятов был доверенным чело-

веком Берии, а последний помнил и ненавидел Снегова еще по работе в Закавказье в 1930—1931 годах *.

Страшная машина сталинского террора уничтожила в 1937—1938 годах большую часть партийных, советских, военных и хозяйственных кадров высшего и среднего звена. Но страна не могла оставаться без руководства, и на место уничтоженных или отправленных в заключение людей приходили новые. Для многих это было время стремительного продвижения вверх. Показательна в этом отношении судьба А. Н. Косыгина. Скромный работник из системы потребительской кооперации в Сибири, Косыгин в 1930 году поступил в Ленинградский текстильный институт, который окончил в 1935 году. Его направили мастером цеха на текстильную фабрику им. А. И. Желябова. Но уже в 1937 году Косыгин был назначен директором Октябрьской прядильно-ткацкой фабрики, в 1938 году он стал заведовать промышленно-транспортным отделом Ленинградского обкома партии, и в этом же году его избрали председателем Ленгорисполкома. В этот период с ним познакомился Микоян. Молодой и энергичный Косыгин понравился Микояну. Когда на следующий год было решено создать общесоюзный Наркомат текстильной промышленности, Микоян сказал Сталину, что в Ленинграде есть энергичный руководитель, который хорошо знает текстильное производство. Сталин согласился с Микояном, и Косыгин был срочно вызван в Москву. По приезде на перроне Ленинградского вокзала Алексей Николаевич узнал, что он уже назначен наркомом текстильной промышленности СССР.

---

* Свидетельство А. В. Снегова.

Микоян в годы войны

В 1939—1940 годах как нарком внешней торговли Микоян вел переговоры с немецкими экономическими делегациями и следил за аккуратным выполнением заключенных соглашений. Хотя сроки поставок немецкого оборудования срывались уже в 1940 году, поезда с продовольствием и сырьем шли из СССР в Германию едва ли не до 21 июня 1941 года.

Война решительно изменила положение и обязанности Микояна.

Еще перед войной, когда под контролем Микояна находились торговля, снабжение, производство товаров легкой и пищевой индустрии, он заявлял: *«Мы можем сказать, что когда Красной Армии потребуются во время войны продукты питания, то она получит вдоволь сгущенное молоко, кофе и какао, мясные и куриные консервы, конфеты, варенье и еще многое другое, чем богата наша страна»**.

Конечно, снабжение Красной Армии в годы войны не было столь уж обильным, но в основном удовлетворительным. Сразу же после начала войны Микоян возглавил Комитет продовольственно-вещевого снабжения Красной Армии. В 1942 году Анастас Иванович был введен в Государственный Комитет Обороны (ГКО) — высший орган власти в стране на период войны. Заслуги Микояна в снабжении армии были столь бесспорны, что еще в 1943 году, в разгар войны, ему было присвоено звание Героя Социалистического Труда. Вскоре после начала войны Микоян вошел в Совет по эвакуации. Этому Совету пришлось провести громадную работу по эвакуации в восточные и южные районы многих миллионов рабочих и служащих и тысяч промышленных предприятий. К началу 1943 года общее число эвакуированных составило около 25 миллионов человек. Когда

* Рабочая Москва. 1935. 24 янв.

Красная Армия, добившись перелома в войне, стала продвигаться на запад, Микоян вошел в Комитет при СНК СССР по восстановлению хозяйства освобожденных районов.

В сентябре 1942 года под Сталинградом в воздушном бою погиб сын Микояна Владимир. За месяц до этого Анастас Иванович, ни раньше ни позже не занимавшийся устройством судьбы своих сыновей, сам позвонил в командование ВВС и попросил учесть просьбу Владимира — направить его на Сталинградский фронт.

В это время Микоян был в Оренбургской области, где он как уполномоченный ЦК проводил хлебозаготовки. Печальную весть ему сообщил первый секретарь обкома Г. А. Денисов, свидетельство которого сохранилось: *«Я получил телеграмму из ЦК ВКП(б) с указанием срочно передать А. И. Микояну... Сообщать такую весть мне было крайне тяжело, но что делать. Я немедленно выехал в Павловский район, где находился Микоян. Передал ему телеграмму. Прочитав ее, он тихо сказал: «Поедем в Оренбург». Всю дорогу он молчал. Приехали поздно вечером, вошли в вагон, в котором Микоян прибыл и жил все дни во время пребывания в области. Я и другие товарищи постарались отвлечь его от тяжелых дум. Он извинился и попросил нас оставить его одного, сказав, что ему нужно поговорить по телефону с женой.*

На следующий день рано утром Микоян позвонил мне и попросил зайти к нему.

— Я должен сегодня уехать в Москву,— сказал он спокойным голосом,— а вы доведите до конца работу по заготовке хлеба,— и подробно пояснил, что следует сделать, чтобы обеспечить план поставок. Я удивился его самообладанию, о смерти сына он ничего не говорил, только бледность лица выдавала его горе» *.

* Цит. по: *Павлов Д. В.* Из записок наркома // Новая и новейшая история. 1988. № 6. С. 122—123.

Мы должны здесь отметить, однако, не только заслуги Микояна в годы войны. Как член ГКО и Политбюро он должен нести ответственность за все решения, принятые или одобренные этими высшими партийными и государственными инстанциями. Речь идет, в частности, о выселении целых народностей с их национальной территории на восток — в так называемые спецпоселения. В самом начале войны такая участь постигла немцев Поволжья, да и всех граждан СССР немецкой национальности. Затем были депортированы многие народности Северного Кавказа и татары из Крыма. В каждом случае вопрос о ликвидации той или иной национальной автономии и выселении целого народа Сталин выносил на утверждение Политбюро ЦК ВКП(б) и ГКО СССР. Справедливости ради надо отметить, что и в данном случае позиция Микояна, пусть и очень незначительно, но отличалась от позиции других членов советского руководства.

Еще в 1951 году в журнале «Социалистический вестник», который издавался группой меньшевиков-эмигрантов и считался одним из органов Социалистического интернационала, было опубликовано свидетельство некоего полковника Токаева, осетина по национальности, перебежавшего якобы на Запад в конце войны или сразу же после ее окончания. Он сообщил, что решение о ликвидации Чечено-Ингушской АССР было принято после обсуждения на совместном заседании Политбюро и ГКО 11 февраля 1943 года.

На заседании прозвучало два мнения. Молотов, Жданов, Вознесенский и Андреев предложили ликвидировать Чечено-Ингушскую АССР и немедленно выселить всех чеченцев и ингушей с Северного Кавказа. Ворошилов, Каганович, Хрущев, Калинин и Берия предложили повременить с выселением до полного освобождения Северного Кавказа от немецкой оккупации. К этому мнению присоединился и Сталин. Лишь один Микоян, согла-

шаясь в принципе, что чеченцы и ингуши должны быть выселены, высказал опасение, что депортация повредит репутации СССР за границей.

Трудные послевоенные годы

После окончания войны Микоян продолжал оставаться заместителем Председателя Совета Министров СССР, одновременно занимая и пост министра внешней торговли. Кроме того, он был вынужден решать и некоторые другие весьма «деликатные» вопросы. Именно Микояну было поручено разобраться в деле бывшего наркома авиационной промышленности М. М. Кагановича. Не были, конечно, секретом для Микояна и репрессии против большой группы ленинградских руководителей, а также аресты в Москве бывших ленинградцев А. А. Кузнецова, М. И. Родионова, председателя Госплана СССР Н. А. Вознесенского, нередко председательствовавшего на заседаниях Совета Министров СССР. Именно с Вознесенским Микоян должен был согласовывать свои проблемы. Лишь в редких случаях они обращались к Сталину, который не любил участвовать в заседаниях Совета Министров СССР.

В 1949 году состоялась свадьба Серго Микояна и дочери А. А. Кузнецова. Спустя сорок лет С. Микоян писал: *«Мы оформили брак 15 февраля того года, в день его снятия с работы, что было знаком грядущей трагедии.*

Горжусь своим отцом, хотя бы за его поведение в тот период. Он заставил А. А. Кузнецова приехать к нам домой на свадьбу 6 марта, когда тот уже понимал, что его появление никому не сулит добра. Разговор по телефону был при мне. Выслушивая аргументы Кузнецова (болен, устал, он нас уже поздравил в своем доме и т. д.), отец настаивал. Наконец тот сказал: «Я ведь да-

*леко, на даче, у меня нет машины».— «Я высылаю свою. Я жду, приезжай, обязательно приезжай». Вот таким он тоже бывал в сталинские времена...»**

В 1949—1951 годах, после конфликта с Югославией волна репрессий прокатилась по странам народной демократии. В период «пражской весны» в Чехословакии были опубликованы материалы, из которых следует, что именно Микоян вел от имени Сталина переговоры с К. Готвальдом, настаивая на отстранении и аресте Р. Сланского.

Мы уже говорили выше о сталинских обедах или ужинах. После войны Сталин часто приглашал к себе на дачу членов Политбюро, некоторых министров и военных поужинать и посмотреть кино. Это была почти всегда чисто мужская компания. Жена Сталина покончила с собой еще в 1932 году, и он после этого уже не женился. Члены Политбюро приезжали к нему также без жен. Лишь иногда на этих вечерах присутствовала дочь Сталина Светлана. Сталин часто заводил патефон, ставил пластинку и приглашал всех танцевать. Танцевали они плохо, но отказаться не могли, тем более что иногда и сам Сталин начинал танцевать. Единственным человеком, у которого это хорошо получалось, был Микоян, но он под любую музыку исполнял какой-нибудь кавказский танец, похожий на лезгинку.

С 1951 года Сталин все реже и реже приглашал к себе Микояна. Его не вызывали даже на заседания Политбюро. На XIX съезде партии Микоян не был избран и в президиум съезда. Конечно же, речь его на этом съезде изобиловала восхвалениями Сталину. Микоян был избран в ЦК КПСС, стал членом расширенного состава Президиума ЦК. Но не вошел в более узкий состав Президиума ЦК.

---

* *Микоян С.* Политическое долголетие // Книжное обозрение. 1989. № 1.

Сам Микоян спустя много лет так объяснял тучи, сгустившиеся над его головой: *«За три или четыре месяца до XIX съезда партии на ближней даче Сталина после обеда, как обычно, в гостиной, члены Политбюро вели между собой разговоры кто о чем, общей темы не было. Сталин, прохаживаясь посреди комнаты, неожиданно для нас сказал, что его годы дают себя знать, надо подумать, кто бы мог его заменить. «Как вы считаете,— обратился он к нам,— кого можно назвать преемником?»*

Возникла пауза, такой необычный, лобовой вопрос поставил нас в тупик. Молчание затянулось, Сталин продолжал ходить теми же неторопливыми шагами, раскуривая трубку, поглядывая то на одних, то на других, ждал ответа.

И вот я возьми и скажи, что наиболее достойным преемником среди нас считаю товарища Молотова. Он старейший член Политбюро, обладает опытом партийной работы, знает международные отношения, может продолжать проводимую вами политическую линию.

Когда я говорил, никто меня не перебивал, никаких реплик, только Сталин коротко сказал:

— Да, Молотов человек достойный.

На этом беседа закончилась.

Когда я вернулся к себе домой, продумав все как было и что мною было сказано, пришел к выводу, что я допустил грубейшую ошибку, никто из членов Политбюро меня не поддержал, а слова Сталина: «Да, Молотов человек достойный» были произнесены прохладным тоном... У меня с ним [Молотовым] были периоды дружной работы. Но были и острые разногласия, особенно из-за его отношения к руководящим кадрам. В работе у него преобладал стиль давления при обсуждении тех или иных вопросов, навязывания своей точки зрения даже в тех вопросах, где он явно был не прав. И все же при всем моем отрицательном отношении к его поступ-

кам, я назвал его, так как другого преемника из того состава Политбюро не видел.

Вскоре я заметил, что отношение Сталина ко мне круто изменилось, он избегал встреч со мной. На заседаниях Политбюро делал колкие замечания в мой адрес.

Я ждал грозы, и она разразилась на первом организационном Пленуме ЦК, сразу после XIX съезда партии. Аргументов против Молотова и меня у Сталина не было, ругани было много.

...Его недовольство Молотовым и мною, как я понимаю, вынашивалось им давно, скрытно, а приведенный случай дал ему повод ускорить решение. Молотов и я были старейшими членами Политбюро, он видел в нас свидетелей его темных дел. Зачем оставлять таких людей? При его обострившейся с годами болезненной подозрительности мы должны исчезнуть. Но довести задуманное им злодеяние до конца помешала неожиданная его смерть» *.

Многие считали, что Молотов и Микоян обречены, и ожидали скорой развязки. Внешне, однако, все продолжалось без изменений: Микоян напряженно работал в Совете Министров СССР.

Микоян в 1953—1956 годах

Сразу же после смерти Сталина составы Президиума ЦК КПСС, Секретариата ЦК и Совета Министров СССР были резко сокращены. Анастас Иванович вновь обрел твердое положение в самых высших звеньях советского и партийного руководства. В то время членов руководства в официальных сообщениях перечисляли не по алфавиту, а по месту в партийной иерархии. Хрущев сто-

* Цит. по: *Павлов Д. В.* Из записок наркома // Новая и новейшая история. 1988. № 6. С. 125—126.

ял на пятом месте — после Маленкова, Молотова, Берии и Кагановича. Микоян занимал в этих списках восьмое место — после Ворошилова и Булганина.

Микоян воздержался, однако, от развернувшейся сразу после смерти Сталина борьбы за власть. Готовясь к аресту Берии, Хрущев посвятил в свой план Микояна в последний момент, уже перед заседанием Президиума ЦК. Но Микоян занял осторожную позицию и не спешил присоединиться к сговору. Позиция Микояна очень беспокоила Хрущева, и он поделился своими опасениями с Маленковым. Но отступать было нельзя, и они открыли заседание Президиума ЦК. Первым выступил Хрущев, подробно обосновал вопрос о необходимости отстранения Берии и выражения ему политического недоверия. После Хрущева выступил Булганин, потребовав удаления Берии из руководства. Все остальные участники заседания также поддержали Хрущева. Иначе выступил Микоян. Он согласился со многими обвинениями против Берии, но тут же добавил, что Берия «учтет эту критику, что Берия не безнадежный человек, что в коллективе он может работать и может быть полезным» *.

После устранения Берии Микоян по всем основным вопросам поддерживал Хрущева. Он помог реабилитации и возвращению многих своих прежних друзей и сотрудников, некоторые из которых заняли ответственные посты в партийном и государственном аппарате. Он нередко встречался с родными тех своих прежних товарищей, которые были расстреляны. В 1954 году Микоян совершил поездку в Югославию, чтобы подготовить визит в эту страну советской партийно-правительственной делегации и соглашение о примирении.

Незадолго до XX съезда КПСС Хрущев предложил обсудить на съезде вопрос о преступлениях Сталина.

---

* *Хрущев Н. С.* Воспоминания. Избранные отрывки. Нью-Йорк, 1979. С. 152.

Почти все члены Президиума ЦК были против. Микоян не поддержал Хрущева, но и не выступил против. Однако Хрущев вернулся к этому вопросу уже во время работы самого съезда. Он заявил, что он обратится за решением к делегатам съезда. После трудных дискуссий с членами Президиума было решено, что Хрущев сделает доклад о Сталине на последнем заседании съезда, уже после выборов ЦК. Но еще раньше, за десять дней до того как Хрущев прочитал свой знаменитый секретный доклад, именно Микоян неожиданно, но вполне определенно и остро поставил вопрос о злоупотреблении Сталина властью. «В течение примерно 20 лет,— сказал Микоян,— у нас фактически не было коллективного руководства, процветал культ личности». Микоян подверг критике многие ошибки Сталина во внешней политике и заявил, что «Краткий курс истории ВКП(б)» неудовлетворительно освещает историю партии и что много ошибок имеется в работе Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР». Микоян не только сказал несколько теплых слов о Косиоре и Антонове-Овсеенко, репрессированных и погибших в конце 30-х годов, но и в более общей форме заявил, что в СССР нет еще настоящих марксистских трудов по истории гражданской войны и что многие партийные деятели времен гражданской войны были неправильно объявлены врагами народа и вредителями *. Большая речь Микояна сразу стала центральным событием съезда и вызвала оживленные комментарии международной прессы.

В своей книге «Великий поворот» бывший корреспондент итальянской коммунистической газеты «Унита» Дж. Боффо так описывал выступление Микояна:

«Микоян говорил страстно, быстро, наполовину глотая слова, как будто он боялся, что у него не хватит

* См.: XX съезд Коммунистической партии Советского Союза. 14—25 февраля 1956 года. Стенографический отчет. М., 1956. Т. 1. С. 302, 323, 325, 326.

времени сказать все, что он хочет. Было очень трудно следить за его речью. Но даже немногих фраз в начале речи было достаточно, чтобы захватить общее внимание. Царило абсолютное молчание. Имя Сталина было упомянуто в его речи только один раз. Но критические замечания по адресу умершего вождя были почти свирепы в их категорической определенности. В предшествовавших речах не было ничего подобного этому решительному осуждению. Когда он кончил говорить, зал был охвачен возбуждением. Делегаты громко обменивались мнениями. Следующего оратора никто не слушал» *.

После XX съезда именно Микоян руководил формированием примерно ста комиссий, которые должны были выехать во все лагеря и места заключения СССР, чтобы быстро осуществить пересмотр обвинений политических заключенных. Прокуратура СССР, которая до сих пор медленно занималась реабилитацией, вначале возражала против создания таких комиссий, наделенных правами реабилитации и помилования. Но после вмешательства Микояна Генеральный прокурор СССР Р. А. Руденко уступил. Однако тот же Микоян в своих выступлениях перед общественностью настойчиво призывал к соблюдению осторожности и умеренности в критике Сталина. Когда на собрании московской интеллигенции некоторые писатели горячо и убедительно требовали расширения и углубления критики культа личности, Микоян не сдержался и крикнул одному из ораторов: «Вы хотите раскачать стихию?!» **

В октябре 1956 года во время политического кризиса в Польше Микоян первым прибыл в Варшаву для оценки его масштабов и характера. В начале ноября, в дни восстания в Будапеште, Микоян вместе с Сусловым и Жуковым принимал решения, которые привели к его

* Цит. по газете «Русская мысль» (Париж). 1976. 5 февр.
** См.: *Свирский Г.* На лобном месте. Лондон, 1979. С. 136.

подавлению и формированию новых органов партийного и государственного руководства Венгрии.

Известно, что Микоян был дружен с Б. П. Шеболдаевым, сменившим его как партийный лидер Северного Кавказа. В 1937 году Шеболдаев был расстрелян, и Микоян молча воспринял это известие. Но в 1956 году после реабилитации Шеболдаева Микоян пригласил к себе сына погибшего друга и долго говорил ему о том, каким хорошим человеком и большевиком был его отец, с которым они вместе работали еще в Бакинской коммуне 1918 года.

Светлана Аллилуева в своей книге «Только один год» рассказывает, что уже после XX съезда КПСС она была приглашена в гости к Микояну, и тот подарил ей красивый медальон с портретом Сталина.

От июньского Пленума до XXII съезда КПСС

На июньском (1957 года) Пленуме ЦК КПСС, так же как и на предшествовавшем ему заседании Президиума ЦК, Микоян твердо стоял на стороне Н. С. Хрущева. Только на Пленуме он выступал дважды и говорил каждый раз больше часа. В сущности, из членов сталинского Политбюро Микоян оказался единственным человеком, который поддержал Хрущева. После июньского Пленума Анастас Иванович входил в число трех-четырех наиболее влиятельных людей в партии и государстве. Он часто выполнял ответственные дипломатические поручения, совершая официальные и неофициальные поездки в Индию, Пакистан, Китай и некоторые другие страны. В январе 1959 года Микоян прибыл в США, чтобы открыть советскую выставку и провести переговоры о возможном визите Н. С. Хрущева в Америку. Он часто и успешно выступал в различных аудиториях в США, и ему даже задали в шутку вопрос: не соби-

рается ли он выставить свою кандидатуру в сенат? Не слишком успешной была лишь встреча Микояна с руководством американских профсоюзов, где его встретили не особенно дружелюбно и почти загнали в угол вопросами. В конце встречи Микоян с удивлением заметил: «Руководители американских профсоюзов относятся к Советскому Союзу более враждебно, чем американские капиталисты, с которыми я встречался» *.

Микоян оказался первым из советских руководителей, посетивших Кубу после победы там революции. На встречи с Микояном и Кастро стекались громадные толпы кубинцев. Анастас Иванович вел переговоры о советском кредите Кубе, закупке кубинского сахара и установлении дипломатических отношений. На Кубе жил в это время Эрнест Хемингуэй, и Микоян посетил его. Он подарил писателю двухтомник его избранных произведений, недавно вышедший в СССР, но не смог внятно ответить на вопрос писателя, почему в СССР не издан до сих пор его главный роман — «По ком звонит колокол», о гражданской войне в Испании. Микоян обещал разобраться в этом вопросе. Конечно, он знал, что против издания романа возражала Долорес Ибаррури; Хемингуэй отнюдь не идеализировал в романе эту прославленную революционерку. Все же после возвращения Микояна вопрос об издании романа обсуждался на Президиуме ЦК и был решен положительно. Роман был переведен на русский язык, отрывок из него опубликовала «Литературная газета». В журнале «Звезда» (№ 1 за 1964 г.) появилась даже статья Р. Орловой «О революции и любви, о жизни и смерти...» (К выходу романа «По ком звонит колокол»). Роман вышел лишь тиражом в две тысячи экземпляров — «для служебного пользования» и только в 1968 году наконец был включен в собрание сочинений писателя.

* Цит. по: New Lider. 1959. 3 feb.

На XXII съезде партии выступление Микояна не было в центре внимания, он мало говорил о преступлениях Сталина, но критиковал антипартийную группу Молотова, Маленкова, Кагановича.

Хрущев нередко привлекал Микояна и к решению различных идеологических вопросов. Именно Микояну было, например, поручено разобраться в деле академика А. М. Деборина. Деборин был одним из наиболее известных советских философов 20-х годов, видным организатором философского образования в стране. Он создал свою группу «диалектиков», или «деборинскую школу», которая вела активную дискуссию против так называемых «механистов». По инициативе Сталина школа Деборина была вначале идейно опорочена как группа «меньшевиствующих идеалистов», а в конце 30-х годов почти все «деборинцы» были репрессированы. Самого академика не тронули, но он не имел возможности ни выступать, ни печататься. Микоян, конечно, и сам не понимал, что означает словосочетание «меньшевиствующий идеализм». Однако он не стал разбираться в хитросплетениях философских дискуссий 20-х годов или добиваться формальной отмены постановлений ЦК партии по философским вопросам, но дал указание опубликовать ряд больших работ Деборина по истории социологии и философии, которые были написаны еще в 30—40-е годы. Деборину дали также возможность вести группу аспирантов.

Получив от Твардовского рукопись повести А. Солженицына «Один день Ивана Денисовича», Хрущев не только сам прочел ее, но и дал Микояну. Тот высказался положительно о публикации повести, после чего Хрущев передал решение этого вопроса на рассмотрение Президиума ЦК КПСС.

Конечно, Микояну поручались и более трудные дела. Когда в Грозном вспыхнули беспорядки в связи с непризнанными отношениями между русским населением

и возвратившимися в республику чеченцами и ингушами, именно Микоян вылетел в Чечено-Ингушскую АССР, чтобы урегулировать конфликт. Дело обошлось без кровопролития и массовых арестов. Но на следующий, 1962 год в Новочеркасске во время волнений горожан, вызванных плохим продовольственным снабжением и повышением цен на мясо, молоко, масло и сыры, демонстрация рабочих была подавлена с помощью войск. Многие были арестованы. Позднее в частных разговорах Микоян заявлял, что лично он считал возможным провести переговоры с представителями рабочих. Невозможно установить точность этих свидетельств.

Карибский кризис

В конце 1962 года Микояну пришлось сыграть свою самую важную «роль» в мировой дипломатии. Это было в дни карибского, или кубинского, кризиса, когда СССР и США в течение нескольких дней находились на волосок от войны. За весь период после второй мировой войны мир не знал более опасного кризиса.

Карибский кризис был вызван, как известно, установкой на Кубе советских ракет среднего радиуса действия, оснащенных ядерным оружием. Это решение Хрущева было попыткой одним ударом изменить в пользу СССР стратегическое положение в мире и уравнять таким образом шансы СССР и США в возможностях нанесения ядерного удара с близкого расстояния. Известно, что Советский Союз был со всех сторон окружен американскими военными базами, а вдоль морских границ СССР в воздухе неизменно находились американские бомбардировщики с атомными бомбами на борту. Однако Хрущев и его советники неправильно оценили возможную реакцию США на советские действия. Неудача прямого вторжения на Кубу не остановила много-

численных попыток США свергнуть режим Фиделя Кастро. Когда президенту Кеннеди доложили данные фоторазведки, из которых было очевидно, что СССР начал размещение и монтаж на Кубе ракет «земля — земля», то Национальный Совет Безопасности США принял решение любыми средствами воспрепятствовать установлению советских ракет, которых было достаточно, чтобы в несколько минут стереть с лица земли десятки американских городов. Воздержавшись от немедленной интервенции и бомбардировки острова, чего требовали многие американские политики и военные, президент Кеннеди принял твердое решение — начать военную атаку против Кубы, если дипломатические усилия не приведут к быстрому успеху. 250 тысяч солдат и 90 тысяч морских пехотинцев стали готовиться к этой операции. Армия, флот и авиация США были подняты по тревоге во всех частях света. С одобрения западных стран США объявили морскую блокаду Кубы.

Хрущев был обеспокоен реакцией США. Он не хотел войны, но события неумолимо развивались в сторону военного конфликта. В ответ на удар по Кубе советские войска могли оккупировать Западный Берлин, но и это было бы почти наверняка началом войны с Западом. Хрущев начал поиски компромисса.

22 октября 1962 года президент Кеннеди выступил по телевидению с обращением к американскому народу, в котором подчеркнул, что блокада — это лишь первый шаг и что им отдан приказ о проведении в случае необходимости дальнейших военных действий. По свидетельству А. И. Алексеева, бывшего тогда послом СССР на Кубе, к этому времени все 42 советские ракеты и боеголовки к ним, а также воинский персонал находились на месте. Часть ракет была уже смонтирована и приведена в боевую готовность. Были также доставлены на Кубу стратегические бомбардировщики Ил-28.

Положение ухудшалось с каждым днем, даже с каж-

дым часом. Перелом в развитии кризиса определился только 26—27 октября, когда Хрущев впервые публично признал наличие советских наступательных ракет на Кубе и когда стало очевидно, что действия США — не простая демонстрация. Но и позиция президента Кеннеди подвергалась корректировке. 27 октября советскими зенитками над Кубой был сбит американский разведывательный самолет У-2. Летчик погиб. *«Обстановка в США накалилась до предела,— пишет А. И. Алексеев.— Президент, подвергавшийся сильному нажиму «ястребов», требовавших немедленного возмездия, расценил это событие как решимость СССР не отступать перед угрозами, даже с риском начала ядерной войны. Если до этого он придерживался арсенала традиционных военно-политических средств, то теперь понял, что только дипломатия, только равноправные переговоры и компромиссы могут стать эффективным средством разрешения кризиса»* *.

Хотя понимание необходимости искать дипломатические пути выхода из тупика стало взаимным, опасность неконтролируемого развития событий сохранялась. С 23 по 28 октября Хрущев и Кеннеди ежедневно обменивались письменными посланиями. С этими документами Алексеев знакомил Ф. Кастро, который таким образом тоже участвовал в переписке. Положение затруднялось тем, что Кастро самым решительным образом возражал против удаления советских ракет с Кубы и даже распорядился окружить район установки ракет своими солдатами. США, в свою очередь, наотрез отказались вести любые переговоры с Кубой или же трехсторонние переговоры с ее участием — диалог шел только между Москвой и Вашингтоном.

Вечером 27 октября через брата президента Роберта Кеннеди, то есть по неофициальным каналам, советско-

* *Алексеев А. И.* Карибский кризис. Как это было // Эхо планеты. 1988. № 33. С. 31.

му руководству была передана информация о том, что военное командование США готовится к началу непосредственных боевых действий против Кубы. Сопоставив эти сведения с позицией кубинского руководства, Хрущев принял единственно правильное решение.

В ночь на 28 октября Советское правительство без консультации с Кастро решило принять условия Кеннеди, по которым в обмен на демонтаж и вывоз советских ракет американцы обязались не нападать на Кубу и удержать от подобных действий своих союзников.

«Последнее письмо Председателя Совета Министров СССР Н. С. Хрущева,— вспоминает Алексеев,— было передано открытым текстом по Московскому радио. Позднее, во время визита Ф. Кастро в СССР в мае 1963 года, Хрущев рассказывал, что такая поспешность была вызвана полученными из США достоверными данными о принятом американским военным командованием решении начать 29 или 30 октября бомбардировку советских ракетных установок и кубинских военных объектов с последующим вторжением на остров. Хрущев сказал, что ночь на 28 октября все члены Президиума ЦК КПСС провели в Кремле, готовя последнее письмо американскому президенту. По его словам, текст послания начал передаваться по радио, когда его конец не был отредактирован. Поэтому, говорил Хрущев, у советского руководства не оставалось времени, чтобы согласовать свое решение с Гаваной: мир висел на волоске» *.

Кастро, однако, тогда не поддержал решение советского руководства. Он избегал встреч с советским послом, проводя в то же время совещания с кубинскими военачальниками и выступая на митингах с призывами «крепить единство» и «быть готовыми к отпору». В это же время Кастро предъявил США весьма радикальные

---

* *Алексеев А. И.* Карибский кризис. Как это было // Эхо планеты. 1988. № 33. С. 32.

«Пять требований кубинского народа», которые американцы не стали даже рассматривать. СССР формально поддержал эти пять пунктов, содержащие требование немедленного прекращения всех форм давления на Кубу, но не стал настаивать на том, чтобы они легли в основу переговоров с США. В этих условиях позиция Кастро, фактически блокировавшего достижение окончательной договоренности, ставила под угрозу мирное преодоление кризиса.

Нужен был умелый, авторитетный и пользующийся доверием как советского, так и кубинского руководства посредник, способный дать новый импульс готовым зайти в тупик переговорам. Выбор Хрущева пал на Микояна, который еще в 1960 году немало времени провел на Кубе, где подписал первые очень важные для нее соглашения по торговле и о хозяйственной помощи молодой республике. Микоян открыл здесь и первую советскую торгово-промышленную выставку. Он установил личные дружеские отношения с Фиделем Кастро и другими кубинскими руководителями, способствовал восстановлению дипломатических отношений между нашими странами.

29 октября Советское правительство приняло решение направить на Кубу Микояна, 2 ноября он прибыл в Гавану. Накануне его приезда Кастро категорически отверг предложение посетившего Кубу исполняющего обязанности Генерального секретаря ООН У Тана об инспекции над демонтажем и вывозом советских ракет.

Вначале Кастро принял Микояна довольно натянуто. Но перед первой рабочей встречей 3 ноября, раньше, чем об этом сообщили самому Микояну, Кастро узнал о поступившей из Москвы телеграмме от Хрущева, в которой сообщалось о смерти жены Микояна Ашхен. Хрущев выражал свои соболезнования и писал, что Микоян должен сам принять решение, возвращаться ли ему в Москву.

Микоян уединился в своем номере в советском посольстве. С Ашхен он прожил в мире и согласии сорок лет, она родила ему пятерых сыновей. Когда-то он просил Ашхен не спешить выходить за него замуж, потому что не надеялся прожить долго и не хотел оставлять ее вдовой. И вот она умерла, и в последнюю минуту его даже не было рядом с ней...

Когда спустя некоторое время Микоян вышел к ожидавшим его сотрудникам посольства, он сказал, что в Москву вылетит прибывший вместе с ним сын Серго, а сам он останется вести переговоры.

Этот поступок Микояна сломал лед в начавшихся переговорах. Кастро не стал протестовать против одностороннего решения советского руководства, хотя и занимал по-прежнему радикальные позиции. Переговоры шли трудно, Микоян вел их почти круглосуточно. Путем взаимных уступок и компромиссов в конце концов удалось достичь соглашения по ключевым вопросам. Советские ракеты, самолеты Ил-28 и торпедные катера были вывезены с Кубы. Инспекция могла фотографировать и наблюдать незачехленные ракеты на советских судах в международных водах.

20 ноября президент Кеннеди объявил о снятии блокады, а Хрущев отменил состояние повышенной боевой готовности в советских войсках. Карибский кризис был преодолен.

Кризис был ликвидирован с минимальной потерей престижа СССР. Отношения между СССР и США даже улучшились, что позволило в 1963 году заключить договор о частичном запрещении испытаний ядерного оружия — одно из важнейших соглашений в области ограничения гонки вооружений и охраны окружающей среды.

Роль Микояна в дни карибского кризиса была очень значительна, хотя он действовал чаще всего в тени как посредник между Хрущевым, Кеннеди и Кастро. Во время одного из полетов в Вашингтон у самолета «Боинг»

загорелся сначала один, а потом и второй мотор. В салоне началась паника. Микоян был здесь с группой советских экспертов, среди которых находился и один из его сыновей. Микоян призвал к спокойствию. «Будьте мужчинами»,— сказал он и продолжал беседовать со своими спутниками на темы, далекие от их вероятной и скорой гибели. К счастью, экипаж сумел справиться с ситуацией и посадить самолет.

Ровно через год после трудных переговоров с президентом Микоян снова вылетел в США во главе советской делегации на похороны Джона Кеннеди, убитого в Далласе из снайперской винтовки.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР

В 1963 году Л. И. Брежнев был избран вторым секретарем ЦК КПСС. Возник вопрос о переизбрании Председателя Президиума Верховного Совета СССР. В июле 1964 года на этот пост был избран А. И. Микоян. В августе того же года Микоян подписал Указ о реабилитации немцев Поволжья и других лиц немецкой национальности, незаконно осужденных и депортированных в восточные районы СССР еще в 1942 году. Однако Автономная республика немцев Поволжья не была восстановлена, и многие проблемы национальной жизни советских немцев так и не были решены. Хрущев обсуждал с Микояном планы реорганизации Верховного Совета СССР и расширения его функций в системе высших органов власти. Предполагалось, в частности, сделать более длительными и деловыми сессии Верховного Совета. У Хрущева в этот период возникла идея превратить Верховный Совет в некое подобие социалистического парламента, и он считал Микояна подходящей фигурой для руководства этой реформой, которая, однако, не была даже начата.

Всего через три месяца после своего избрания главой государства Микоян подписал Указ об освобождении Хрущева от обязанностей Председателя Совета Министров СССР. Первым секретарем ЦК КПСС стал Л. И. Брежнев, главой Советского правительства — А. Н. Косыгин.

В западной печати появлялись сообщения о том, что Микоян якобы играл видную роль в подготовке смещения Хрущева и что он выехал в начале октября 1964 года на юг вместе с Хрущевым, чтобы отвлечь его и быстро парализовать его возможные ответные действия. Это явные домыслы. Микоян действительно отдыхал в октябре 1964 года недалеко от Хрущева, и их обоих вызвали в Москву на заседание Президиума ЦК. Но все факты свидетельствуют о том, что Микоян был единственным членом Президиума ЦК, кто не участвовал в предварительных переговорах о смещении Хрущева. На расширенном заседании Президиума ЦК КПСС 13 октября только Микоян защищал Хрущева. «Хрущев и его политика мира,— говорил Микоян,— это важный политический капитал партии, которым нельзя пренебрегать». Поздно ночью был сделан перерыв, и Хрущев вернулся домой отдохнуть. Здесь он понял, что сопротивление уже бесполезно, и первый, кому он позвонил, был Микоян. Хрущев сказал ему, что согласен написать заявление об отставке.

Микоян, вероятно, единственный из членов Президиума ЦК, кто в своих устных выступлениях о результатах октябрьского Пленума ЦК КПСС говорил не только о недостатках, но и о заслугах Хрущева. Он говорил, например, на партийном собрании завода «Красный пролетарий» в декабре 1964 года:

«Заслуг Хрущева мы отрицать не можем, они большие — в борьбе за мир, в ликвидации последствий культа личности, в развертывании социалистической демократии, в подготовке и проведении важнейших съездов —

XX, XXI, XXII, в принятии Программы партии. Но чем дальше, тем больше у т. Хрущева накапливались ошибки и серьезные недостатки в его работе и руководстве. Эти недостатки были в значительной мере порождены субъективными моментами, влиянием возраста и склеротического состояния. Хрущев стал раздражителен, суетлив, несдержан, неспокоен. Больше трех часов на одном месте он работать не мог, он тянулся к беспрерывному движению, к поездкам. У него была склонность во всех своих мероприятиях к импровизациям, к решению задач с ходу... Раздражительность, нетерпимость к критике — эти черты не нравились даже тем товарищам, которых он выдвинул на руководящую работу. Когда стало плохо в сельском хозяйстве, Хрущев не стал искать глубоких объективных причин, а встал на путь дерганья людей, перемещения их... Хрущев страдал организационным зудом, склонностью к беспрерывным реорганизациям... Считаю, что с Хрущевым поступили по Уставу. Весь состав Президиума остался почти без изменений. В составе Президиума три поколения: старое — это я и Шверник; среднее — это Брежнев, Косыгин, Подгорный; молодое — Шелепин, хотя по возрасту он не так уж молод. Брежневу и Косыгину по 56 лет. Шелепину — 46 лет... Итак, сделано хорошее дело. Сейчас в руководстве ЦК создана нормальная обстановка, все высказываются свободно, а раньше говорил один Хрущев. Сейчас на деле осуществляется ленинское руководство, ЦК имеет большой опыт, изменения пойдут на пользу народу, и скоро он почувствует это на деле» *.

В нашей стране пост Председателя Президиума Верховного Совета СССР до последнего времени не был особенно обременительным. Однако Микоян был не только формальным главой государства. Огромный опыт,

* Микоян ошибся, указав возраст своих коллег. В 1964 году, в декабре, Брежневу исполнилось 58 лет, Косыгину — 60.

знания, гибкий ум, авторитет одного из последних членов ленинской «гвардии» делали его весьма влиятельным в составе нового «коллективного руководства». С ним нельзя было не считаться. Умный и осторожный, он не давал, казалось бы, никакого повода для устранения его от власти. И все же такой повод был найден. Через некоторое время после октябрьского Пленума в ЦК КПСС было принято решение — не оставлять на активной политической и государственной работе членов партии старше 70 лет. В принципе это было разумное решение. В 1964 году большинству членов Президиума и Секретариата ЦК не исполнилось еще 60 лет. 82-летний О. В. Куусинен умер в мае 1964 года. 76-летний Н. М. Шверник занимал пост председателя Контрольной Партийной Комиссии — этот пост тогда не требовал слишком большой «активности».

Из «стариков» под новое решение подпадал только Микоян — в ноябре 1964 года ему исполнилось 69 лет. Через год — в конце ноября 1965 года — Анастас Иванович подал заявление об отставке, ссылаясь на преклонный возраст. Отставка была принята.

Работа Микояна в Президиуме Верховного Совета не была отмечена особо яркими событиями. Упомяну лишь о Якубовиче, бывшем сотруднике Наркомата торговли, который был освобожден после 25-летнего заключения, но не был реабилитирован и остался жить в Караганде в Тихоновском доме инвалидов. Здоровье Якубовича несколько поправилось, и он стал писать небольшие литературные эссе, пьесы на исторические темы и очерки о тех деятелях большевистской партии, которых он когда-то встречал (о Каменеве, Зиновьеве, Троцком, Сталине). В 1964 году Якубович смог приехать в Москву. Я помог ему тогда перепечатать его записи на пишущей машинке — это было время, когда начинался так называемый «самиздат». По совету друзей Якубович написал письмо Микояну с просьбой помочь в реабили-

тации. Многие думали, что новый «всесоюзный староста» не обратит внимания на трудности своего бывшего сотрудника. Но Микоян принял Якубовича. Он сразу сказал, что пока не может помочь в пересмотре политических судебных процессов 1930—1931 годов. Ведь еще не были пересмотрены политические процессы 1936—1938 годов. Однако Микоян позвонил первому секретарю ЦК КП Казахстана Д. А. Кунаеву и попросил улучшить условия жизни Якубовича, который, как сказал Микоян, несправедливо пострадал в годы культа. Якубович не просил о переезде в Москву.

Ему выделили в доме инвалидов отдельную комнату и назначили пенсию 120 рублей в месяц, что позволило ему потом больше работать и чаще приезжать в Москву.

Микоян был осторожен и старался не вступать в конфликт с Брежневым.

Уже в мае 1965 года в связи с 20-й годовщиной победы в Отечественной войне нашей пропагандой все более настойчиво стала проводиться частичная реабилитация Сталина. Когда на торжественном юбилейном собрании Брежнев произнес имя Сталина, большая часть зала зааплодировала. Микоян отнюдь не возражал против подобного изменения акцентов в агитации и пропаганде. На партийном собрании того же завода «Красный пролетарий», где Микоян 14 мая 1965 года выступил с небольшой речью, ему были переданы две записки, которые он прочел. В одной из них было сказано: «Я видел по телевидению, какими аплодисментами были встречены слова Брежнева о Сталине. Как Вы к этому относитесь?» В другой говорилось: «Почему, вспоминая о Сталине как главе Государственного Комитета Обороны, Брежнев ничего не сказал о вине Сталина в наших поражениях в первые месяцы войны? Почему Брежнев не сказал, что перед войной было арестовано и уничтожено много тысяч коммунистов, что Сталин отверг предупреждение о готовившемся нападении Гитлера?»

Отвечая на эти записки, Микоян заявил: *«Брежнев совершенно правильно сказал о Сталине. Сталин действительно возглавлял Государственный Комитет Обороны и осуществлял руководство по мобилизации отпора врагу, и здесь он играл выдающуюся роль. Это соответствует исторической правде. Что касается виновности Сталина, затронутой в записке, то ЦК, обсуждая доклад Брежнева, не счел целесообразным в юбилейную дату на торжественном собрании, посвященном победе над гитлеризмом, говорить о недостатках и просчетах Сталина. Сталин во время войны делал меньше ошибок, чем до войны и после войны с 1948 года, хотя у него и в это время были серьезные ошибки: разгром кадров, выселение народностей с Кавказа, «ленинградское дело». А в целом его вклад в обеспечение победы не следует умалять... жизнь — сложное дело. Люди меняются, они совершают ошибки, их много у каждого. Наша жизнь полна страстей. Придет время, они улягутся, все успокоится, займет место здравый смысл»* *.

Процедура ухода Микояна с поста главы государства была обставлена весьма торжественно. Произносились благодарственные речи. Микоян был награжден шестым орденом Ленина. Он остался при этом не только депутатом Верховного Совета от одного из округов Армении, но и членом Президиума Верховного Совета СССР. На XXIII съезде КПСС в 1966 году и на XXIV съезде в 1971 году Микоян избирался членом ЦК. Но он уже не входил в состав Политбюро.

---

* Запись сделана старыми большевиками И. П. Гавриловым и Е. П. Фроловым.

Микоян в последние годы жизни

В последние годы своей жизни Микоян все меньше и меньше уделял внимания государственным делам. Он не искал встреч с Брежневым или Косыгиным, но ни разу не посетил также и Хрущева. В 1967 году Микоян проявил интерес к судьбе советского историка А. М. Некрича, исключенного из партии за книгу «1941. 22 июня». Она вышла в свет еще в 1965 году и была разрешена к изданию советской цензурой. Микоян попросил своих друзей дать ему для чтения книгу Некрича и некоторые материалы по его делу. Он выразил удивление, что Некрича исключили из партии, но не стал вмешиваться.

Хотя Микоян отошел от власти без конфликтов и оставался все еще членом ЦК КПСС и членом Президиума Верховного Совета СССР, его неожиданно лишили ряда привилегий. Особенно болезненным было для него распоряжение покинуть государственную дачу под Москвой. Это был большой дом, почти имение, в котором до революции жил богатый кавказский купец и где после революции Микоян прожил с семьей половину своей жизни. В несколько раз было сокращено и число людей, обслуживавших Микояна.

Еще во времена Хрущева все ответственные работники ЦК КПСС были «раскреплены» по различным первичным партийным организациям. Микоян встал на учет в партийной организации завода «Красный пролетарий». Микоян регулярно приходил на партийные собрания и конференции этого завода, иногда выступал с речами или отвечал на многочисленные записки. Нередко выступал с воспоминаниями в других организациях.

Однажды, это было в 1969 или 1970 году, меня пригласили на собрание в научный институт, где работал директором П. Л. Капица. Ожидалось выступление Микояна. Зал был переполнен, но Микояна встретили бо-

лее чем холодно, многие видели в нем в первую очередь соратника Сталина. Только один из сидевших в зале вдруг вскочил и стал аплодировать, но его никто не поддержал. Микоян не смутился. Без всяких бумажек, не поднимаясь на кафедру, Микоян рассказал нам несколько интересных эпизодов из истории 20-х годов. Потом он привел немало примеров бессмысленных и жестоких репрессий Сталина в среде ученых и технической интеллигенции. Микоян, естественно, осудил эти преступления. Аудитория слушала его со все большим вниманием. Рассказав о некоторых проблемах торговли и снабжения в 30-е годы и в годы войны, Микоян незаметно перешел к истории карибского кризиса, и все мы впервые узнали о той большой роли, которую сыграл он в предотвращении войны, да и вообще о том, насколько СССР и США были близки в те дни к катастрофе. В заключение Микоян рассказал о похоронах Кеннеди, в которых приняли участие почти все главные политические деятели западного мира. Микоян представлял СССР в Вашингтоне и вел с некоторыми из деятелей Запада неофициальные переговоры. Закончив свои воспоминания, Микоян умело и остроумно ответил на многочисленные вопросы, в том числе и весьма щекотливые. Когда председательствующий объявил об окончании вечера, слушатели встали и устроили ему овацию.

В середине 60-х годов Микоян начал писать мемуары. Отрывки из них публиковались в «Юности» и других журналах. Потом начали появляться книги «Мысли и воспоминания о Ленине» (1970), «Дорогой борьбы» (1971), «В начале двадцатых...» (1975).

Воспоминания Микояна вызвали большой интерес, их перевели и издали во многих странах. Но издавать да и писать эти мемуары становилось все труднее. Как свидетельствует сын Анастаса Ивановича Серго Микоян, уже «вторая книга, названная «В начале двадцатых...», подверглась суровому редактированию и даже неавтор-

ским дополнениям, сделанным по требованию отнюдь не всегда последовательных рецензентов. Если речь, например, шла о том, что особенно запомнилось автору на X и XII съездах партии, рецензентом отмечалось, что работа съезда этим не ограничивалась и нужны дополнения. Вместе с тем автору бросался упрек, что он должен писать не историю партии, а личные воспоминания. Зато когда рецензент переходил именно к воспоминаниям личного характера, то обвинял автора в субъективных оценках или даже нескромности. Оценки дискуссий, отдельных лиц предлагалось переписать и дополнить в духе тогдашних изданий «Истории КПСС». Микоян А. И. возмущался, спорил. Однако желание видеть свои воспоминания опубликованными при жизни (а ему уже было почти 75) заставляло уступать. Ему вписывали целые пассажи (например, против Бухарина), вычеркивая многое, что автору было дорого. Сегодня мы можем по-разному относиться к этому, даже упрекнуть его в подобной уступчивости, однако следует учитывать, что он не видел просвета в застойной атмосфере тех лет, а собственных лет ему оставалось все меньше и меньше... Эту вторую книгу все же выпустили в 1975 году, без фотографий и малым тиражом».

Было известно, что Микоян написал и даже подготовил к изданию еще одну книгу — «Годы, события, встречи». В тематическом плане Издательства политической литературы она была объявлена на 1978 год. Как правило, я делал предварительные заказы на книги этого издательства. Но книгу Микояна я не получил, не появилась она и в библиотеках. Сегодня его сын внес на этот счет ясность:

«С третьей книгой дело обстояло еще хуже. Ко времени работы над ней А. И. Микоян уже не избирался членом ЦК КПСС (в котором состоял с 1922 года), не выдвигался в депутаты Верховного Совета СССР. Правда, иногда ему делались предложения развить в какой-ни-

*будь статье или речи тему «От Ильича до Ильича...», и тогда, мол, «все будет хорошо». Но он категорически отвергал такого рода предложения...»**

«С рукописью третьей книги и вовсе не церемонились. Доктор наук Абрамов из ИМЛ написал разносную рецензию, местами просто оскорбительную по тону. Делалось это по команде Суслова. После смерти Микояна, выдержав для приличия месяца полтора, редактор из Политиздата вызвала меня, чтобы вернуть рукопись и сообщить, что ее больше нет в плане. От друзей в Госкомиздате я узнал, что это было сделано по личному распоряжению Суслова» **.

По свидетельству Серго Микояна, литературное наследие его отца еще достаточно велико. Ожидает издания книга очерков о Великой Отечественной войне и книга очерков о различных зарубежных миссиях автора. Кое-какие из этих очерков уже опубликованы в «Огоньке», в журнале «Вопросы истории», в «Военно-патриотическом журнале». Но Микоян воздержался написать что-либо о временах и деяниях Сталина или Хрущева и их окружении. По этим книгам мы можем судить о его исключительной памяти. Микоян рассказывает читателям о мелких разногласиях в Нижегородском губкоме партии в 1921—1922 годах, но ничего не говорит о деятельности Политбюро конца 20-х годов, а тем более о событиях 30-х годов. Осторожность оставалась характерной чертой Микояна до самых последних дней его жизни. *«Какую бы историю мы имели, если бы Анастас Микоян дал нам свои истинные воспоминания!» — восклицал американский советолог и историк А. Улам в своей книге о Сталине. «Размышляя об искусстве политического продви-*

---

* *Микоян С.* Предисловие к статье А. И. Микояна «В первый раз без Ленина» // Огонек. 1987. № 50. С. 4.

** *Микоян С.* Политическое долголетие // Книжное обозрение. 1989. № 1.

жения,— писал далее Улам,— мы обращаемся обычно к примеру Талейрана. Но Талейран был дилетантом, а не профессионалом по сравнению с Микояном». Когда Улам писал свою книгу, Микоян был еще жив, и потому к сказанному выше Улам добавлял: «Когда Микоян умрет, мы можем быть уверены, что его убитые горем коллеги будут нервозно и тщательно изучать каждый лоскуток бумаги, который он оставит» *.

Улам был близок к истине. Микоян мало писал, и свои воспоминания он наговаривал на магнитную ленту. Большая часть ее сохранилась у родных. Но кроме того в московской квартире Анастаса Ивановича имелся огромный сейф, о содержимом которого знал он один. Как только стало известно о смерти Микояна, в его квартиру пришли сотрудники из Института марксизма-ленинизма и из органов, которые принято у нас называть «компетентными». У них был мандат на осмотр архива, и они унесли все бумаги, которые сочли нужным изъять. Однако никто из них не мог вскрыть сейф Микояна. Потребовалась тщательная работа специалистов по сейфам. Его содержимое также было изъято «для изучения». Такова, впрочем, судьба личных архивов почти всех людей, занимавших очень ответственные посты.

Смерть Микояна

С 1975 года Микоян уже не участвовал в работе Верховного Совета и почти нигде не выступал. На XXV съезде КПСС в 1976 году он не присутствовал и не был избран в новый состав ЦК. Он вел теперь жизнь пенсионера, встречаясь с немногими из оставшихся в живых друзьями и многочисленными членами своей семьи. Микоян часто болел. В середине октября 1978 года у него

* *Ulam A. B.* Stalin: The Man and His Era. N. Y., 1973. P. 392.

появились признаки сильного воспаления легких. Спасти его не удалось, и 21 октября 1978 года Микоян умер.

В извещении о его смерти, появившемся 23 октября в газетах, ничего не говорилось о времени и месте похорон. Краткость этого извещения и фраза о смерти «старейшего члена КПСС, персонального пенсионера Микояна Анастаса Ивановича» давали повод предполагать, что похороны Микояна будут проходить так же, как и похороны Хрущева, гроб с телом которого сразу из морга отвезли на Новодевичье кладбище. Немногие знали, что такова была воля покойного. Даже сыновья и родственники Микояна не знали, будет ли вообще проводиться гражданская панихида. Решение о процедуре похорон было принято только 23 октября. 24 октября в «Правде» и других газетах был опубликован некролог, подписанный всеми членами Политбюро ЦК. Однако и в этот день в печати не было никаких сведений о месте и времени прощания с бывшим Председателем Президиума Верховного Совета. Это дало повод друзьям говорить о «полусекретных похоронах» Микояна. Гражданская панихида состоялась 25 октября в зале Дома ученых на Кропоткинской улице. Доступ к гробу не был свободным, и время прощания было ограничено несколькими часами. Мимо гроба проходили в основном специально отобранные делегации некоторых московских заводов и учреждений. «Неорганизованные» граждане в здание Дома ученых не допускались. В Москву прилетели представители Армении во главе с руководителями этой республики. Они встали в почетный караул у гроба своего земляка...

Молодой Микоян хоронил Ленина. Он сопровождал его гроб из Горок в Москву и стоял на сколоченной наспех трибуне на Красной площади. Микоян хоронил Сталина и выносил гроб с его телом из Дома Союзов. Когда умер Хрущев, на его могилу был положен венок «Дорогому другу от А. И. Микояна». Теперь хоронили

самого Микояна. В почетный караул возле гроба становились по очереди министры СССР, члены Президиума Верховного Совета СССР. В середине дня для прощания прибыли члены Политбюро: Л. И. Брежнев, В. В. Гришин, А. П. Кириленко, А. Н. Косыгин, М. А. Суслов, Д. Ф. Устинов.

Мы не будем пересказывать здесь те речи, которые произносились в Доме ученых и на траурном митинге, состоявшемся в тот же день на Новодевичьем кладбище. Политическое долголетие Микояна объясняется не только удачей или хитростью, гибкостью, умением уступать силе или идти на компромиссы. Дело было, пожалуй, не в исключительных дипломатических, а скорее в деловых талантах этого человека.

Микоян часто смотрел смерти в лицо. Его могли бы похоронить в 1920 году в Баку среди его друзей — бакинских комиссаров. Его могли бы расстрелять в 1937 году, как многих других членов ЦК и народных комиссаров. Впрочем, его прах мог бы покоиться на Красной площади возле Мавзолея Ленина. Он же нашел последний приют рядом с могилой своей жены Ашхен на Новодевичьем кладбище.

Красный маршал Ворошилов

Человек и легенда

Как политическая личность Климент Ефремович Ворошилов значительно уступал многим другим деятелям из окружения Сталина по своему влиянию, но столь же заметно превосходил их по своей легенде. Ворошилов не обладал умом, хитростью и деловыми качествами Микояна, у него не было организаторских способностей, активности и жестокости Кагановича, а также канцелярской работоспособности и «каменной задницы» Молотова. Ворошилов не умел ориентироваться, подобно Маленкову, в хитросплетениях аппаратных интриг, ему недоставало огромной энергии Хрущева, он не обладал теоретическими знаниями и претензиями Жданова или Вознесенского и даже как полководец Ворошилов больше понес поражений, чем одержал побед. Но может быть, именно из-за отсутствия каких-либо выдающихся способностей он дольше других сохранил свое место в верхах партии и государства. И чем меньшими были реальные достижения Ворошилова как руководителя, тем больше различных легенд возникало вокруг его имени.

Ведь с нами Ворошилов,
Первый красный офицер,
Сумеем кровь пролить
За СССР,—

пели пионеры уже в 1926 году.

«Когда нас в бой пошлет товарищ Сталин, и первый маршал в бой нас поведет...», «Красный маршал Ворошилов, погляди на казачьи богатырские полки...» — это слова из предвоенных красноармейских песен.

Многочисленные биографии Ворошилова стали появляться еще в те годы, когда Сталин с показной скромностью говорил: «Не пришло еще время писать биографию Сталина».

Ворошилов обладал незаурядной личной храбростью, и как военному ему приходилось нередко оказываться в сложных переделках. Но он отдавал себе отчет в скромности своих умственных способностей и сам искал политического покровителя и руководителя. Именно такой человек был очень нужен Сталину во главе военного ведомства. Но такому человеку было легче сохранить свое место и при всех его преемниках.

Трудное детство

К. Е. Ворошилов родился 4 февраля 1881 года в семье отставного солдата, сторожа на железной дороге Ефрема Ворошилова. Мать Клима — Мария Васильевна — работала кухаркой и прачкой. Это была бедная семья, где все были неграмотны, в том числе и маленький Клим, которому уже в десять лет пришлось работать подпаском, а в одиннадцать — подсобным рабочим на руднике недалеко от Луганска, одного из промышленных центров Донецкого бассейна. Вскоре мать забрала его с тяжелой работы на руднике, и он смог в течение двух сезонов посещать земскую начальную школу. С пятнадцати лет Ворошилов начал работать на металлургическом заводе в городе Алчевске, сначала курьером, потом помощником машиниста на водокачке, слесарем в электротехническом цехе, машинистом крана в чугунолитейном цехе. Здесь, в Алчевске, семнадцатилетний Клим

вступил в социал-демократический кружок и прочел «Манифест Коммунистической партии» Маркса и Энгельса. Он участвовал в первой забастовке, был арестован, уволен с работы и затем в течение трех лет скитался по южным губерниям России, перебиваясь случайными заработками.

В 1903 году Ворошилов возвращается в Донбасс и устраивается на работу в Луганске на паровозостроительный завод Гартмана. В Луганске в этом же году была создана городская социал-демократическая организация, в которую вступил и Ворошилов. Он примкнул к большевистской фракции и вскоре стал членом ее городского комитета.

Профессиональный революционер

Революционные события 1905 года всколыхнули рабочий Донбасс. В Луганске Ворошилов возглавил не только городской большевистский комитет, но и Совет рабочих депутатов. Под его руководством проходили забастовки и манифестации луганских рабочих. Летом 1905 года Ворошилова арестовали, но вскоре он был освобожден под залог по требованию многотысячной демонстрации.

В начале 1906 года Ворошилова избрали от луганских социал-демократов делегатом на IV съезд РСДРП. Там он впервые встретился с Лениным. Он также познакомился и подружился со Сталиным, которого знали в партийных кругах еще под именем Коба, а также под партийным псевдонимом Иванович. У Ворошилова был партийный псевдоним Володя или Володин. Участие в работе Стокгольмского съезда Ворошилов сочетал с закупкой оружия для боевых групп луганских рабочих. Он организовал несколько транспортов с оружием из Финляндии. С помощью Ворошилова в Луганске была

организована подпольная типография, и под его редакцией стала выходить местная большевистская газета «Донецкий колокол».

В 1907 году Ворошилов приехал в Лондон для участия в V съезде РСДРП. На съездах партии он познакомился со многими известными большевиками той эпохи, но особенно близко сошелся с М. В. Фрунзе и М. И. Калининым. В 1907 году Ворошилов встретился с Екатериной Давыдовной Горбман, которая стала вскоре его женой.

Революция 1905—1907 годов закончилась поражением. Была разгромлена и луганская организация большевиков. Ворошилова вновь арестовали и сослали в Архангельскую губернию. Он бежит из ссылки на юг, в Баку, где в 1908 году работает вместе со Сталиным в составе Бакинского комитета большевиков. В том же году вернулся в Питер и снова был арестован. До 1912 года Ворошилов побывал во многих тюрьмах и дальних поселениях архангельской ссылки. Освободившись, он вернулся в Донбасс, где возобновил свою деятельность среди рабочих. Но его опять схватили и отправили в пермскую ссылку, из которой он освободился через год по амнистии по случаю 300-летия царского дома Романовых.

Оставаться в Донбассе Ворошилову было опасно, и он устроился рабочим на орудийный завод в Царицыне.

Началась мировая война.

Многие большевики не уклонялись от призыва в армию, они шли на фронт, чтобы вести там большевистскую агитацию и готовить армию к участию в революции. Но Ворошилов решил избежать мобилизации. Поэтому он с семьей уехал из Царицына и через некоторое время обосновался в Петрограде, где стал работать на небольшом заводике и установил связь с нелегальным городским комитетом большевиков. Здесь, в Петрограде, Ворошилова и застала Февральская революция.

В решающие дни Февраля Ворошилов в гуще рабочих демонстраций. Еще в начале 1917 года он установил связь с некоторыми солдатами Измайловского полка. Теперь он приобрел влияние в гарнизоне. От солдат Измайловского полка Ворошилов был избран в первый же состав Петроградского Совета. Однако его зовут в Луганск, и он с согласия руководства партии снова едет в Донбасс, где его избирают председателем городского комитета партии.

Февральская революция дала свободу всем политическим партиям и группам России. Вместе с различными националистическими организациями в одном лишь Луганске действовало 15 различных партий. Однако большевики стали здесь наиболее сильной революционной организацией. К концу июля в луганскую организацию большевиков входило уже больше 2500 человек. От Луганска Ворошилов участвовал также в VI съезде партии, взявшем курс на вооруженное восстание. Но в Луганске дело обошлось без восстания. Уже в августе большевики победили здесь при выборах в городскую думу, председателем которой был избран Ворошилов. В дни корниловского мятежа в Луганске было создано несколько отрядов Красной гвардии. А в сентябре на перевыборах Советов большевики получили две трети всех мандатов. К своей должности городского головы Ворошилов прибавил и пост председателя Совета. Не только фактически, но и формально большевистская организация Луганска взяла власть в городе в свои руки. Ворошилов не поехал на 2-й Всероссийский съезд Советов, у него было слишком много дел в городе. От Луганска на съезде присутствовало двое большевиков. Однако именно Ворошилов был избран заочно на этом съезде Советов членом ВЦИК.

Только в ноябре 1917 года Ворошилов, делегат Учредительного собрания, выехал в Петроград. Он принял участие в работе 3-го съезда Советов и был снова избран во ВЦИК. Вместе с Дзержинским занимался организацией ВЧК. Его пребывание в столице затягивалось из-за необходимости выполнить многие поручения ЦК, а также СНК РСФСР. В одном из постановлений СНК было, например, записано: *«Поручить тов. Ворошилову ликвидацию бывшего Петроградского Градоначальства согласно плану тов. Дзержинского и организацию специального органа для поддержания спокойствия и порядка в Петрограде...»*

Во главе
5-й Украинской армии

В феврале 1918 года после срыва мирных переговоров и окончания перемирия немецкие войска начали наступление на восток. Оно было приостановлено после подписания Брест-Литовского мирного договора между РСФСР и Германией. Однако на Украине немецкие войска по соглашению с так называемой Центральной Радой продолжали продвигаться и заняли Киев. Советские отряды с боями отходили под давлением немецких дивизий. В городах Донбасса создавались рабочие отряды, оборудовались бронепоезда. В Луганске под руководством Ворошилова был сформирован 1-й Луганский социалистический партизанский отряд, который принял участие в боях под Харьковом. В промышленных районах Украины была образована Донецко-Криворожская республика. В ходе боев отдельные отряды объединялись в наспех сколоченные армии. Одной из наиболее крупных стала 5-я Украинская армия, командовать которой было поручено Ворошилову.

Немцы не признали Донецкой республики. Плохо вооруженные советские войска терпели поражения и от-

ступали. Ворошилов приказал своей армии оставить Луганск и отходить в пределы РСФСР. Однако в Донской области, через которую должна была пройти армия Ворошилова, Советская власть была свергнута. Казачье правительство генерала Краснова вступило в сговор с германским командованием. Это ставило бойцов Красной Армии в очень трудное положение. Уже в первом бою у станции Лихая они потерпели поражение и отступили к Белой Калитве. Было решено, однако, не бросать эшелонов, не оставлять беженцев, а продолжать движение вдоль линии железной дороги на Царицын. Позднее Ворошилов вспоминал:

«Десятки тысяч деморализованных, изнуренных, оборванных людей и тысячи вагонов со скарбом рабочих и их семьями нужно было провести через бушевавший казачий Дон. Целых три месяца, окруженные со всех сторон генералами Мамонтовым, Фицхелауровым, Денисовым и др., пробивались мои отряды, восстанавливая ж.-д. полотно, на десятки верст снесенное и сожженное, строя заново мосты и возводя насыпи и плотины. Через три месяца «группа войск Ворошилова» пробилась к Царицыну...» *

В боях под городом Царицыном

Участие в обороне Царицына составляет, несомненно, основной эпизод в военной биографии Ворошилова. Он привел в Царицын несколько тысяч бойцов, из которых сформировали одну из дивизий фронта. Кроме того, было образовано еще несколько дивизий и отдельных бригад. Все они приказом РВС были объединены в 10-ю

* Энциклопедический словарь Гранат. 7-е изд. Т. 41. Ч. 1. Приложение. Стлб. 96.

армию, во главе которой был поставлен К. Е. Ворошилов. Политкомиссаром армии стал Е. А. Щаденко. В состав армии вошла и кавалерийская дивизия Б. М. Думенко, одной из бригад этой дивизии командовал С. М. Буденный. Общее руководство обороной Царицына взял на себя Сталин, который находился там еще с начала июня 1918 года в качестве руководителя продовольственного дела на юге России, облеченного чрезвычайными правами. В течение многих месяцев под Царицыном шли с переменным успехом тяжелые бои главным образом с казачьими полками генерала Краснова. Ворошилов показал себя храбрым командиром. Но скорее это можно было отнести на счет его личной храбрости, а не военного таланта. Казачий журнал «Донская волна» в феврале 1919 года писал: *«Нужно отдать справедливость Ворошилову, что если он не стратег в общепринятом смысле этого слова, то во всяком случае ему нельзя отказать в способности к упорному сопротивлению»*.

В те годы такая резкая критика Ворошилова не была единичным фактом. Еще раньше А. Е. Снесарев, военрук Северо-Кавказского военного округа и командующий отрядами, оборонявшими Царицын, в своей докладной записке на имя Председателя Высшего Военного Совета писал:

«...т. Ворошилов как войсковой начальник не обладает нужными качествами. Он недостаточно проникнут долгом службы и не придерживается элементарных правил командования войсками» *.

Гораздо более категоричным было мнение членов революционного трибунала, разбиравшего обстоятельства сдачи Харькова деникинским войскам летом 1919 года. Город защищали части 14-й армии, которой командовал Ворошилов. Члены трибунала пришли к выводу,

---

* Цит. по: *Парийский В., Жаворонков Г.* В немилость впавший... // Советская культура. 1989. 23 февр.

что военные познания командарма не позволяют доверить ему даже батальон. Выявившаяся некомпетентность Ворошилова оказалась столь велика, что стала смягчающим вину обстоятельством, и трибунал ограничился только снятием его с должности.

Белым дивизиям не удалось в 1918 году захватить Царицын, и это значительно облегчило общее военное положение Советской республики. Красная Армия еще только создавалась, и у Ворошилова нередко возникали острые конфликты с Председателем РВС Республики Л. Д. Троцким. Действия 10-й армии несли на себе еще сильный отпечаток партизанщины. К тому же Ворошилов долгое время отказывался использовать военных специалистов из числа офицеров старой армии. Конечно, за спиной Ворошилова стоял в данном случае Сталин, которому он уже тогда подчинялся почти беспрекословно. Когда Сталин покинул Царицын, Ворошилов был отстранен Троцким от командования 10-й армией. Украина в это время уже освобождалась от немецкой оккупации, и Ворошилова назначили наркомом внутренних дел Украинской советской республики. На VIII съезде РКП(б) Ворошилов был одним из лидеров так называемой «военной оппозиции», осужденной большинством съезда. Выступая на съезде, Ленин говорил:

«...Старая партизанщина живет в нас, и это звучит во всех речах Ворошилова и Голощекина. Когда Ворошилов говорил о громадных заслугах царицынской армии при обороне Царицына, конечно, тов. Ворошилов абсолютно прав, такой героизм трудно найти в истории... Но сам же сейчас рассказывая, Ворошилов приводил такие факты, которые указывают, что были страшные следы партизанщины. Это бесспорный факт. Тов. Ворошилов говорит: у нас не было никаких военных специалистов и у нас 60 000 потерь. Это ужасно... Героизм царицынской армии войдет в массы, но говорить, мы обходились без военных специалистов, разве это есть защита

партийной линии... Виноват тов. Ворошилов в том, что он эту старую партизанщину не хочет бросить.

...может быть, нам не пришлось бы отдавать эти 60 000, если бы там были специалисты, если бы была регулярная армия...» *

Во главе
Первой Конной армии

Гражданская война на Украине отличалась особой ожесточенностью и сложностью, и Ворошилову не довелось спокойно работать в Советском правительстве Украины. Он участвовал в боях с отрядами мятежного атамана Григорьева, Махно, затем во главе 14-й армии оборонял Екатеринослав, командовал внутренним Украинским фронтом. Под напором войск генерала Деникина Красной Армии пришлось оставить большую часть Украины. После образования Первой Конной Ворошилов назначается членом РВС этой армии. Буденный, Ворошилов и Щаденко стояли во главе Первой Конной осенью 1919 года, когда она вела ожесточенные бои с кавалерийскими дивизиями белых в Центральной России, а затем преследовала отступающего Деникина. Большую роль сыграла Первая Конная в боях на Северном Кавказе. Бои в Таврии и в Крыму против войск генерала Врангеля, а затем против отрядов Махно и Петлюры завершили боевой путь Первой Конной. От партийной организации этой армии Ворошилова направили на X съезд партии. Он был избран в президиум съезда и председательствовал на некоторых его заседаниях. Вместе с группой делегатов съезда участвовал в подавлении Кронштадтского мятежа весной 1921 года. За эту военную операцию Ворошилова награждают вторым орденом

* Ленинский сб. Т. 37. С. 138, 139.

Красного Знамени. С двумя орденами на груди он появился на очередном заседании съезда партии, за что и удостоился саркастического замечания Ленина. Для членов партии считалось тогда дурным тоном демонстрировать на деловых собраниях или даже на съездах свои награды. На следующее заседание Ворошилов пришел уже в вышитой украинской рубахе и без орденов. На X съезде партии Ворошилов был избран членом ЦК РКП(б). В состав ЦК в 1921 году входило всего 25 членов и 15 кандидатов.

К сожалению, уже в годы гражданской войны и как военачальник, и как политработник Ворошилов отличился не только на полях сражений. Он, Щаденко и Буденный были причастны к аресту, суду и расстрелу знаменитого в то время героя гражданской войны, организатора первых конных частей Красной Армии, «первой шашки Республики» Б. М. Думенко. Сохранившиеся в деле Думенко ложные и даже нелепые показания Ворошилова, Щаденко, Буденного дали основание вынести поспешный и несправедливый приговор. Вот, например, что говорил Щаденко, имея в виду себя и Ворошилова: *«...Мы старались Буденного навести на мысль, что, может быть, он не понял Думенко и что Думенко затевает авантюру против Советской власти, говоря о «черных тучах», то после этого Буденный решил, что, видимо, так оно и есть...»* На письменных показаниях Буденного о том, что *«со стороны Думенко наблюдались некоторые недовольства к политработникам... Приказы исполнялись Думенко не всегда аккуратно...»,* Ворошилов поставил «резолюцию»: *«Сам он (Думенко.— Р. М.) ничтожество»* *. Орджоникидзе и Тухачевский просили поспешно созванный Ревтрибунал воздержаться от ареста или от сурового приговора. Однако организаторы фаль-

* См.: *Старов Н.* Первая шашка Республики // Известия. 1988. 15 авг.

сифицированного «дела Думенко» торопились, и сразу же после вынесения приговора он был расстрелян.

Обнаружились в Ворошилове склонности и к изрядному преувеличению своих достижений и к присвоению чужих успехов. Например, докладывая о борьбе с мятежом Григорьева, он писал: «Под моим личным руководством банды были разбиты...» Одновременно им утверждалось: «Наши части никуда не годятся, а командный состав следует перевешать до единого».

В действительности же очень существенный вклад в разгром григорьевщины внесли командующие направлениями П. В. Егоров и П. Е. Дыбенко. Командующий Украинским фронтом В. А. Антонов-Овсеенко, которому было поручено командование всеми вооруженными силами Украины, отвергая притязания Ворошилова, писал: *«Ворошилов был командующим на определенном участке внутреннего фронта. Имел на нем вначале большие неудачи, поправленные удачами на других участках, где командовал не он... Приписывать себе одному успех борьбы с Григорьевым он может лишь по большому недоразумению. Затем — донесения его штаба о разгроме Григорьева под Александрией оказались ложными... Утверждения Ворошилова как в области его собственных успехов, так и относительно поведения наших частей постыдно преувеличены»* *.

Во главе военных округов

Хотя Ворошилов не был профессиональным военным, его оставили после окончания гражданской войны на военной работе. В 1921—1924 годах он командует круп-

---

* Цит. по: *Фесенко А. П.* К оценке роли К. Е. Ворошилова в разгроме григорьевщины // Вопросы истории. 1988. № 10. С. 188.

ным Северо-Кавказским военным округом. Партийным руководителем Северо-Кавказского края был в эти годы Микоян, с которым у Ворошилова установились дружеские отношения. Вместе с Орджоникидзе Ворошилов был введен в 1924 году в РВС СССР. Вскоре он стал членом Президиума РВС. Эти назначения явно преследовали цель ограничить влияние в РВС Троцкого и его ближайших сторонников. В мае 1924 года Ворошилова также назначают вместо Н. И. Муралова командующим Московским военным округом. Муралов был одним из героев гражданской войны. Он отличился на Восточном фронте в боях против Колчака. Но он был политическим союзником и личным другом Троцкого, и Сталин хотел удалить его из московского гарнизона. Поэтому Муралов сменил Ворошилова на посту командующего Северо-Кавказским военным округом. В январе 1925 года ЦК партии принял отставку Троцкого. На пост наркома по военным и морским делам и Председателя РВС СССР был назначен М. В. Фрунзе. Оставаясь командующим Московским военным округом, Ворошилов стал также заместителем Фрунзе.

Ворошилов — народный комиссар обороны

Фрунзе возглавлял Красную Армию всего около года. Он умер в конце 1925 года во время неумело и халатно проведенной медицинской операции. Советский Союз располагал тогда хорошими кадрами боевых командиров, комиссаров и военных специалистов. Многие из них командовали в годы гражданской войны не только отдельными армиями и дивизиями, но и фронтами, участвуя в планировании и проведении крупномасштабных военных операций. По военному опыту Ворошилов усту-

пал многим. Он был далеко не первым среди равных. Однако некоторые из наиболее выдающихся полководцев гражданской войны, как, например, Тухачевский, были новичками в большевистской партии и не занимали видного места в партийной иерархии. Некоторые из старых большевиков, отличившихся в годы гражданской войны, как, например, М. М. Лашевич, хотя и были членами ЦК ВКП(б), но принимали участие в той или иной оппозиции. Поэтому кандидатура Ворошилова на пост наркома по военным и морским делам не вызвала возражений в Политбюро, хотя это назначение и комментировалось весьма критически в кругах новой оппозиции.

Мы не собираемся здесь рассказывать о длительной и многообразной деятельности Ворошилова как руководителя Наркомата по военным и морским делам. Строительству современной Красной Армии и Военно-Морского Флота в нашей стране в условиях капиталистического окружения придавалось не меньшее значение, чем созданию современной промышленности или развитию культуры. У Ворошилова как у наркома обороны было много дел и обязанностей. Однако он выполнял главным образом представительские функции и функции политического руководителя армии, мало занимаясь вопросами военной науки и изучением проблем военной стратегии. Этим он отличался от таких видных военных деятелей, как Б. М. Шапошников, который изучал проблемы деятельности армейских штабов (книга «Мозг армии»), как М. Н. Тухачевский, который считался знатоком стратегии (книга «Вопросы современной стратегии»), как К. Б. Калиновский, который изучал роль танковых соединений (книга «Танки»), и других. В сущности, Ворошилов так и не стал профессиональным военным, и ему не раз не хватало как общего, так и специального военного образования. Возможно, и сам он ощущал свое далеко не полное соответствие занимаемому посту и тем

обязанностям, который тот налагал на него. Он писал: *«Если бы я обладал такими качествами, какие имелись у товарища Фрунзе, мне легко было бы выполнить свои партийные обязанности на той работе, которой я руковожу»* *.

Казалось бы, такая критическая самооценка должна была побудить Ворошилова к энергичной учебе. Но, увы, даже в ноябре 1927 года, беседуя с французской делегацией, он не без гордости говорил: *«Я — рабочий, слесарь по профессии, и не имею специальной военной подготовки. Я не служил в старой, царской армии. Моя военная «карьера» началась с того, что в 1906—1907 гг. я перевозил нелегально оружие из Финляндии в Донецкий бассейн и там строил вместе со всей нашей организацией большевистские военные рабочие дружины. Работал я в то время на заводе, а затем сидел, как полагается всякому приличному большевику, в тюрьмах, был в ссылке (с 1907 до 1914 г. я пробыл с маленькими промежутками в тюрьме и ссылке). С 1914 г. работал в Царицыне, затем в Ленинграде до апреля 1917 г. С апреля пошел на профессиональную партийную работу. В Красной Армии работаю с марта 1918 г., но уже с ноября 1917 г. я был на военной работе в качестве революционного «градоначальника» Ленинграда»* **.

Эти слова без дополнительных комментариев дают представление о том, кто был поставлен во главе военного ведомства. Однако в целом кадры Наркомата обороны в 1926—1936 годах отличались очень высоким профессиональным уровнем. Для своего времени, может быть, это были лучшие в мире кадры военных руководителей.

В 1926 году Ворошилов был избран в члены Политбюро. Едва ли можно было сомневаться в том, что в борь-

* Цит. по: *Чистяков Б.* Наркомвоенмор номер три // Смена (Ленинград). 1989. 19 февр.

** *Ворошилов К. Е.* Статьи и речи. М., 1937. С. 174—175.

бе с «левой» оппозицией, в которой приняло участие очень много военных и военно-политических работников, Ворошилов неизменно находился на стороне Сталина и большинства ЦК. Например, в 1927 году он адресовал июльско-августовскому Пленуму ЦК и ЦКК ВКП(б) свое заявление, направленное против Л. Д. Троцкого, в котором заодно отразилась и застарелая неприязнь Ворошилова к военным специалистам. В заявлении, в частности, говорилось: *«Достаточно пробежать хотя бы один том его «сочинений» «Как вооружалась революция», чтобы понять эту несложную механику, с помощью которой с исторической сцены исчезают партия, тысячи славных рабочих-коммунаров, сам Ленин и остается «сказочный герой» Троцкий, который совместно с несколькими меньшего масштаба «героями», большей частью специалистами, вооружал революцию»* *.

Ворошилов отличился в годы гражданской войны. Но среди ее участников было немало людей, которые имели заслуги более весомые, чем он. Среди военачальников гражданской войны некоторые пользовались большей популярностью и славой, чем Ворошилов. «Отставал» он и по числу боевых наград. У В. К. Блюхера, первого в республике награжденного орденом Красного Знамени, к концу 20-х годов было четыре ордена Красного Знамени, как у Я. Ф. Фабрициуса и И. Ф. Федько, не говоря уже о тех, кто был награжден трижды. Ворошилов был тщеславен, и Сталин использовал этот недостаток. Стала создаваться легенда о Ворошилове, особый культ «рабочего-полководца». Уже через год после назначения Ворошилова наркомом по военным и морским делам начали появляться первые его биографии и рассказы о его подвигах (см.: *Ефимов В., Гай Е.* С нами Ворошилов. М.; Л., 1926; *Вардин И.* Ворошилов — рабочий вождь Красной

* Цит. по: *Чистяков Б.* Наркомвоенмор номер три // Смена (Ленинград). 1989. 19 февр.

Армии. М., 1926 и др.). Поэт и писатель К. Алтайский написал не только сборник рассказов, но и поэму о Ворошилове, там есть такие строки:

...Поэт Владимир Маяковский
Зарисовал нам Ильича...
Поэт-партиец Безыменский
Дзержинского нарисовал...
Мы от эпохи поотстали,
Нас мелочи берут в полон.
Еще не зарисован Сталин,
Калинин песней обойден...
Большая тема нас пленила,
Звонка, как бой,
Остра, как штык.
Климент Ефремыч Ворошилов,
Боец, нарком и большевик.

Еще одну поэму о Ворошилове сочинил и 90-летний казахский акын Джамбул. «На тех, кто границы нарушить посмел, обрушишь войска ты, прекрасен и смел, батыр Ворошилов...»

Ворошилов не остался в долгу. В конце 1929 года была опубликована большая статья «Сталин и Красная Армия», положившая начало легенде о Сталине как наиболее крупном полководце гражданской войны и организаторе главных побед Красной Армии. Ворошилов писал: *«В период 1918—1920 гг. т. Сталин являлся, пожалуй, единственным человеком, которого Центральный Комитет бросал с одного боевого фронта на другой, выбирая наиболее опасные, наиболее страшные для революции места. Там, где было относительно спокойно и благополучно, где мы имели успехи,— там не было видно Сталина. Но там, где... трещали красные армии, где контрреволюционные силы... грозили самому существованию Советской власти...— там появлялся т. Сталин»* *.

Конечно, в 1929 году к историческим фальсификаци-

* Сталин: Сборник статей к 50-летию со дня рождения. М.; Л., 1929. С. 57.

ям следовало подходить все же с некоторой осторожностью. В 1929 году Ворошилов вставляет в приведенный отрывок слово «пожалуй». Он говорит о Сталине как об «одном из самых выдающихся организаторов побед гражданской войны». Через 10 лет можно было отбросить эти оговорки. В 1939 году в статье «Сталин и строительство Красной Армии» Ворошилов пишет:

«О Сталине, создателе Красной Армии, ее вдохновителе и организаторе побед, авторе законов стратегии и тактики пролетарской революции,— будут написаны многие тома.

Мы, его современники и соратники, можем только дать кое-какие штрихи о его огромной и плодотворной военной работе» *.

Вот еще один пример усердия «первого красного офицера» на этом поприще — выдержка из его выступления на собрании партактива Московского гарнизона 20 января 1938 года:

«Ленин умер... На руководство партией претендовали Троцкий, Зиновьев, Каменев и другие. К нашему счастью, в партии имелись старые большевистские кадры, которые объединились и противопоставили чужакам и оппортунистам революционную линию.

Среди этих людей был человек, доподлинный ленинец, настоящий его ученик. Товарищ Сталин стал заместителем Ленина не потому, что этого хотели те или другие отдельные товарищи или группы, а потому, что в процессе борьбы, в процессе страшных потрясений внутри партии товарищ Сталин определился как истинный партийный вождь, который не потеряется в трудных условиях, как человек, который знает, куда надо вести дело, чего надо добиваться, куда направлять рабочий класс» **.

* *Ворошилов К. Е.* Сталин и Вооруженные Силы СССР. М., 1951. С. 66.

** Цит. по: *Чистяков Б.* Наркомвоенмор номер три // Смена (Ленинград). 1989. 19 февр.

В конце 20-х годов Ворошилов еще сохранял черты самостоятельной личности. В 1928—1929 годах, когда Сталин развернул наступление на крестьянство, Ворошилов на заседаниях Политбюро иногда высказывал сомнения относительно такой политики. Он опасался, что недовольство крестьянства отразится на боеспособности Красной Армии, укомплектованной главным образом за счет крестьянской молодежи. Слухи о расхождениях Ворошилова со Сталиным были, однако, настолько преувеличены, что находящийся в ссылке Троцкий в некоторых из своих писем говорил о возможности восстания крестьянства против Сталина под руководством Ворошилова и Буденного.

Когда И. Бабель написал в 1926 году знаменитый цикл рассказов «Конармия», Буденный был разгневан и обвинил его в клевете. Неприязненно встретила очерки Бабеля и современная ему критика. Однако не только А. М. Горький, но и Ворошилов встали тогда на защиту писателя.

В 30-е годы Ворошилов все более подпадает под влияние и власть Сталина. В это время он входил в самое ближайшее окружение Сталина и считался его интимным другом. Они сидели вместе в президиумах различных совещаний, стояли рядом на трибуне Мавзолея, вместе бывали на охоте, отдыхали на юге, проводили время на даче Сталина и в его квартире в Кремле. Довольно часто Сталин и Ворошилов посещали Горького, окончательно вернувшегося в СССР. Как-то Алексей Максимович прочел им свою сказку «Девушка и смерть». На последней странице текста сказки Сталин сделал надпись: «Эта штука сильнее, чем «Фауст» Гете *(любовь побеждает смерть)*. 11.X.31». На следующей странице Ворошилов написал и свой отзыв: «От себя скажу, я люблю М. Горького, как моего и моего класса писателя, который духовно определил наше поступательное движение».

Несколько раз Ворошилову приходилось выезжать за

границу. На устраиваемых там приемах Климент Ефремович не танцевал — не умел. Военный офицер, который не умеет танцевать, производил на Западе странное впечатление. По инициативе Ворошилова в многочисленных Домах Красной Армии, которые создавались почти во всех крупных городах, и в командирских клубах в военных городках было введено обучение командиров современным европейским танцам, столь презираемым в 20-е годы комсомольской молодежью.

Конечно, гораздо важнее, чем введение танцев в армейский быт, было интенсивное техническое перевооружение Красной Армии, начавшееся в начале 30-х годов одновременно с форсированной индустриализацией страны. Партия не скрывала, что развитие военной промышленности и максимальное техническое оснащение армии и флота — одна из главных задач первой и второй пятилеток. Еще до 1930 года Красная Армия имела главным образом то оружие, которое досталось ей со времен первой мировой и гражданской войн. В следующие четыре года Красная Армия получила большое количество новых танков, артиллерии, средств связи, химической техники. Особенно большая забота была проявлена по отношению к Военно-Воздушным Силам, включая бомбардировочную авиацию и самолеты других типов. Был увеличен и модернизирован Военно-Морской Флот. Выступая на XVII съезде партии, Ворошилов утверждал, что Красная Армия к началу 1934 года технически оснащена лучше, чем французская и американская армии, и более механизирована даже, чем английская армия, которая считалась тогда лучшей в мире по техническому оснащению.

Культ Ворошилова после XVII съезда партии еще более возрос. В это время имена «вождей» присваивались многим городам и селам. Город Луганск был переименован в Ворошиловград. Крупный город на Северном Кавказе Ставрополь, входивший тогда в Орджоникидзевский край, был переименован в Ворошиловск (преж-

нее название возвращено городу в 1943 году, когда на Северном Кавказе началась новая волна переименований). Еще несколько городов и поселков в разных частях страны стали носить имя Ворошилова. Появились заводы, колхозы и горные вершины имени Ворошилова. Лучшие стрелки получали почетное звание «Ворошиловский стрелок». Тяжелый советский танк «КВ» был назван так в честь Ворошилова. В одной из областей деревня Остолопово и Остолоповский сельсовет были переименованы в деревню Ворошилово и Ворошиловский сельсовет.

Между тем управление и техническое оснащение Красной Армии в 30-е годы усложнялось, и Ворошилов уже не справлялся с решением сложных проблем военного строительства. В РВС часто возникали разногласия, тем более что Ворошилов и Буденный продолжали преувеличивать роль крупных кавалерийских соединений в будущей войне, тормозя мотомеханизацию армии.

Перемены были необходимы. В 1934 году Наркомат по военным и морским делам был преобразован в Наркомат обороны. Одним из заместителей Ворошилова стал М. Н. Тухачевский. В книге Лидии Норд о Тухачевском приводится такой отзыв о Ворошилове:

«Все пойдет по-новому,— продолжал он (Тухачевский.— Р. М.) уже за столом.— Мы с Ворошиловым, Егоровым, Блюхером, Орджоникидзе и другими, вошедшими в Совет Обороны, три недели сидели, днями и ночами, за планами. Ворошилов, надо сказать, очень дубоват, но у него есть то положительное качество, что он не лезет в мудрецы и со всем охотно соглашается...» *

* *Норд Л.* Маршал Тухачевский. Париж, 1978. С. 102. (Лидия Норд лично знала Тухачевского на протяжении многих лет. Однако ее книга содержит не только подлинные факты, но и много недостоверных слухов и сплетен, что очень снижает ее значение как источника. Мнение Тухачевского о Ворошилове, однако, вряд ли могло быть иным. Тухачевский очень ценил М. В. Фрунзе, но не считал Ворошилова авторитетом в чисто военных делах и вообще профессиональным военным. Кстати, не слишком высокого мнения об умственных способностях Ворошилова был не только Тухачевский.)

Однако переход Красной Армии к механизированным частям и соединениям надолго задержался. Даже в 1938 году Ворошилов все еще утверждал:

«Конница во всех армиях мира переживает, вернее, уже пережила кризис и во многих армиях почти что сошла на нет... Мы стоим на иной точке зрения... Мы убеждены, что наша доблестная конница еще не раз заставит о себе говорить как о мощной и победоносной Красной кавалерии... Красная кавалерия по-прежнему является победоносной и сокрушающей вооруженной силой и может и будет решать большие задачи на всех боевых фронтах» *.

Такое упорное сопротивление давно назревшим переменам не может не удивлять. Более того, оно покажется и вовсе абсурдным, если вспомнить, что тому же Ворошилову принадлежит другое, вполне разумное высказывание:

«Современный фронт, насыщенный до крайности пулеметным огнем, вряд ли может быть пробит без помощи танка» **.

Объяснить такую «странность» мышления можно тем, что, не обладая необходимой эрудицией и будучи не в силах поспеть за развитием военной техники и новых форм ее боевого применения, чувствуя все большее и большее свое отставание от современного ему уровня стратегического мышления, но в то же время никак не желая расстаться со своим высоким постом, Ворошилов при прямой поддержке Сталина всячески оттягивал переход РККА к новым принципам организации и управления. Это вызывало критику тех, кто верно понимал характер грядущей войны и не мог смириться с ошибочной позицией наркома обороны. Среди этих высших военачаль-

---

* Цит. по: *Ненароков А.* Броня и кони // Московские новости. 1988. 3 апр.

** Цит. по: *Чистяков А.* Наркомвоенмор номер три // Смена (Ленинград). 1989. 19 февр.

ников был и М. Н. Тухачевский, который, например, в своей статье, опубликованной в «Красной звезде» буквально накануне его ареста, писал:

«Нам пришлось столкнуться с теорией «особенной» маневренности Красной Армии — теорией, основанной не на изучении и учете нового вооружения... а на одних лишь уроках гражданской войны... Некоторые даже утверждали, что для подготовки атаки бойца Красной Армии можно израсходовать меньше артиллерийских снарядов, чем для подготовки атаки солдата капиталистической армии, объясняя это превосходством духа красноармейца. На самом деле эта самовлюбленность могла бы повлечь напрасные кровавые потери в боях и крупнейшие неудачи» *.

Понятно, что судьба всех несогласных с точкой зрения наркома обороны СССР Ворошилова, а значит, и с мнением самого Сталина, была предрешена...

В годы террора (1936—1938)

«Великий террор» второй половины 30-х годов с особой жестокостью обрушился на военные кадры Советского государства. Без преувеличения можно сказать, что основная и, как правило, лучшая часть руководящих кадров Красной Армии и Военно-Морского Флота была безжалостно перебита в 1936—1938 годах. Эти люди погибли не на поле боя, а в подвалах Лубянки и других тюрьмах страны, а также в «трудовых» концлагерях. Точных данных на этот счет ни у кого нет, но можно с достаточной долей уверенности сказать, что погибло от 25 до 30 тысяч кадровых командиров и военно-политических работников Красной Армии и Флота. В 1935 году в СССР

* Цит. по: *Анфилов В.* Самые тяжкие годы // Литературная газета. 1989. 22 марта.

ввели звание маршала. Его присвоили пяти военачальникам: Ворошилову, Буденному, Блюхеру, Тухачевскому и Егорову. Но уже в 1937—1939 годах Блюхер, Тухачевский и Егоров были расстреляны как «враги народа». Из комсостава 1935 года во время террора погибли: из 16 командармов 1-го и 2-го ранга — 15, из 67 комкоров — 60, из 199 комдивов репрессировано 136, из 397 комбригов — 221. Из четырех флагманов флота погибло четверо, из шести флагманов 1-го ранга — шестеро, из 15 флагманов 2-го ранга — девять. Погибли все 17 армейских комиссаров 1-го и 2-го ранга, а также 25 из 29 корпусных комиссаров. Из 97 дивизионных комиссаров было арестовано 79, из 36 бригадных комиссаров — 34. Была арестована третья часть военкомов полков *.

Какова роль в этом страшном избиении военных кадров наркома Ворошилова? У нас нет данных о том, что именно он составлял проскрипционные списки для арестов и расстрелов. Но Сталину и не нужно было, чтобы Ворошилов занимался арестами. Достаточно было того, что он давал санкцию на них и подписывал большую часть списков вместе со Сталиным и Ежовым. Никто из видных военачальников не мог быть арестован без ведома и согласия наркома обороны. И Ворошилов всегда давал такое согласие. Ворошилов способствовал разжиганию шпиономании в армии и на флоте. Еще в августе 1937 года, то есть вскоре после военного суда и расстрела М. Н. Тухачевского, И. Э. Якира, И. П. Уборевича, Б. М. Фельдмана, А. И. Корка и других и самоубийства заместителя Ворошилова Я. Б. Гамарника, нарком обороны Ворошилов и нарком внутренних дел Ежов подписали совместный приказ по Вооруженным Силам СССР. В нем утверждалось, что в СССР, и особенно в Красной Армии, создана разветвленная сеть шпионов различных государств. Отсюда вытекало требование: всем, кто как-

* По подсчетам автора. *Ред.*

то связан со шпионами,— сознаться; а тем, кто что-то знает или подозревает о шпионской деятельности,— донести. Репрессии нанесли страшный урон боеспособности РККА, обескровили ее кадровый состав, но это не помешало Ворошилову, выступая 23 марта 1939 года перед военными — делегатами XVIII съезда ВКП(б), заявить:

«Мы, в основном, уже очистились от шпионской мрази, но у нас агенты гестапо еще имеются» *.

В ряде случаев Ворошилов выступал и в роли прямого соучастника репрессивных органов. И. Федько, назначенный после гибели Тухачевского и Гамарника первым заместителем наркома обороны, оказал явившимся к нему работникам НКВД вооруженное сопротивление и приказал своей охране держать их под прицелом. Одновременно Федько тут же позвонил Ворошилову. Тот сказал Федько, что он, Ворошилов, лично во всем разберется. Но вместе с тем Ворошилов приказал Федько прекратить сопротивление и «временно» подчиниться работникам НКВД. Вскоре Федько был расстрелян по списку, который, несомненно, подписали не только Сталин и Ежов, но и Ворошилов. А вот что рассказывает Г. Л. Блюхер — вдова В. К. Блюхера:

«...нарком (Ворошилов.— Р. М.) предложил «отдохнуть» Блюхеру В. К. с семьей на его личной даче «Бочаров ручей» в Сочи.

И там, в роскошной по тем временам «ловушке», были арестованы Василий Константинович Блюхер, затем я, затем брат В. К. Блюхера — Блюхер Павел Константинович, капитан ВВС...» **

Некоторых из военных атташе СССР за границей вызывали в Москву на прием к Ворошилову, и их арестовывали в приемной наркома обороны. Было очевидно, что это делается с его согласия и одобрения.

* Цит. по: *Анфилов В.* Самые тяжкие годы // Литературная газета. 1989. 22 марта.

** Военно-исторический журнал. 1989. № 1. С. 3 обложки.

Когда Гитлер готовился к нападению на СССР, то он без обиняков ссылался на уничтожение советских военных кадров как на благоприятный для Германии фактор, а фельдмаршал Ф. фон Бок писал:

«С русской армией можно не считаться как с военной силой, ибо кровавые репрессии подорвали ее дух, превратили в инертную машину» *.

Можно оспорить такие суждения, можно показать их опрометчивость, но нельзя отрицать того, что наряду с другими обстоятельствами и эти оценки использовались нацистским руководством при выработке своих планов.

Неудачи в советско-финской войне

Красная Армия крайне ослабла в результате массовых репрессий. Дело было не только в потере первоклассного состава высших советских кадров. Снизилась дисциплина в армии, где солдаты и младшие командиры переставали доверять старшим командирам. Быстрое выдвижение новых кадров происходило зачастую просто по анкетным данным. При этом командиры взводов становились командирами батальонов, а то и полков, командиры полков и батальонов — командирами дивизий. Почти парализована была на два-три года деятельность военных академий, ослабла военно-инженерная и конструкторская работа. Многие важнейшие начинания прежних командующих были прекращены: например, формирование партизанских баз в западных областях, остановилось строительство оборонительных рубежей вдоль прежней государственной границы. Армия увеличивалась численно, возрастало число полков, дивизий, армейских соединений,

* Цит. по: *Чистяков Б.* Наркомвоенмор номер три // Смена (Ленинград). 1989. 19 февр.

но кадров и военного опыта у новых командиров не хватало. А между тем началась вторая мировая война, и это обстоятельство повышало требования к Красной Армии. Ворошилов, Буденный и новые маршалы СССР — С. К. Тимошенко, Г. И. Кулик,— все из бывшей Первой Конной, пытались навести порядок и дисциплину в армии, но не всегда успешно.

Об одном из таких визитов Ворошилова в расположение полка рассказывал не без юмора известный комедийный артист Ю. Никулин, которого призвали в армию перед Отечественной войной:

«Как-то к нам в полк приехал Климент Ефремович Ворошилов. Он был в кубанке, короткой куртке, отороченной мехом, сбоку — маленький браунинг в кобуре. Побывал он и на нашей батарее. Учебная тревога прошла хорошо. Потом Ворошилов вместе с сопровождающими зашел в столовую. Повар, увидев легендарного маршала, от неожиданности потерял дар речи.

— Что, обед готов? — спросил Климент Ефремович.

— Нет,— чуть слышно пролепетал повар.— Будет через час.

— Ах, хитрец,— сказал, улыбаясь, маршал,— боишься, что обедать у вас останемся? Не останемся, не бойся.

Он вышел из столовой и приказал выстроить батарею. Климент Ефремович за отличную боевую подготовку объявил всем благодарность и, сев в черную «эмку», уехал.

Приезд Ворошилова на нашу батарею стал огромным событием. Мы в деталях подробно обсуждали все, что произошло. У нас-то все прошло хорошо, а вот в соседнем полку, рассказывали, вышел казус. На одну из батарей Ворошилов нагрянул неожиданно. Дневальный, растерявшись, пропустил начальство, не вызвав дежурного по батарее и не доложив ему о приезде маршала.

— Где комбат? — сразу спросил Ворошилов.

— А вон, в домике,— ответил дневальный.

Ворошилов прошел к домику, отворил дверь и видит: сидит за столом спиной к двери командир батареи в одних трусах и что-то пишет в тетрадке. Ворошилов кашлянул. Комбат обернулся и, тут же подскочив, воскликнул:

— Климент Ефремович! Это вы?!

— Это я,— сказал Ворошилов.— А как ваше имя-отчество?

— Да Павлом Алексеевичем зовут.

— Очень приятно, Павел Алексеевич,— ответил Ворошилов и... взяв комбата под руку, повел его на позицию.

Так и шел комбат на глазах у всех — в трусах — и по приказу Ворошилова объявил тревогу.

Когда все собрались, Ворошилов дал задание: там-то, на такой-то высоте самолет противника. Открыть огонь.

От неожиданности и неподготовленности все пошло скверно: орудия смотрели во все стороны, но только не на цель.

Ворошилов, ни слова не говоря, сел в машину и уехал» *.

Стремясь создать более выгодные в стратегическом отношении границы на западе, Сталин решил отодвинуть советско-финскую границу, которая на Карельском перешейке проходила слишком близко от Ленинграда. Сам Сталин принял в Кремле финскую делегацию во главе с Юхо Кусти Паасикиви и предложил обменять территорию в 2700 квадратных километров вблизи Ленинграда на 5500 квадратных километров в Карелии. Однако финны должны были потерять при этом не только экономически более освоенные территории, но и свои главные линии укреплений. Финское правительство отклонило это предложение и не реагировало на прямые угрозы войны, с которыми выступил Молотов. Шел ноябрь

---

* *Никулин Ю.* Почти серьезно... М., 1982. С. 75—76.

1939 года, и финны думали, что Советский Союз не решится начать войну перед началом зимы. Это было заблуждение: утром 30 ноября первые бомбы упали на Хельсинки, и Красная Армия перешла советско-финскую границу. Но это была и большая ошибка Сталина, пребывавшего в уверенности, что речь будет идти о короткой и не слишком дорогостоящей военной акции. Ведь против маленькой Финляндии была развернута армия в 450 тысяч человек, 1700 орудий, 1000 танков и 800 самолетов. Финляндия имела под ружьем 215 тысяч солдат, но всего 75 боевых самолетов, 60 старых танков, несколько сотен орудий *. Однако только первую линию финской обороны Красная Армия одолела без большого труда. На второй линии советские части завязли в боях. Атака шла за атакой, но успеха не было. Финны храбро оборонялись, они оказались лучше подготовлены к войне в зимних условиях. Одна за другой втягивались в войну все новые советские дивизии. Ворошилов лично руководил боевыми действиями, часто выезжая на фронт. Однако каждый километр занятой у противника территории приходилось буквально устилать телами убитых и замерзших солдат. Раненые и обмороженные исчислялись сначала десятками, а потом и сотнями тысяч. Зима 1939/40 годов оказалась невероятно суровой, морозы достигали временами 50 градусов. В таких условиях батальон финских лыжников мог и остановить, и разбить дивизию Красной Армии.

Неудачи Красной Армии вызывали раздражение и гнев Сталина. Еще до поражения Финляндии Сталин на многих неофициальных встречах выражал по этому поводу свое недовольство. Н. С. Хрущев вспоминал позднее:

---

* Эти данные взяты автором из иностранных источников. В советской прессе см. об этом: Правда, 1989, 30 нояб.; Аргументы и факты. 1989, № 47.

«Сталин в беседах, которые были, критиковал военное ведомство, он критиковал Министерство обороны, он критиковал особенно Ворошилова, все сосредоточивал на персоне, на Ворошилове... Я согласен был со Сталиным и другие были согласны с этой критикой, потому что действительно в первую голову отвечал Ворошилов, потому что он много лет занимал пост министра обороны... Я помню, когда Сталин в пылу гнева острой полемики, а это не на каких-либо заседаниях, это происходило на квартире в Кремле и на Ближней даче. Вот там, я помню, когда Сталин очень критиковал, разнервничался, встал, значит, на Ворошилова, Ворошилов тоже... вскипел, покраснел, поднялся и... говорит на критику Сталина: «Ты виноват в этом, ты истребил кадры военные...» И Сталин ему соответствующую дал отповедь...» *

Уже в январе 1940 года Сталин фактически отстранил Ворошилова от непосредственного руководства военными операциями, назначив командующим действующей армией маршала С. К. Тимошенко. Тимошенко получил подкрепление, в том числе несколько дивизий из Сибири. Имея почти 500-тысячную армию, Тимошенко начал генеральное наступление. Лед Финского залива стал столь крепким, что советские танки могли двигаться по нему в обход Выборга. В конечном счете СССР одержал победу, но крайне дорогой ценой. По советским данным, СССР потерял более 250 тысяч солдат **. По западным оценкам, потери нашей страны исчислялись примерно в 300 тысяч солдат.

Итоги финской кампании рассматривались в апреле 1940 года на расширенном заседании Главного Военного Совета. На этом совещании много и довольно остро говорил о промахах наркома обороны Ворошилова Л. З. Мехлис. Некоторые из выступавших спорили с Мех-

* *Хрущев Н. С.* Воспоминания. Нью-Йорк, 1981. Кн. 2. С. 39—40.
** См.: *Чудаков А.* Реквием карельских болот // Комсомольская правда. 1989. 14 нояб.

лисом, но было ясно, что сам такой спор стал возможен лишь с одобрения Сталина. Были приняты решения, направленные на усиление боеспособности Красной Армии. Неофициально Сталин дал указание реабилитировать и освободить часть репрессированных командиров Красной Армии. Одновременно было принято решение освободить Ворошилова от обязанностей наркома обороны СССР. На этот пост был назначен С. К. Тимошенко. Во время обороны Царицына Тимошенко командовал полком, в Первой Конной армии он был командиром дивизии. После гибели И. Э. Якира Тимошенко возглавил Киевский военный округ, а с января 1940 года командовал войсками на советско-финском фронте.

Чтобы как-то смягчить удар по престижу Ворошилова, его наградили орденом Ленина и назначили заместителем Председателя Совета Народных Комиссаров. В феврале 1941 года имя Ворошилова было присвоено Академии Генштаба. Однако его реальное влияние в партийной и военной иерархии явно уменьшилось.

Ворошилов в годы Отечественной войны

Отечественная война началась для Красной Армии тяжелыми поражениями. Уже к концу первого дня гитлеровцы добились ощутимого успеха, а Наркомат обороны и Генеральный штаб стали утрачивать нити управления войсками. Сталин на несколько дней уединился на своей даче и никого не принимал. Во главе созданной 23 июня 1941 года Ставки Главного Командования встал Тимошенко. Важная роль принадлежала и Жукову, возглавлявшему Генеральный штаб. Особо тяжелое положение создалось на основном, Западном фронте. Ставка направила туда маршалов Шапошникова, Кулика и Вороши-

лова. Но и они не смогли ничего изменить или даже овладеть управлением войсками, чтобы упорядочить отступление. Видя разгром и беспорядочный отход многих частей, Ворошилов и Шапошников предложили создать новую линию обороны не по реке Березине, а гораздо восточнее — по среднему течению Днепра. Фактически продвижение немцев удалось временно приостановить еще восточнее — в боях за Смоленск.

Главная ответственность за поражения первого периода войны лежит, конечно, на Сталине. Но и спрос с Ворошилова также очень велик. Он виновен в том, что допустил избиение военных кадров. Он успокаивал страну речами, что Красная Армия якобы имеет более мощные огневые средства, чем любая другая армия, между тем как немецкая армия имела преимущество по большинству видов вооружения. Ворошилов как нарком обороны чрезвычайно преувеличивал роль конницы в будущей войне в ущерб развитию танковых соединений и войск ПВО.

1 июля 1941 года Ворошилова отозвали в Москву. Сталин вернулся к руководству страной и армией. Был создан Государственный Комитет Обороны, в который вошел и Ворошилов. Сталин возглавил Ставку Верховного Командования. Буденный — Юго-Западное направление обороны, Тимошенко — Западное, Ворошилов — Северо-Западное. 11 июля Ворошилов с небольшим штабом прибыл в Ленинград, чтобы принять командование отступающими войсками на Северо-Западе. Интересно, что уже в июле не только молодые бойцы, но даже школьники разучивали новую песню, в который был такой припев:

Призыв раздается: К победе вперед!
В своих полководцах уверен народ.
Веди, Ворошилов, веди, Тимошенко, веди нас, Буденный,
В священный поход!

Этот припев был, видимо, добавлен к песне после решения о создании трех оборонительных направлений.

Прибытие Ворошилова и его штаба в Ленинград не вызвало в потрепанных и усталых войсках особого воодушевления. И командиры, и партийные работники на Северо-Западе еще хорошо помнили о неудачной финской кампании. Тем не менее ленинградская печать приветствовала Ворошилова. По многим предприятиям прошли митинги и собрания. В резолюции, принятой на собрании рабочих и служащих Кировского завода, утверждалось: *«Назначение товарища Ворошилова на пост Главнокомандующего войсками Северо-Западного направления еще раз говорит о том, какое громадное внимание партия и правительство уделяют колыбели социалистической революции — городу Ленина...*

Да здравствует славный полководец Клим Ворошилов! Да здравствует знамя наших побед — великий Сталин!» * Ленинградские поэты сочинили наскоро «Ленинградский марш»:

Трубы, трубите тревогу,
Стройся, к отряду отряд.
Смело, товарищи, в ногу,
В бой за родной Ленинград!..

Всех нас война подружила,
Думой спаяла одной.
В бой нас ведет Ворошилов.
Жданов зовет нас на бой!

Но назначение Ворошилова не изменило неблагоприятной обстановки на фронте. Отступление Красной Армии в Прибалтике продолжалось, и лишь на отдельных участках сражения шли с переменным успехом. К счастью для города, не слишком активно действовала ослабленная недавней войной финская армия. Тем не ме-

* Ленинградская правда. 1941. 13 июля.

нее линия фронта постепенно перемещалась на восток, а численность советских войск и их вооружение уменьшались. Осложняла положение и необходимость эвакуации сотен тысяч людей и множества предприятий из Прибалтики главным образом через Ленинград.

В августе гитлеровцы вышли на дальние подступы к Ленинграду. Ворошилов действовал храбро, но неумело. У него было достаточно смелости, и он часто выезжал на передний край обороны в зону прямой видимости противника. Но ему не хватало твердости в руководстве войсками. В конце августа Ленинград был почти окружен и лишился железнодорожной связи со страной.

9—10 сентября, после потери Шлиссельбурга, Ленинград был окружен окончательно. Ворошилов 10 сентября лично возглавил атаку морских пехотинцев, но это был скорее акт отчаяния. Сталин принял решение сместить Ворошилова и назначить на его место генерала армии Жукова. Жуков немедленно вылетел в Ленинград и прямо с аэродрома отправился в Смольный. С собой он вез короткую записку Сталина Ворошилову: «Передайте командование фронтом Жукову, а сами немедленно вылетайте в Москву».

Появление Жукова прервало совещание Военного совета фронта, на котором обсуждалось, что надо сделать, если не удастся удержать Ленинград. Но этот вопрос отпал сам собой, так как Жуков привез и приказ Сталина: не сдавать Ленинград, чего бы это ни стоило.

Никаких формальностей при сдаче командования фронтом не было, и Жуков доложил по прямому проводу в Ставку: «В командование вступил». Ворошилов собрал генералов штаба, чтобы попрощаться. «Отзывает меня Верховный,— с горечью сказал маршал.— Нынче не гражданская война — по-другому следует воевать...» Ворошилов хотел перед отлетом в Москву дать Жукову какие-либо советы, но последний довольно резко отказался от разговора с ним. Начавшийся уже через несколько

дней новый штурм немцами Ленинграда был отбит под командованием Жукова. Как представитель Ставки Ворошилов некоторое время помогал своему другу, командующему 54-й армией Кулику, который пытался пробиться на помощь Ленинграду с востока. Однако маршал Кулик оказался неспособным умело руководить армией и потерпел поражение. Он был также смещен и строго наказан.

Ворошилова Сталин пощадил. Назначил от ГКО контролировать подготовку резервов Красной Армии в Московском, Приволжском, Среднеазиатском и Уральском военных округах. В сентябре 1942 года Ворошилов стал Главнокомандующим партизанским движением. Ему был подчинен созданный еще весной 1942 года Центральный штаб партизанского движения, возглавляемый П. К. Пономаренко, первым секретарем ЦК КП(б) Белоруссии. Он-то и был главным руководителем партизанского движения, ибо участие Ворошилова было лишь эпизодическим и формальным. Также чисто формальным было участие Ворошилова и в работе тыла. Бывший заместитель наркома вооружений в 1941—1948 годах В. Н. Новиков вспоминал:

«В 1942 г. приехал в Ижевск член ГКО К. Е. Ворошилов, который занимался тогда формированием новых воинских подразделений. Он провел смотр созданных в нашем регионе воинских частей. На другое утро Климент Ефремович выразил желание осмотреть завод. Начали с цехов, где выпускали винтовки. Когда он пришел на сборку, то на двух конвейерах винтовки текли (ширина конвейерной ленты была около метра) буквально рекой. Операции были разбиты на очень мелкие, с тем чтобы быстрее обучать людей сборке. Ворошилов долго стоял, смотрел, потом говорит мне: «Товарищ Новиков, неужели винтовки могут выпускаться рекой?» Я сказал, что так идет производство круглые сутки. Он покачал головой и предложил продолжить знакомство с другими це-

Члены Политбюро ЦК ВКП(б)
на трибуне Мавзолея В. И. Ленина
в день физкультурного парада
на Красной площади.
24 июля 1938 года.

Сталин, Молотов, Ворошилов, Буденный,
Каганович, Микоян, Жданов, Берия, Шверник,
Маленков, Булганин, Щербаков, Шкирятов
на авиапараде в Тушино.
18 августа 1938 года.

Маленков все ближе к Сталину...
В ложе правительства на
I сессии Верховного Совета РСФСР.
15 июля 1938 года.

Подписание пакта о ненападении
между СССР и фашистской Германией.
Молотов, Сталин, Риббентроп.
1939 год.

Колонный зал Дома Союзов.
Похороны Жданова.
В почетном карауле Маленков, Ворошилов, Сталин.
1948 год.

На открытии памятника В. И. Ленину.
Суслов, Брежнев, Полянский.
1970 год.

На вершине славы...
Промыслов, Суслов, Гришин, Кириленко
при вручении награды заводу ЗИЛ.
30 апреля 1976 года.

Мимо Сталина, всегда мимо...
Похороны маршала Гречко.
Апрель 1976 года.

хами. В 6 час. вечера Климент Ефремович неожиданно попросил меня вернуться вместе с ним еще раз в сборочный цех. Пришли — и опять река винтовок. Он сказал: «Чудеса!» *

Когда Красная Армия начала продвигаться на запад, Ворошилов возглавил Трофейный комитет. Он выполнял и другие поручения: вел переговоры с английской военной делегацией, участвовал в Тегеранской конференции, был председателем комиссий по перемирию с Финляндией, Венгрией и Румынией.

Иногда, впрочем, Ворошилов выезжал и на фронт как представитель ГКО. Известен случай, когда во время такой поездки он пожелал прибыть в 9-ю Краснознаменную пластунскую дивизию не на автомобиле, а верхом, мотивируя это своим знанием психологии казаков **. В книге В. Карпова «Полководец» рассказывается о том, как в 1944 году после блестяще проведенного Отдельной Приморской армией десанта и захвата плацдарма на Керченском полуострове для координации действий сухопутных войск и флота туда прибыл Ворошилов. Он приказал самолично провести силами Азовской флотилии еще одну десантную операцию, которая закончилась полной неудачей. Но вина за нее была возложена Сталиным на генерала И. Е. Петрова, и потому его временно отстранили от командования армией и понизили в должности ***.

Чем дальше войска Красной Армии продвигались на запад, тем меньше Ворошилов принимал участия в военных делах. В 1943 году он был, например, назначен одним из руководителей комиссии по созданию нового Гим-

---

* *Новиков В. Н.* Армии нужно оружие // Вопросы истории. 1985. № 12. С. 84.

** См.: *Чистяков Б.* Наркомвоенмор номер три // Смена (Ленинград). 1989. 19 февр.

*** См.: *Карпов В.* Полководец // Новый мир. 1983. № 12. С. 99—100.

на СССР. Десятки раз он прослушивал исполнение многих его вариантов, прежде чем утвердить окончательный. За время войны на груди Ворошилова появилось мало новых наград. Он был награжден в 1944 году орденом Суворова. Свое первое звание Героя Советского Союза Ворошилов получил через одиннадцать лет после окончания войны, к своему 75-летию. Это была просто награда в честь юбилея. На трибуне Мавзолея во время Парада Победы рядом со Сталиным стояли Жуков, Ворошилов и Буденный. Но для Ворошилова это был один из последних эпизодов в его жизни, когда ему пришлось надеть военную форму.

Первые годы после войны

После войны Ворошилов почти полностью отошел от военных дел. Как член Политбюро и Бюро Совета Министров СССР он получил новое поручение — возглавил различные управления по культуре. Надо сказать, что Ворошилов иногда «курировал» культуру и до войны. Он, например, вел переписку с Репиным. Сталин очень хотел, чтобы великий русский художник вернулся в СССР. Давние дружеские отношения связывали Ворошилова с художником Налбандяном. Ворошилов же (вместе с Молотовым) осматривал скульптуру «Рабочий и колхозница» перед тем, как Сталин осмотрел и одобрил ее. Писатель А. Рекемчук так рассказывает об этом:

«Молотов и Ворошилов остановились, не дойдя полусотни шагов до статуи.

— Ну, как? — спросил Молотов.— На свежий взгляд?
Ворошилов смотрел, запрокинув голову.

— Что молчишь? — обеспокоился Молотов.— Неужели не нравится?

— Нравится-то нравится...

— Так что же?

— Первый раз в жизни вижу, чтобы рабочий держал молот в левой руке.

Председатель Совнаркома вдруг оживился, стекла его пенсне засверкали:

— А может быть, он левша? Ты Лескова читал?

— Ладно,— кивнул Ворошилов. Но тотчас, оглянувшись, строго спросил Мухину: — Почему у девушки мешки под глазами? Нельзя ли убрать?

— Хорошо, уберу,— пообещала Вера Игнатьевна.

Климент Ефремович, наклонясь к самому уху Молотова, сказал что-то. Подав знак, чтобы все оставались на месте, они вдвоем обошли изваяние кругом, бдительно вглядываясь в складки шарфа и отметенной ветром юбки (был донос, что в складках просматривается бородатое лицо.— Р. М.).

Но при всем тщании нельзя было увидеть того, чего не было и не могло быть.

Они вернулись.

— Что хорошо, то хорошо,— заключил процедуру осмотра Молотов.

А Ворошилов впервые улыбнулся:

— Что здорово, то здорово!

Они направились к машинам, ждавшим у ворот» *.

И вот теперь Ворошилов был поставлен во главе Бюро культуры при Совете Министров СССР. В ведении этого Бюро находились деятельность театров страны, Комитета по делам кинематографии, книгоиздательское дело. В служебном кабинете Ворошилова в Кремле теперь можно было встретить не генералов, а режиссеров, директоров крупных издательств, некоторых артистов. Конечно, основные вопросы культуры решались и ныне помимо Ворошилова. Так, например, ни один кинофильм не выходил на экраны страны без предварительного про-

* *Рекемчук А.* Госприемка 1937-го года // Советская культура. 1988. 6 авг.

смотра самим Сталиным. Однажды режиссер М. И. Ромм долго беседовал с Ворошиловым о создании документальных фильмов к 10-летию битвы под Москвой. Вместе с тем ощущалось, что Ворошилов находится при культуре, а не во главе ее, он просто опасался что-нибудь решать самостоятельно, хотя и был членом Политбюро. «Чувствую, что старею и глупею»,— сказал в конце беседы Ворошилов.

Чаще всего Ворошилов вмешивался в музыкальные дела, в работу Союза композиторов, оперы, музыкальных театров. У него были некоторые музыкальные способности, он хорошо знал украинские народные песни и любил хоровое пение. Видимо, этого было достаточно, чтобы он возомнил себя таким же «специалистом» по музыке, каким считал себя А. А. Жданов. Ворошилов с большим старанием давал многим композиторам и интерпретаторам различные указания. Один известный артист рассказывал Д. Шостаковичу, как он однажды пел вместе со Сталиным, Ворошиловым и Ждановым. Это было после одного приема, когда все были сильно навеселе. Солисты Большого театра сопровождали пение «вождей». Сталин дирижировал, ибо и здесь он не мог позволить кому-то командовать.

Сталин в эти годы не только не считался с Ворошиловым, но часто выказывал ему пренебрежение и недоверие. Существует легенда, что в 1949 году была сделана попытка арестовать жену Ворошилова, которая, как и жена Молотова, была еврейкой. И будто бы Ворошилов схватил не то шашку, не то пистолет и выгнал из своей квартиры явившихся туда чекистов. Эта легенда не соответствует действительности. Никаких попыток арестовать жену Ворошилова не предпринималось. Но некоторые из его родственников были арестованы. К тому же сам Ворошилов все более попадал в опалу «при дворе» Сталина.

На одном из заседаний Политбюро после войны обсуждался вопрос о путях развития Советского Военно-

Морского Флота. Это было расширенное заседание, на которое были приглашены командующие основными флотами. Как обычно, Сталин предложил высказываться всем присутствующим, оставляя за собой последнее слово. Мнение Ворошилова не совпало, однако, с мнением большинства. Завершая прения, Сталин не просто отверг предложения Ворошилова, но при этом сказал: «Не понимаю, для чего хочется товарищу Ворошилову ослабить Советский Военно-Морской Флот». Он повторил эту зловещую фразу еще два раза. После заседания все его участники пошли по приглашению Сталина смотреть кинофильм «Огни большого города», который Сталин уже много раз видел. В небольшом просмотровом зале стояли столики с закуской. Никто из присутствующих не сел уже за столик к Ворошилову, он оставался в одиночестве. Когда после окончания фильма зажегся свет, Сталин обернулся и, увидев одиноко сидящего Ворошилова, неожиданно встал и, подойдя, положил ему руку на плечо. «Лаврентий,— обратился Сталин к Берии.— Надо нам лучше заботиться о Ворошилове. У нас мало таких старых большевиков, как Клим Ворошилов. Ему нужно создать хорошие условия». Все молчали, ибо трудно было понять, почему именно к Берии обращался Сталин с предложением «позаботиться о Ворошилове». Заместитель командующего ВМФ СССР И. С. Исаков, присутствовавший на этом заседании Политбюро, записал свои впечатления сразу же по приходе домой.

Сталин не только отдалил от себя Ворошилова, но неоднократно выражал ему в присутствии других членов ЦК политическое недоверие и даже заявлял иногда, что Ворошилов является... английским шпионом. Нередко его не приглашали на заседания Политбюро. Были случаи, когда Ворошилов, узнав о предстоящем заседании, звонил личному секретарю Сталина А. Поскребышеву и униженно просил: «Узнайте, пожалуйста, можно ли мне приехать на заседание Политбюро?»

Тем не менее в 1952 году Ворошилов председательствовал на последнем заседании XIX съезда партии и закрывал этот съезд. Ворошилов был избран в состав расширенного Президиума ЦК КПСС и в состав Бюро Президиума из девяти человек. До конца жизни Сталина только двое членов высшего руководства партии обращались к нему на «ты» — Молотов и Ворошилов. При этом Ворошилов часто называл Сталина «Коба».

Ворошилов — Председатель Президиума Верховного Совета СССР

Сразу после смерти Сталина Ворошилов принял участие в совещаниях высших должностных лиц партии и государства, на которых шла речь о распределении власти. В это время пост Председателя Президиума Верховного Совета занимал Н. М. Шверник. Он не пользовался большим влиянием и даже не был после войны полноправным членом Политбюро, но лишь его кандидатом. До войны Шверник возглавлял советские профсоюзы. Теперь было решено снова назначить его Председателем ВЦСПС. На пост главы Советского государства, то есть Председателя Президиума Верховного Совета СССР, был избран Ворошилов.

Вскоре после смерти Сталина Президиум Верховного Совета СССР постановил объявить весьма широкую амнистию, на основании которой из тюрем и лагерей были освобождены сотни тысяч осужденных, главным образом уголовных преступников и так называемых «бытовиков». Поскольку Указ Президиума был подписан Ворошиловым, эта амнистия получила в народе название «ворошиловской». Об этой амнистии многие помнят и до сих пор. Несомненно, для множества людей она была большим благом — в сталинские времена длительные сроки заклю-

чения получали многие и за весьма незначительные правонарушения. К различного рода «бытовым» преступлениям людей часто вынуждала тяжелая жизнь. Под амнистию попало и очень небольшое число политзаключенных, но не более одного процента от общего их количества. Видимо, на основании тайной инструкции Берии под амнистию попали и злостные уголовные преступники, грабители, убийцы, рецидивисты, которые, если строго придерживаться текста амнистии, должны были оставаться в лагерях. Берия хотел осложнить обстановку в городах и продлить в них (особенно в Москве) пребывание специальных войск МВД. И действительно, сразу же после «ворошиловской» амнистии в Москве и во многих крупных городах резко возросла преступность и участились наглые ограбления граждан, квартир, магазинов. В результате милиция получила особые полномочия по борьбе с преступностью. Но все это не спасло Берию от возмездия. Чекистам недолго пришлось петь свой новый гимн, написанный к их 35-летнему юбилею, то есть к декабрю 1952 года. В этом гимне их называли «любимцами Сталина, питомцами Берии».

Ворошилов поддержал Маленкова и Хрущева при смещении Берии. После предварительной беседы с Маленковым о Берии Ворошилов не только дал согласие на его арест, но даже расплакался от волнения. Он слишком долго боялся, что Берия действительно возьмет на себя «заботу» о нем.

После ареста Берии в народе была некоторое время популярна частушка:

Цветет в Тбилиси алыча
Не для Лаврентий Палыча,
А для Климент Ефремыча
И Вячеслав Михалыча.

Начавшаяся реабилитация «врагов народа» и особенно доклад Н. С. Хрущева на закрытом заседании

XX съезда КПСС 25 февраля 1956 года «О культе личности и его последствиях» поставили вопрос об ответственности тех, кто помимо Сталина входил в структуру власти и более или менее благополучно пережил эти годы. Но ни Ворошилов, ни многие другие, к кому был обращен этот вопрос, не желали давать на него исчерпывающий и откровенный ответ, а старались отделаться мало вразумительными объяснениями. Безнравственность оправданий такого рода стала еще более очевидной после самоубийства А. А. Фадеева. Поэтому тут же стали распространяться слухи о том, что причиной его стала какая-то личная трагедия, а в официальном сообщении, опубликованном через день, говорилось, что оно произошло на почве алкоголизма. Воспоминания писателя М. Шкерина свидетельствуют о причастности Ворошилова к этой дезинформации:

«Шолохов был еще в Москве, и я (Шкерин.— Р. М.) зашел к нему. Потрясая газетой, он неистовствовал:

— Ну, ты подумай, какую подлую причину выставили! Прочитал вот, звоню в Президиум ЦК. Разговаривал с Ворошиловым. Зачем, спрашиваю, такую версию опубликовали, посмертно унизили талантливейшего писателя, героя гражданской войны, вместе с делегатами Десятого съезда партии штурмовавшего мятежный Кронштадт в двадцать первом году, тяжело раненного в том бою,— зачем?! И знаешь, что сказал в ответ Ворошилов ноющим голосом? Он, слышь, нам страшное письмо оставил, на личности членов Политбюро перешел! (Ворошилов по привычке все еще говорил «Политбюро»)» *.

Дружной совместной работы с Хрущевым у Ворошилова не получилось. Ворошилов поддержал Молотова, Маленкова и Кагановича, когда они выступили в июне 1957 года против Хрущева. Линия Хрущева на разоблачение сталинских преступлений очень беспокоила Воро-

* Рукопись из архива автора.

шилова, и он был против его намерения выступить о вреде культа личности еще на XX съезде КПСС. Ворошилов, однако, был не слишком верным союзником Молотова и Маленкова. Когда он убедился, что Пленум ЦК не поддержит решение своего Президиума, он снова встал на сторону Хрущева и в выступлении на Пленуме решительно осудил своих недавних союзников. Поэтому фамилия Ворошилова не была упомянута в решениях Пленума об антипартийной группе. Сам Ворошилов уже в начале июля, выступая в Ленинграде, осудил еще раз «гнусную попытку» Молотова, Маленкова и Кагановича выступить против «ленинского руководства» ЦК КПСС в лице товарища Хрущева. В результате Ворошилов на несколько лет сохранил за собой пост главы государства. Но эта его деятельность не была отмечена ни проблесками государственного ума, ни проявлениями какой-либо инициативы. Зато близких к нему по работе людей иногда удивляли несвойственные раньше Ворошилову признаки скупости. Он, например, очень не хотел отдавать в фонд государства те весьма ценные подарки, которые нередко получал как глава государства во время своих визитов в другие страны или при визитах глав других государств в СССР. Как можно больше из этих подарков Ворошилов старался оставить себе.

Нелояльность, проявленная Ворошиловым в июне 1957 года, все же не была забыта. Город Луганск, который в 1935 году был переименован в Ворошиловград, в 1958 году снова стал Луганском. В 1960 году, когда Ворошилову исполнилось уже 79 лет, он был освобожден от обязанностей Председателя Президиума Верховного Совета СССР. Уход Ворошилова с поста главы государства был отмечен торжественной процедурой. Ему было присвоено звание Героя Социалистического Труда. Были произнесены приличествующие случаю речи. Климент Ефремович остался членом Президиума Верховного Совета. Председателем Президиума был избран 53-летний Л. И. Брежнев.

Ни Молотов, ни Каганович, ни Маленков не присутствовали на XXII съезде КПСС. Ворошилов же был не только избран делегатом этого съезда, но и как член партийного руководства находился в его Президиуме. Ему пришлось выслушать здесь немало обвинений, направленных не только против его недавних политических соратников, но и против него самого.

Уже Хрущев в своем Отчетном докладе, говоря о фракционной антипартийной группе, назвал в числе ее активных участников и Ворошилова. При этом Хрущев сказал, что его позиция не была случайной, ибо и он несет персональную ответственность «за многие массовые репрессии в отношении партийных, советских, хозяйственных, военных и комсомольских кадров и за другие явления подобного рода, имевшие место в период культа личности» *. Почти все другие ораторы также упоминали Ворошилова в числе членов антипартийной группы. Особенно резко и аргументированно выступил против Ворошилова Председатель Совета Министров РСФСР Д. С. Полянский:

«Следует сказать и о поведении тов. Ворошилова как участника антипартийной группы. Всем известны его прежние заслуги перед Родиной. Поэтому Центральный Комитет партии очень снисходительно отнесся к нему. А ведь вы, товарищ Ворошилов, играли активную роль в этой группе, хотя и говорите, что вас «черт попутал». Мы думаем, что черт тут ни при чем. Вы хотели замести следы своего участия в репрессиях против ни в чем не повинных людей, особенно против кадров военных руководителей, известных всей стране. Будучи членом антипартийной группы, являясь ее активным участником,

* XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. 17—31 октября 1961 года. Стенографический отчет. М., 1962. Т. 1. С. 105.

тов. Ворошилов вел себя дерзко, грубо, вызывающе. В критические минуты он даже отказался встретиться с членами Центрального Комитета партии, требовавшими созыва Пленума Центрального Комитета. Он забыл о том, что его избирали в Президиум Центрального Комитета и, следовательно, могли лишить этого высокого доверия. А как он вел себя на Пленуме ЦК? Напомню только один момент. Когда Кагановичу было предъявлено обвинение в массовых репрессиях на Кубани, проводившихся по его указанию и при его личном участии, Ворошилов выступил в защиту Кагановича; вскочил с места и, размахивая кулаками, кричал: «Вы еще молоды, и мы вам мозги вправим». Мы тогда ответили на его реплику: «Успокойтесь, ЦК разберется, кому следует мозги вправлять!» Так что вы, товарищ Ворошилов, не прикидывайтесь Иваном, не помнящим родства. За антипартийные дела вы должны нести полную ответственность, как и вся антипартийная группа» *.

Во время речи Полянского Ворошилов вел себя очень нервно. Он вставал, садился, затем со злобой бросил какой-то блокнот и вышел из президиума съезда и из зала. Но на следующий день он снова сидел на съезде и слушал выступления, в которых нередко упоминалась и его фамилия. Так, например, А. Н. Шелепин, занимавший в 1961 году пост председателя Комитета государственной безопасности, сказал, в частности, о Ворошилове:

«Накануне расстрела Якир обратился к Ворошилову со следующим письмом: «К. Е. Ворошилову. В память многолетней в прошлом честной работы моей в Красной Армии я прошу Вас поручить посмотреть за моей семьей и помочь ей, беспомощной и ни в чем не повинной...»

И вот на письме человека, с которым долгие годы вместе работал, хорошо знал, что тот не раз смотрел смерти

* XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. 17—31 октября 1961 года. Стенографический отчет. М., 1962. Т. 2. С. 43—44.

в глаза, защищая Советскую власть, Ворошилов наложил резолюцию: «Сомневаюсь в честности бесчестного человека вообще. К. Ворошилов. 10 июня 1937 г.» *

Многие из делегатов требовали исключения лидеров антипартийной группы из партии. На 19-м заседании съезда 27 октября 1961 года было, однако, зачитано заявление Ворошилова XXII съезду КПСС. В нем Ворошилов утверждал, что, хотя он и поддержал «ошибочные, вредные выступления» членов антипартийной группы, он «не имел никакого понятия о ее фракционных действиях». Ворошилов писал:

«Глубоко осознав тот огромный вред, который могла нанести нашей партии и стране антипартийная группа Молотова, Кагановича, Маленкова и других, я решительно осуждаю ее фракционную деятельность, направленную на то, чтобы свернуть партию с ленинского пути. Я полностью понимаю серьезность допущенной мною ошибки, когда я поддерживал вредные выступления членов антипартийной группы».

Что касается своего участия в сталинских репрессиях, то Ворошилов заявлял: *«Я полностью согласен с проведенной партией большой работой по восстановлению ленинских норм партийной жизни и устранению нарушений революционной законности периода культа личности и глубоко сожалею, что в той обстановке и мною были допущены ошибки»* **.

На следующем заседании съезда Хрущев, подводя итог прениям, хотя и осудил Ворошилова, но призвал проявить к нему великодушие. Хрущев сказал:

«Хочу особо сказать о товарище Ворошилове. Он подходил ко мне, говорил о своих переживаниях... Но мы — политические деятели — не можем руководствоваться лишь одними чувствами. Чувства бывают разные, они

* XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Т. 2. С. 403.

** Там же. С. 589—590.

могут быть обманчивыми. Здесь, на съезде, Ворошилов слушает критику в свой адрес и ходит, как побитый. Но надо было видеть его в то время, когда антипартийная группа подняла руку против партии. Тогда Ворошилов проявлял активность, выступал, как говорится, при всех своих регалиях и в доспехах, чуть ли не на коне.

...Не случайно фракционеры выделили его для встречи с членами ЦК, которые добивались созыва Пленума Центрального Комитета. Антипартийная группа рассчитывала, что Ворошилов своим авторитетом сможет повлиять на членов Центрального Комитета, поколебать их решимость в борьбе против антипартийной группы...

Товарищ Ворошилов совершил тяжелые ошибки. Но я, товарищи, считаю, что к нему надо подойти иначе, чем к другим активным участникам антипартийной группы, например, к Молотову, Кагановичу, Маленкову.

...Имя Климента Ефремовича Ворошилова широко известно в народе. Поэтому участие его в антипартийной группе вместе с Молотовым, Кагановичем, Маленковым и другими как бы усиливало эту группу, производило какое-то впечатление на людей, неискушенных в политике. Выйдя из этой группы, товарищ Ворошилов помог Центральному Комитету в его борьбе против фракционеров. Давайте и мы за это доброе дело ответим тем же и облегчим его положение.

Товарища Ворошилова остро критиковали, эта критика была правильной потому, что он совершил большие ошибки, и коммунисты не могут забыть их. Но я считаю, что мы должны подойти к товарищу Ворошилову внимательно, проявить великодушие. Я верю, что он искренне осуждает свои поступки и раскаивается в них» *. Эти слова вызвали аплодисменты.

Прощение Ворошилова заключалось в том, что он не

* XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Т. 2. С. 589, 590.

был исключен из партии. Но он не был уже избран в новый состав ЦК КПСС и не вошел в другие руководящие органы партии. В печати перестали появляться статьи о Ворошилове и его собственные статьи. Он почти полностью отошел от общественной и политической деятельности. Он далеко не всегда присутствовал на заседаниях Верховного Совета и его Президиума, хотя и избирался в Верховный Совет как в 1962, так и в 1966 году.

Последние годы жизни

Ворошилов не был лишен тех привилегий, которыми пользовался в прошлом. Поэтому он спокойно доживал свои последние годы на большой даче-усадьбе в Подмосковье. Семья у него была невелика. Жена Ворошилова, Екатерина Давыдовна, умерла. Своих детей у них не было. Ворошилов воспитывал сына и дочь Фрунзе и приемного сына Петра, от которого у него было двое внуков — Клим и Володя. В середине 60-х годов Ворошилов начал работать над мемуарами. Видимо, в связи с этим он стал посещать Государственную библиотеку имени Ленина, где работала его невестка — жена Петра.

Нередко Ворошилова видели в обеденном зале ресторана «Прага» — излюбленном месте обеда многих привилегированных пенсионеров. Старость сильно изменила его внешность. Окружающие его здесь пенсионеры почти не реагировали на его присутствие. Но в других местах бывало иначе. Все же легенда о Ворошилове еще существовала в умах и сознании людей, несмотря на разоблачения XXII съезда. Поэтому Ворошилова публика принимала иначе, чем Молотова или Кагановича.

Однажды, когда я работал в Ленинской библиотеке, где-то за моей спиной раздались аплодисменты. Я обернулся. По ступенькам, ведущим в зал для чтения газет, спускался Ворошилов. Почти все читатели, а их было не

менее тысячи человек, поднялись со своих мест и устроили Ворошилову овацию. Под гром аплодисментов он медленно шел между столами к выходу из зала. Остались молча сидеть на своих местах всего пять-шесть человек, среди которых я увидел и сына Якира Петра, который едва удержался, чтобы не крикнуть что-либо оскорбительное и для Ворошилова, и для приветствовавших его научных работников.

Впрочем, симпатии к Ворошилову после смещения Хрущева стали проявляться и на более высоком уровне. Это вполне укладывалось в рамки той политики частичной реабилитации Сталина, которую весьма влиятельные круги пытались проводить после октябрьского (1964 года) Пленума ЦК КПСС. На XXIII съезде КПСС в 1966 году Ворошилов после пятилетнего перерыва был вновь избран членом ЦК КПСС. В газетах и журналах стали печататься статьи о нем, отрывки из его воспоминаний. Среди некоторой части военных и интеллигенции это вызывало протест. Военный историк подполковник В. А. Анфилов, выступая весной 1966 года на совещании в Институте марксизма-ленинизма при обсуждении книги А. Некрича «1941. 22 июня», сказал: «...у меня сердце кровью обливается, когда он (Ворошилов.— *Р. М.*) стоит на трибуне Мавзолея Ленина». В 1967 году было особенно торжественно отмечено 50-летие Октябрьской революции. На совместное заседание ЦК КПСС, Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР были, естественно, приглашены и такие люди, как Ворошилов и Микоян. Но в президиуме заседания находились и самые старые по стажу члены партии, такие, как Федор Николаевич Петров, член КПСС с 1896 года, и Анна Львовна Рязанова, член КПСС с 1899 года, жена известного историка и теоретика марксизма Д. Б. Рязанова, погибшего в годы сталинского террора. Она и сама больше пятнадцати лет провела в лагерях. Получив приглашение на заседание в Кремль, А. Л. Рязанова демонстративно отказа-

лась от участия в нем, заявив, что не желает сидеть рядом с такими людьми, как Ворошилов и Микоян, повинными в гибели многих тысяч старых большевиков. Ее протест, как и следовало ожидать, остался без внимания, подобно многим другим аналогичным протестам. В феврале 1968 года отмечалась еще одна годовщина — 50-летие Красной Армии. По этому поводу Ворошилов удостоился высоких почестей. Он получил вторую медаль «Золотая Звезда» и почетное оружие с золотым гербом СССР. Власти Ростова-на-Дону присвоили Ворошилову звание почетного гражданина этого города. В 1968 году вышла в свет и первая книга его мемуаров «Рассказы о жизни», посвященная главным образом луганскому периоду его деятельности. Рассказывая о своей первой встрече со Сталиным, Ворошилов счел нужным высказать и общее суждение об этом человеке:

«Мы подружились, и вскоре я узнал, что мой новый друг является грузином и зовут его Иосифом Виссарионовичем Джугашвили... Так волею случая много десятков лет назад довелось мне впервые встретиться с человеком, который в дальнейшем под именем Сталина прочно вошел в историю нашей партии и страны. Он прожил большую и сложную жизнь, и хотя его деятельность была омрачена известными всем крупными ошибками, я не могу говорить о нем без уважения и считаю своим долгом в последующем изложении своих воспоминаний... правдиво сказать о нем все, что я знаю и что навсегда сохранилось у меня в памяти» *.

После такого вступления трудно было рассчитывать на то, что Ворошилов станет действительно правдиво рассказывать о событиях своей жизни. Мои друзья говорили мне, что на одном из приемов Микоян, только что прочитавший книгу Ворошилова, подошел к своему бывшему

---

* *Ворошилов К. Е.* Рассказы о жизни. М., 1968. Кн. 1. С. 247—248.

соратнику по Политбюро и прилюдно спросил его: «Как ты можешь, Клим, после всего, что произошло, так писать о Сталине?» Ворошилов рассердился: «Я писал и буду писать, как считаю нужным». Но Климент Ефремович не успел написать вторую книгу. 2 декабря 1969 года он умер, и его с почестями похоронили у Кремлевской стены. Приближалось 90-летие со дня рождения Сталина, и Брежнев с Сусловым всерьез готовили его реабилитацию, которая не состоялась только из-за активного протеста Польской, Венгерской и Итальянской коммунистических и рабочих партий. Тем временем город Луганск был снова переименован в Ворошиловград, а Академия Генерального штаба стала носить имя Ворошилова, полководца, который не выиграл ни одного сражения в годы Отечественной войны, но потерпел множество поражений, погубив сотни тысяч бойцов и командиров Красной Армии и сдав врагу десятки городов.

Со времени смерти Ворошилова было сделано немало, чтобы возродить легенду о «красном маршале». Было издано несколько альбомов, посвященных Ворошилову, написаны его новые биографии, организованы два мемориальных музея. Но подновленная легенда уже не смогла утвердиться в сознании советских людей. Много нелестных слов о Ворошилове содержится в книге В. Карпова «Полководец». В отрывках из воспоминаний Г. К. Жукова (не вошедших в «годы застоя» в его книгу) говорится, что и в роли наркома обороны, и в роли военачальника Ворошилов всегда был человеком малокомпетентным, что он, в сущности, был дилетантом в военных вопросах *. Печать опять напоминает о роли Ворошилова в разгроме советских военных кадров перед войной, о его пресмыкательстве перед Сталиным. Неудивительно, что многие военные требуют снять имя Ворошилова с Академии

* См.: *Ицков И., Бабак М.* Маршал Жуков // Огонек. 1986. № 48. С. 7.

Генерального штаба: *«...непонятно, есть ли логика в том, что Военная Академия Генерального штаба Вооруженных Сил СССР, предназначенная для подготовки кадров «мозга» армии, носит имя не выдающихся отечественных или советских теоретиков и практиков военного дела, а К. Е. Ворошилова? Военачальника некомпетентного в проблемах стратегии»* *. Многие жители Ворошиловграда хотят опять и на этот раз окончательно вернуть городу его историческое название. А совсем недавно 9-я сессия Совета народных депутатов Ворошиловского района Москвы приняла решение о переименовании района в Хорошевский. По данным опроса общественного мнения это отвечает настроению 70% его жителей **.

В последние годы своей жизни, оправдывая те или иные действия или бездействие, Ворошилов часто говорил своим знакомым: «Я хочу, чтобы меня похоронили у Кремлевской стены». Его желание сбылось, и Брежнев возложил венок на его могилу. Но сегодня на этой могиле нет цветов, и люди проходят равнодушно мимо гранитного бюста Ворошилова, рядом с которым стоят на особо почетном месте гранитные бюсты Жданова и Буденного, Сталина и Суслова, Брежнева и Черненко.

---

* Цит. по: *Данилов В.* Клим Ворошилов: портрет при свете правды // Комсомольская правда. 1989. 12 февр.

** См.: *Изюмова Н.* Быть ли району Ворошиловским? // Московские новости. 1989, 26 марта.

Несостоявшийся „наследник" Сталина

Он мог бы еще заседать в Политбюро

Несколько лет назад я должен был побывать в Измайлове в больнице для старых большевиков, где оказалась моя знакомая. В небольшой палате на четыре койки возле одной из больных сидел мужчина, лицо которого, показалось мне, я раньше видел. Это был Георгий Максимилианович Маленков, бывший премьер Советского правительства, многолетний фаворит и даже «наследник» Сталина. Он приехал в Измайлово, чтобы навестить свою жену Валерию Алексеевну, которой он был обязан началом своей карьеры. Маленков сильно похудел, но, хотя и был стар, отнюдь не смотрелся дряхлым стариком. Было заметно, что он тщательно следит и за своим внешним видом, и за здоровьем. Странно было сознавать, что в нескольких шагах от меня сидит человек, который когда-то хладнокровно отправлял на казнь и страдания десятки тысяч тех самых старых большевиков, для лечения которых и была построена эта огромная больница в Измайлове. Еще более странно было предположить, что этот человек из другой эпохи мог бы еще и в 1980 году заседать в Политбюро или возглавлять правительство. Ведь Маленков был всего на несколько месяцев старше М. А. Суслова и на несколько лет моложе А. Я. Пельше, которые тогда еще были влиятельными

членами Политбюро. В начале 80-х годов наше руководство было самым старым (по возрасту) в мире, и Маленкову вполне нашлось бы место среди этих людей, близких ему также по взглядам и убеждениям.

Человек без биографии

О Маленкове трудно написать даже самый краткий очерк. В сущности, это был человек без биографии, деятель особых отделов и тайных кабинетов. Он не имел ни своего лица, ни собственного стиля. Он был орудием Сталина, и его громадная власть означала всего лишь продолжение власти Сталина. И когда Сталин умер, Маленков сумел удержаться у руководства страной и партией чуть более года. Наследство Сталина оказалось чрезмерно тяжелой ношей для Маленкова, и он не смог сохранить его в своих, как обнаружилось, не слишком сильных руках.

Георгий Маленков родился 8 января 1902 года в семье служащего. Согласно краткой официальной биографии, он ушел добровольцем на фронт защищать Советскую власть и в апреле 1920 года вступил в партию. Был политработником эскадрона, полка, бригады и даже Политуправления Восточного и Туркестанского фронтов. Однако, по неофициальным данным, он служил всего лишь писарем в политическом отделе и никогда не поднимал бойцов в атаку. Он плохо стрелял и едва держался на коне, но хорошо вел делопроизводство. По окончании гражданской войны Маленков не стал возвращаться домой в Оренбург, а приехал в Москву и в 1921 году поступил в Высшее техническое училище. В мае 1920 года он женился на Валерии Голубцовой, которая занимала незначительную должность в аппарате ЦК РКП(б). Этот брак был первой ступенькой в стремительной партийной карьере Маленкова.

Успехи в кабинетной работе

До начала 1925 года Маленков был студентом Высшего технического училища. Многие студенты — члены партии 1923—1924 годов — увлекались Троцким, и платформа троцкистской оппозиции нередко собирала большинство в студенческих ячейках того времени. Но Маленков с самого начала стоял на ортодоксальных позициях и выступал против троцкистов и их платформы. Когда после поражения Троцкого была создана комиссия по проверке студентов — членов партии, поддерживавших оппозицию, в нее вошел и двадцатидвухлетний студент Георгий Маленков. Его активность была замечена. По совету и настоянию жены Маленков оставил институт перед самым окончанием ради должности технического секретаря Оргбюро ЦК РКП(б). Он проявил себя отличным канцеляристом. Года через два Маленков стал техническим секретарем Политбюро.

Когда Маленкову исполнилось 50 лет, в приветствии ЦК о нем говорилось как об «ученике Ленина» и «соратнике Сталина». Маленков не был, конечно, «учеником Ленина», которого мог видеть только издалека. Но со Сталиным он встречался часто, как и любой технический работник аппарата Политбюро. Молодой Маленков не был главным лицом в этом небольшом техническом аппарате, он подчинялся личному секретарю Сталина А. Поскребышеву. Однако Маленков не слишком долго задержался на чисто технической работе.

В конце 20-х годов Сталин добился смещения Н. А. Угланова с поста первого секретаря МК партии. Было сменено и все бюро столичной организации, обвиненное в принадлежности к так называемому «правому» уклону. Во главе Московской организации вначале встал Молотов, но в 1930 году «вождем» московских большевиков был избран Л. М. Каганович. Он-то и выдвинул Маленкова на более ответственную работу. Мален-

ков стал заведующим орготделом в Московском комитете партии. Фактически это был отдел кадров, с помощью которого осуществлялись все назначения в московских райкомах, а также утверждались секретари всех крупных первичных партийных организаций. В это время Маленков познакомился со многими лидерами партии и с молодыми выдвиженцами, как, например, Н. С. Хрущев. Работу по «чистке» Московской партийной организации от бывших оппозиционеров (тогда это означало еще лишь исключение из партии или понижение в должности и только в крайнем случае — арест) Маленков провел, с точки зрения Кагановича, да и Сталина, очень хорошо. Между тем Сталин сразу же после XVII съезда партии стал перестраивать весь аппарат ЦК ВКП(б), подготавливая его к предстоящим новым и более жестоким «чисткам». Ему нужны были свежие кадры. Сталин и раньше знал Маленкова. К тому же Каганович был о Маленкове лучшего мнения. И когда возник вопрос о назначении нового заведующего отделом руководящих партийных органов ЦК, выбор Сталина пал на Маленкова.

Почти одновременно с Маленковым Сталин выдвинул на самые ответственные посты в партийном аппарате Н. И. Ежова. Ежов стал секретарем ЦК ВКП(б) и занял вместо Кагановича пост председателя Комиссии партийного контроля. Между Ежовым и Кагановичем началась скрытая вражда из-за влияния на Сталина, которую последний только поощрял. Маленков, хотя не был еще членом ЦК, принял сторону Ежова и вскоре стал одним из его ближайших друзей, тогда как с Кагановичем у него сложились теперь крайне неприязненные отношения. Под руководством Ежова и при активном участии Маленкова в первой половине 1936 года в стране была проведена проверка партийных документов. Фактически это была еще одна «чистка» партии и канцелярская подготовка террора. На каждого члена партии заводилось весьма подробное «личное дело».

Если Сталин был главным организатором и вдохновителем массового террора 1937—1938 годов, то Ежов — главным исполнителем этой страшной кровавой кампании. Именно Ежов был назначен в 1936 году наркомом внутренних дел СССР, возглавил карательные органы, которым предоставлялись чрезвычайные полномочия по выявлению, изоляции и уничтожению тех людей, которых стали теперь называть «врагами народа». Маленков действовал в тени, но именно он был одним из тех, кто под руководством Сталина приводил в движение наиболее важные тайные пружины террора. В книге «Крушение поколения» И. Бергер, однако, писал: «Маленков в отличие от Молотова и Кагановича не нес прямой ответственности за сталинский террор 30-х годов» *. Это мнение ошибочно. Формально Маленков не входил тогда ни в какие руководящие государственные органы. Он присутствовал в качестве делегата на XVII съезде партии, но не был избран ни членом, ни кандидатом в члены ЦК ВКП(б), не вошел он и в комиссии партийного и советского контроля и даже в Центральную Ревизионную Комиссию. Формально он не участвовал, таким образом, даже в Пленумах ЦК, включая и февральско-мартовский Пленум 1937 года. И тем не менее, находясь во главе отдела руководящих парторганов ЦК, Маленков играл в событиях 1937—1938 годов не менее важную роль, чем Ежов, Берия, Каганович и Молотов. Наделенный чрезвычайными правами, Маленков руководил репрессиями не только в тиши своего кабинета, но и непосредственно на местах, в различных республиках и областях. Было немало случаев, когда он лично присутствовал на допросах и пытках арестованных партийных руководителей. Так, например, Маленков вместе с Ежовым выезжал в 1937

* *Бергер И.* Крушение поколения. С. 294.

году в Белоруссию, где был учинен настоящий разгром партийной организации республики. Осенью этого же года Маленков с Микояном побывали в Армении, где также был репрессирован почти весь партийный и советский актив этой республики. При участии Маленкова составлялся план репрессий во всех областях РСФСР, затем в его отделе подбирали новые кандидатуры секретарей обкомов и горкомов на место арестованных и расстрелянных.

Чтобы замаскировать масштабы террора, в январе 1938 года в Москве был проведен Пленум ЦК, который рассмотрел вопрос «Об ошибках парторганизаций при исключении коммунистов из партии...». На этом Пленуме присутствовали всего 28 из 71 члена ЦК, избранного на XVII съезде партии. Лишь несколько человек с тех пор умерло, тогда как почти сорок человек было к тому времени арестовано. Характерно, что Пленум обсуждал доклад Маленкова, который формально не был членом ЦК. Январский Пленум ЦК не остановил массовых репрессий, которые еще много месяцев свирепствовали по всей стране.

В 1937—1938 годах Маленков работал в постоянном контакте с Ежовым. В журнале «Партийное строительство», который некоторое время редактировался Маленковым, мы можем найти множество восхвалений Ежова — «сталинского наркома», «верного стража социализма». Но Маленков не разделил судьбы Ежова и с конца 1938 года стал тесно сотрудничать с Л. П. Берией, сменившим Ежова на посту главы НКВД.

Появление на открытой сцене

По существу, только в 1939 году Маленков начинает выходить из тайных кабинетов власти и появляться на открытой политической арене. На XVIII съезде ВКП(б)

Маленков возглавил мандатную комиссию и сделал на пятом заседании съезда доклад о составе съезда. Он был избран в члены Центрального Комитета ВКП(б), а на Пленуме ЦК 22 марта 1939 года — секретарем ЦК. В этот Секретариат, возглавляемый Сталиным, вошли также А. А. Андреев и А. А. Жданов. С тех пор Маленков неизменно входил в состав этого органа ЦК, который в повседневном практическом руководстве партией играл при Сталине, пожалуй, даже большую роль, чем Политбюро. Маленков был избран также членом Оргбюро ЦК. Отдел руководящих партийных органов ЦК был реорганизован в Управление кадрами ЦК ВКП(б), во главе которого по-прежнему оставался Маленков.

Постепенно стал расширяться круг проблем, которыми теперь занимался Маленков как секретарь ЦК. Ему было поручено, например, контролировать развитие промышленности и транспорта. Когда в феврале 1941 года состоялась XVIII Всесоюзная конференция ВКП(б), посвященная хозяйственным проблемам и итогам выполнения первых лет третьего пятилетнего плана, то главный доклад на ней о задачах промышленности и транспорта сделал Маленков. Тогда же состоялся Пленум ЦК, на котором Маленков был избран кандидатом в члены Политбюро. Он занял отныне прочное место в ближайшем окружении Сталина.

Маленков в годы войны

Когда началась Отечественная война, Маленков, к удивлению многих, вошел в первый же состав Государственного Комитета Обороны, хотя он не был еще в то время полноправным членом Политбюро. В первые два года войны Маленкову приходилось выезжать во главе специальных комиссий на участки фронта, где создавалась угрожающая ситуация. В августе 1941 года он на-

ходился в Ленинграде, осенью того же года — на фронте под Москвой, в августе 1942 года как член ГКО прибыл в Сталинград — помочь в организации обороны города. Но постепенно Маленков перестал принимать участие в решении чисто военных вопросов и сосредоточился на отдельных проблемах военно-оборонного производства. Его главной задачей стало оснащение Красной Армии самолетами. Как известно, после огромных потерь советской авиации в первые недели войны германская армия имела превосходство в воздухе до конца 1942 года. Однако соотношение сил стало меняться в 1943 году. Советская промышленность сумела обеспечить отечественные ВВС большим количеством современных машин, и уже к моменту сражения на Курской дуге превосходство в воздухе стало переходить к Красной Армии. Определенные заслуги в налаживании производства самолетов были и у Маленкова, в связи с чем ему было присвоено в сентябре 1943 года звание Героя Социалистического Труда. Осенью того же года Маленков возглавил Комитет при СНК СССР по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от оккупации.

В 1944 году, когда победа СССР над Германией вполне определилась, в ЦК ВКП(б) было проведено под руководством Маленкова специальное идеологическое совещание. На этом совещании ставился вопрос о пересмотре отношения к немецкому классическому наследию. Было, в частности, принято решение «О недостатках и ошибках в освещении истории немецкой философии конца XVIII — начала XIX вв.». Совещание продолжалось несколько дней. Как раз тогда Сталин и высказал свою многозначительную по форме, но нелепую по содержанию мысль о том, что немецкая классическая идеалистическая философия была консервативной реакцией на французскую революцию. Сталин добавил также, что для немецких философов были характерны апологетика прусской монархии и третирование славянских народов.

Было решено сохранить присужденную ранее Сталинскую премию только за первыми двумя томами «Истории философии» и изъять третий том, посвященный немецкой классической философии.

Осенью того же 1944 года Сталин созвал в Кремле расширенное совещание, на которое были приглашены члены Политбюро и Секретариата ЦК, первые секретари республиканских и областных комитетов партии, руководители оборонной промышленности, армии и государственной безопасности. Речь шла о «еврейской проблеме». В своем вступительном слове Сталин — правда, с некоторыми оговорками — высказался за «более осторожное» назначение евреев на руководящие должности в государственных и партийных органах. Каждый из участников совещания понял, однако, что речь идет о постепенном вытеснении лиц еврейской национальности с ответственных постов. Наиболее подробным на этом совещании было выступление Маленкова, который обосновывал необходимость «повышения бдительности» по отношению к еврейским кадрам. Вскоре после совещания в ЦК ВКП(б) партийные комитеты различных уровней получили подписанное Маленковым директивное письмо, которое тогда в партийных кругах называли «маленковским циркуляром». В нем перечислялись должности, на которые назначение людей еврейской национальности было нежелательно. Одновременно вводились и некоторые ограничения при приеме евреев в высшие учебные заведения.

Сразу же после войны Маленков возглавил Комитет по демонтажу немецкой промышленности. Его работа на этом посту была нелегкой и подвергалась критике, так как многие влиятельные ведомства боролись, чтобы получить как можно больше оборудования. В этот период возникли споры и ухудшились личные отношения между Маленковым и председателем Госплана Н. А. Вознесенским. Для рассмотрения конфликтов была создана комиссия во главе с Микояном. Она вынесла неожиданное

решение — прекратить вообще демонтаж немецкой промышленности и наладить производство товаров для СССР в Германии в качестве репарации. Это решение было утверждено на Политбюро, несмотря на возражения Кагановича и Берии.

«Ленинградское дело»

Репрессии 30-х годов привели к гибели сотен тысяч опытных руководителей и к выдвижению на высокие посты сотен тысяч новых людей, не обладавших достаточным опытом руководящей работы. Однако начавшаяся вскоре Отечественная война принесла не только громадные людские и материальные потери. Война выдвинула новых государственных деятелей, талантливых полководцев, хозяйственников, заслуги и достижения которых нельзя было игнорировать даже Сталину. Одну из таких групп составляли бывшие партийные и хозяйственные работники Ленинграда, им покровительствовал также А. А. Жданов, влияние которого на Сталина, особенно в области идеологии и руководства коммунистическим движением, явно возросло.

После войны Маленков — полноправный член Политбюро. Стал членом Политбюро и Берия, с которым у Маленкова установились вполне доверительные и близкие к политическому союзу отношения. Но среди новых членов Политбюро был и Н. А. Вознесенский, игравший в руководстве экономикой теперь большую роль, чем Каганович, Микоян или Маленков. Секретарем ЦК ВКП(б) был избран и А. А. Кузнецов, который не только возглавил Управление кадров, но и стал курировать органы МВД и МГБ. Это ослабило позиции Маленкова в аппарате ЦК. Жданов и Вознесенский явно доминировали теперь в области идеологии и общественных наук, где ни Берия, ни Маленков никогда не чувствовали себя особен-

но сильными. Между тем Сталин уже во второй половине 1948 года стал часто болеть, в 1949 году он перенес, по-видимому, первое кровоизлияние в мозг. Все это усилило борьбу за власть среди ближайшего сталинского окружения. На короткое время, еще до болезни Сталина, жертвой этой борьбы стал и сам Маленков. Не без участия сына Сталина Василия было создано провокационное дело о низком уровне советской авиационной промышленности. В результате были арестованы командующий ВВС Красной Армии Главный маршал авиации А. А. Новиков, член ЦК ВКП(б) А. И. Шахурин, работавший в годы войны наркомом авиационной промышленности СССР, а также многие другие работники авиапромышленности и военные авиаторы. Все эти аресты отразились и на Маленкове. Он был освобожден от работы в аппарате ЦК и направлен в Ташкент. Эта «ссылка» длилась, однако, недолго. Особенно большие усилия для полной реабилитации и возвращения в Москву Маленкова приложил Берия.

Берия в это время вел сложную интригу, направленную на компрометацию Жданова, Вознесенского и их ближайшего окружения. Маленков стал помогать Берии. Между Ждановым и Маленковым давно уже существовали крайне неприязненные отношения. Жданов и его ближайшие друзья считали Маленкова неграмотным выдвиженцем и в своем кругу называли его «Маланьей» — это был намек на женоподобный внешний облик тучного Маленкова. Берии и Маленкову удалось убедить Сталина, которого и без того раздражали теоретические претензии Жданова и Вознесенского, в «сепаратизме» Ленинградской партийной организации и выдвиженцев из Ленинграда. Так возникло «ленинградское дело», жертвой которого стали все руководители Ленинградской партийной организации во главе с П. С. Попковым. Репрессии распространились потом вниз и охватили сотни и тысячи партийных и комсомольских работников Ленинграда, уче-

ных, тружеников народного хозяйства. Они двинулись и вверх, приведя к аресту и гибели Н. А. Вознесенского, А. А. Кузнецова, М. И. Родионова и других ответственных работников партийного и советского аппарата. Маленков взял на себя разгром Ленинградской партийной организации, для чего выехал в Ленинград. Берия руководил репрессиями в Москве. Жданов, который недавно сам возглавлял погромные идеологические кампании, фактически был отстранен от руководства и умер у себя на даче в возрасте 52 лет при не вполне выясненных обстоятельствах.

Недавно материалы «ленинградского дела» были вновь рассмотрены Комитетом партийного контроля при ЦК КПСС. В опубликованном заключении недвусмысленно говорится: *«Вопрос о преступной роли Г. М. Маленкова в организации так называемого «ленинградского дела» был поставлен после июньского (1957 г.) Пленума ЦК КПСС. Однако Г. М. Маленков, заметая следы преступлений, почти полностью уничтожил документы, относящиеся к «ленинградскому делу». Бывший заведующий секретариатом Г. М. Маленкова — А. М. Петроковский сообщил в КПК при ЦК КПСС, что в 1957 году он произвел опись документов, изъятых из сейфа арестованного помощника Г. М. Маленкова — Д. Н. Суханова. В сейфе в числе других документов была обнаружена папка с надписью «ленинградское дело», в которой находились записки В. М. Андрианова, личные записи Г. М. Маленкова, относящиеся ко времени его поездки в Ленинград, более двух десятков разрозненных листов проектов постановлений Политбюро ЦК, касающихся исключения из ЦК ВКП(б) Н. А. Вознесенского, конспекты выступлений Г. М. Маленкова в Ленинграде и записи, сделанные им на бюро и пленуме Ленинградского обкома и горкома партии. Во время заседаний июньского (1957 г.) Пленума ЦК КПСС Г. М. Маленков несколько раз просматривал документы, хранившиеся в сейфе Д. Н. Суханова,*

многие брал с собой, а после того как был выведен из состава ЦК КПСС, не вернул материалы из папки «ленинградское дело», заявив, что уничтожил их как личные документы. Г. М. Маленков на заседании КПК при ЦК КПСС подтвердил, что уничтожил эти документы» *.

Еще совсем недавно сын Маленкова ставил под сомнение факт прямого участия своего отца в репрессиях **. Выводы КПК, однако, позволяют внести ясность и в этот вопрос: *«С целью получения вымышленных показаний о существовании в Ленинграде антипартийной группы Г. М. Маленков лично руководил ходом следствия по делу и принимал в допросах непосредственное участие. Ко всем арестованным применялись незаконные методы следствия, мучительные пытки, побои и истязания»* ***.

После смерти Жданова Маленков принял также и его функции в области идеологии. Под его началом набирала силу антисемитская кампания. Маленков принимал активное участие в создании фальсифицированного «дела Еврейского антифашистского комитета», по которому весной 1952 года приговорены к расстрелу начальник Совинформбюро и бывший заместитель министра иностранных дел С. А. Лозовский, писавшие на языке идиш литераторы И. Фефер, П. Маркиш, Л. Квитко и другие известные деятели науки и культуры.

Председатель военной коллегии Верховного суда СССР генерал-лейтенант юстиции А. А. Чепцов, который был принужден подписать несправедливый приговор, после июньского Пленума ЦК 1957 года по требованию Г. К. Жукова дал письменное объяснение, в котором писал:

«Я позвонил ему (Маленкову.— Р. М.) по телефону, просил принять и выслушать меня... Через несколько дней я был вызван к Маленкову, который вызвал также

* Известия ЦК КПСС. 1989. № 2. С. 133—134.

** См.: Из редакционной почты // Горизонт. 1988. № 12. С. 16.

*** Известия ЦК КПСС. 1989. № 2. С. 130.

Рюмина и т. Игнатьева (заместитель министра и министр госбезопасности.— Р. М.).

Я полагал, что Маленков меня поддержит и согласится с моими доводами... Однако, выслушав мое сообщение, он дал слово Рюмину, который стал меня обвинять в либерализме к врагам народа... обвинял в клевете на органы МГБ СССР и отрицал применение физических мер воздействия. Я вновь заявил, что Рюмин творит беззаконие, однако Маленков заявил буквально следующее: «Вы хотите нас на колени поставить перед этими преступниками, ведь приговор по этому делу апробирован народом, этим делом Политбюро ЦК занималось 3 раза, выполняйте решение ПБ».

...Мы, судьи, как члены партии вынуждены были подчиниться категорическому указанию секретаря ЦК Маленкова» *.

Когда Маленков узнал, что по требованию Сталина его дочь Светлана развелась со своим мужем, в котором «вождь» усмотрел еврея, то он велел своей дочери Воле поступить так же, ибо зять его был евреем.

Второй человек в партии

После гибели Вознесенского и Кузнецова, а также после смерти Жданова влияние Маленкова в партийном и государственном руководстве значительно возросло. По мере того как Сталин отдалял от себя таких старых соратников, как Молотов, Ворошилов, Каганович и Микоян, он все более и более приближал к себе Маленкова. Когда в декабре 1949 года «Правда» начала публиковать большие статьи членов Политбюро, посвященные 70-летию Сталина, то первой была опубликована статья Ма-

* Цит. по: *Ваксберг А.* Заслуженный деятель // Литературная газета. 1989. 15 марта.

ленкова и лишь затем Молотова. Для всех, кто понимал значение подобных вещей, это было признаком особого доверия.

Не брезговал Маленков и мелким угодничеством. По его поручению накануне 70-летия Сталину готовился подарок — перевод юношеских стихотворений вождя с грузинского языка на русский. Переводчик (известный поэт Арсений Тарковский) в спешном порядке выполнил заказ Маленкова, но стихи Сталина так и не были напечатаны. Чутье на этот раз изменило Маленкову — слава стихотворца вождя не привлекала.

В 1950—1952 годах Маленков был, безусловно, вторым по значению человеком в партии. Влияние Маленкова увеличивалось также благодаря его дружбе с Берией. Сталин приблизил к себе в это время еще двух человек — Хрущева и Булганина, однако их значение в партийно-государственных делах было гораздо меньшим.

Маленков был молчалив и осторожен, но его интеллект и даже роль в партии часто преувеличивались западными авторами и современными дипломатами. Георг Бартоли утверждал, что Сталин доверял Маленкову все свои тайны и поэтому последний «знал все обо всех». Бартоли писал о Маленкове:

«Он умен и осторожен, как дикий кот. Один французский политик, который встречался с Маленковым в период его подъема, говорил мне: «Он напоминал мне юного Лаваля». Подобно последнему он соединял в себе острый ум с величайшим самообладанием и осмотрительностью. Джилас, который его раньше встречал, выразился о нем в таком смысле: «Он производит впечатление скрытного, осторожного и болезненного человека, но под складками жирной кожи, казалось бы, должен жить совсем другой человек, живой и умный человек с умными, проницательными черными глазами» *.

---

* *Бартоли Г.* Когда Сталин умер. Штутгарт, 1974. С. 96—97.

В книге А. Авторханова «Технология власти» можно прочесть: *«Нынешняя КПСС — детище двух людей: Сталина и Маленкова. Если Сталин был ее главным конструктором, то Маленков — ее талантливый архитектор»* *.

С подобным утверждением нельзя согласиться. Маленкова ошибочно было бы называть «архитектором», а тем более «талантливым архитектором» партийного строительства. В лучшем случае, он был одним из нескольких «прорабов», причем далеко не из самых способных. Может быть, именно это и дало Сталину повод сделать Маленкова своим фаворитом. Сталин плохо переносил присутствие возле себя истинно талантливых людей.

В начале 50-х годов Маленков контролировал от имени Сталина не только партийный аппарат. Как член Политбюро и секретарь ЦК он вмешивался в вопросы развития промышленности и транспорта. Однако в первую очередь ему было поручено руководство сельским хозяйством — как раз в это время с большой пропагандистской шумихой началось осуществление так называемого «сталинского плана преобразования природы». Большое значение придавалось и «трехлетнему плану» ускоренного развития животноводства. Маленков не мог справиться с такими огромными проектами хотя бы потому, что они исходили из ошибочных представлений о реальном состоянии советского сельского хозяйства к началу 50-х годов.

После смерти Жданова Маленков занимался также и некоторыми идеологическими проблемами.

Эпизодически ему приходилось и раньше решать вопросы, связанные с идеологией и культурой. Так, например, еще во время войны Маленков разбирал дело поэта Сельвинского. В 1942 году Илья Сельвинский написал стихотворение «России», в котором были такие строки:

* *Авторханов А.* Технология власти. 2-е изд. Франкфурт-на-Майне, 1977. С. 634.

Сама как русская природа,
душа народа моего —
она пригреет и урода,
как птицу выходит его...

Через год в словах об «уроде» кто-то сумел вычитать скрытый смысл. Сельвинского вызвали с фронта в Москву. Сохранилась его дневниковая запись: *«Заседание Оргбюро ЦК вел Маленков. «Кто этот урод?» — металлическим голосом спросил он. Я начал было объяснять ему смысл этого четверостишия, но он меня перебил: «Вы тут нам бабки не заколачивайте. Скажите прямо и откровенно: кто этот урод? Кого именно имели вы в виду? Имя?» «Я имел в виду юродивых». «Неправда! Умел воровать, умей и ответ держать!» Вдруг я понял, что здесь имеют в виду Сталина: лицо его изрыто оспой, мол, русский народ пригрел урода...*

Неизвестно, как и откуда в комнате появился Сталин. Неся, как обычно, одну руку в полусогнутом состоянии, точно она висела на перевязи, он подошел к Маленкову и стал тихо о чем-то с ним разговаривать. Насколько я мог судить, речь шла не обо мне. Затем Сталин отошел от Маленкова, собираясь, видимо, возвратиться к себе, и тут взглянул на меня: «С этим человеком нужно обращаться бережно — его очень любили Троцкий и Бухарин...»

Я понял, что тону. Сталин уже удалялся. «Товарищ Сталин! — заторопился я ему вдогонку.— В период борьбы с троцкизмом я еще был беспартийным и ничего в политике не понимал». Сталин остановился и воззрился на меня напряженным взглядом. Затем подошел к Маленкову, дотронулся ребром ладони до его руки и сказал: «Поговорите с ним хорошенько: надо... спасти человека».

Сталин ушел в какую-то незаметную дверцу, и все провожали его глазами. Маленков снова обратился ко мне: «Ну, вы видите, как расценивает вас товарищ Сталин! Он считает вас совершенно недостаточно выдержан-

ным ленинцем». «Да, но товарищ Сталин сказал, что меня надо спасти». Эта фраза вызвала такой гомерический хохот, что теперь уже невозможно было всерьез говорить о моем «преступлении».

Возвратился домой совершенно разбитым: на Оргбюро я шел молодым человеком, а вышел оттуда — дряхлым стариком. Боже мой! И эти люди руководят нашей культурой» *.

Как один из руководителей «идеологического фронта», Маленков назначал и снимал главных редакторов журналов. В 1950 году А. Т. Твардовскому неожиданно предложили возглавить журнал «Новый мир». Вместе с Фадеевым и Симоновым Твардовский был приглашен к Маленкову, на столе у которого лежала голубая книжка «Нового мира». Маленков спросил: «Вы знаете, чем толстый журнал отличается от тонкого?» Твардовский промолчал, а Маленков, выдержав паузу, наставительно сказал: «Толстый журнал печатает вещи с продолжениями». В одном из журналов в передовой статье вместо фразы «Страны народной демократии идут от капитализма к социализму» было напечатано: «Страны народной демократии идут от социализма к капитализму». Вопрос об этой ошибке, которую кое-кто счел «идеологической диверсией», разбирался лично Маленковым. На этот раз он проявил «снисходительность», и дело обошлось без арестов. Виновные отделались лишь строгими партийными взысканиями.

Маленков, Берия, Булганин и Хрущев были постоянными посетителями ночных ужинов у Сталина. Сталин и сам теперь нередко терял присущую ему прежде умеренность в еде и питье. Он очень часто спаивал и Маленкова. Уже под утро охрана привозила Маленкова домой, и два-три человека приводили его в чувство в большой

* Цит. по: *Озеров Л.* Возвращение // Книжное обозрение. 1988. № 38.

ванной комнате. Только к середине дня он обретал способность работать.

В начале 50-х годов на экраны страны вышел двухсерийный фильм «Сталинградская битва». В одном из его эпизодов показано, как Маленков, прибывший будто бы с особыми полномочиями на Сталинградский фронт, выступает перед уходящими в бой солдатами и говорит им о Сталине. Это был художественный фильм, где роли вождей исполняли известные артисты. Не было тайной, что картину несколько раз просмотрел и редактировал сам Сталин. Поэтому появление в фильме Маленкова расценивалось как знак особого доверия.

После войны у нас в стране не проводилось ни съезда, ни Всесоюзной конференции партии, что было явным нарушением Устава. Однако необходимость в созыве очередного съезда партии становилась все более настоятельной. Дело было не только в том, чтобы отчитаться за проделанную после 1939 года работу. Необходимо было обновить партийное руководство и избрать новый состав ЦК. Со времени XVIII съезда прошел целый исторический период. Война, послевоенное строительство, новая международная политика и новые репрессии существенно изменили характер партийного и государственного руководства. Некоторые из членов ЦК ВКП(б) были арестованы или даже физически уничтожены, часть из них умерла или отошла от активной деятельности. С другой стороны, выдвинулось много новых людей, которые руководили крупнейшими министерствами, ведомствами, областными и даже республиканскими партийными организациями, но которые не состояли в ЦК.

Подготовкой нового съезда занималась специальная комиссия ЦК, возглавляемая Маленковым. Именно ему Сталин поручил сделать на съезде Отчетный доклад. Конечно, это тоже было признаком особого доверия. Сам Сталин в то время был уже слишком слаб и стар, чтобы в течение трех-четырех часов произносить Отчетный до-

клад перед большой аудиторией. Но этого обстоятельства не знал никто, кроме самого ближайшего окружения. И не это было тогда главным доводом. Культ личности Сталина достиг в тот период таких размеров, что было бы странным ставить его перед необходимостью в чем-то отчитываться перед партией и народом и выслушивать какие-либо критические замечания делегатов съезда. Должность Генерального секретаря ЦК ВКП(б) была упразднена. Сталин оставался в партии лишь Секретарем. Наибольшее значение приобрела, как и во времена Ленина, должность Председателя Совета Министров СССР, которую занимал Сталин. Роль партии вообще была снижена. Партия не могла, например, контролировать деятельность карательных органов, которые подчинялись непосредственно Сталину. В этих условиях Сталин вовсе не считал своей обязанностью чтение Отчетного доклада на предстоящем съезде партии. К тому же незадолго до съезда в печати появился его новый труд «Экономические проблемы социализма в СССР», который сразу же был объявлен «гениальным» и «классическим». Он и должен был послужить основой для работы предстоящего съезда, тогда как Отчетный доклад казался лишь протокольной необходимостью. Такова была обстановка в нашей стране перед XIX съездом партии.

Авторханов утверждает, что перед съездом происходила какая-то закулисная борьба между Сталиным и Маленковым, в которой Маленков «осмелился открыто возражать Сталину» и даже одержал над ним политическую победу. *«Уже к смерти Сталина,— пишет Авторханов,— партия и ее аппарат фактически находились в руках Маленкова... В 1952 году на XIX съезде Маленков выступил с Политическим отчетом ЦК партии, который должен был, собственно, делать сам Сталин. После этого для всех было ясно — либо Сталин ему бесконечно доверяет и готовит в его лице себе преемника, либо Маленков и для Сталина стал такой силой, с которой приходится счи-*

таться. В свете последовавших после смерти Сталина событий я считаю правильным последнее предположение» *.

Все это чистые домыслы. Маленков при жизни Сталина никогда не осмеливался возражать ему, а тем более вступать с ним в какую-то борьбу. Только полное послушание Маленкова и его безоговорочная лояльность могли быть основой того доверия, благодаря которому Сталин поручил делать Политический отчет на XIX съезде именно Маленкову. Но это вовсе не означало, что он определен в «преемники» Сталина. Сталин не думал о смерти, он собирался еще жить и править страной долго. Более того, он намечал тогда провести новый тур репрессий, и съезд партии должен был послужить одной из подготовительных ступеней к ним.

XIX съезд партии

Нет необходимости особо останавливаться на содержании того Отчетного доклада, который был сделан Маленковым на XIX съезде партии. Его схему можно было без труда наметить заранее. Маленков не стал говорить о событиях Отечественной войны или о том, что ей предшествовало, хотя именно это было главным между XVIII и XIX съездами партии. Первый раздел своего доклада Маленков посвятил теме ослабления мировой капиталистической системы в результате мировой войны и обострения международного положения, проявлением чего была шедшая в то время война в Корее, а также «холодная война» между двумя мировыми системами.

Значительное внимание в докладе было уделено различным аспектам борьбы за мир, а также отношениям между СССР и дружественными ему странами. Мален-

* *Авторханов А.* Технология власти. С. 641—642.

ков отметил успехи промышленности, в крайне приукрашенных тонах говорил о состоянии сельского хозяйства. Так, например, он привел очень завышенные и не соответствовавшие действительности данные о больших урожаях зерна и под бурные аплодисменты заявил, что «зерновая проблема, считавшаяся ранее наиболее острой и серьезной проблемой, решена с успехом, решена окончательно и бесповоротно» *.

Не прошло и двух лет, как было установлено, что в стране существует крайне острый дефицит зерна, сельское хозяйство переживает тяжелый кризис и данные о валовых сборах зерна, которые приводил в своем докладе Маленков, основаны на фальсификации. Как известно, зерновая проблема в СССР не решена и до сих пор, она остается «острой и серьезной» поныне. В разделе доклада об укреплении советского государственного и общественного строя Маленков повторил известный сталинский тезис о необходимости всемерно укреплять и усиливать государственный аппарат, включая и карательные органы. Говоря о партийном строительстве, Маленков полностью оправдывал проведенные перед войной массовые репрессии. По его утверждению, в 30-е годы в нашей стране были уничтожены «выродки», «капитулянты», «гнусные предатели», «изменники», которые якобы только ждали военного нападения на Советский Союз, рассчитывая нанести в трудную минуту «удар в спину в угоду врагам нашего рода». Маленков заявил:

«Разгромив троцкистско-бухаринское подполье, являвшееся центром притяжения всех антисоветских сил в стране, очистив от врагов народа наши партийные и советские организации, партия тем самым своевременно уничтожила всякую возможность появления в СССР «пятой колонны» и политически подготовила страну к активной обороне» **.

* Правда. 1952. 6 окт.

** Там же.

Как и следовало ожидать, в разделе об идеологических проблемах Маленков ссылался в первую очередь на недавно опубликованную работу Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР».

Затронул Маленков и проблемы литературы. Он посетовал, что в нашей литературе и в искусстве до сих пор отсутствуют такие виды художественных произведений, как сатира.

«Неправильно было бы думать,— сказал Маленков,— что наша советская действительность не дает материала для сатиры. Нам нужны советские Гоголи и Щедрины, которые огнем сатиры выжигали бы из жизни все отрицательное, прогнившее, омертвевшее, все то, что тормозит движение вперед» *.

Разумеется, что заявление было чистейшей воды демагогией. Любая сатира и после XIX съезда продолжала рассматриваться как очернительство или клевета. Через год после съезда, когда Сталина уже не было в живых, сатирик Юрий Благов написал по поводу заявления Маленкова эпиграмму:

Мы за смех, но нам нужны
Подобрее Щедрины
И такие Гоголи,
Чтобы нас не трогали.

Маленков попытался даже дать некоторые теоретические определения. Так, например, он посвятил несколько минут в своем докладе «марксистско-ленинскому» определению понятия «типическое», «типичность». *«Типичность,— заявил Маленков,— соответствует сущности данного социально-исторического явления, а не просто является наиболее распространенным, часто повторяющимся, обыденным»* **.

* Правда. 1952. 6 окт.
** Там же.

Критик и литературовед В. Ермилов во втором издании своей книги о Гоголе поспешил отметить, что высказывания Маленкова о типическом имеют ценность первостепенного научного открытия: *«Для решения многих важнейших вопросов марксистско-ленинской эстетики, теории социалистического реализма важнейшее значение имеют замечательные по своей новизне, научной точности, широте взгляда на искусство положения доклада тов. Г. М. Маленкова о соотношении между типичностью и преувеличением, заострением художественного образа... Положения доклада тов. Г. М. Маленкова зовут художника к творческой смелости, широте, богатству, многообразию художественных способов проникновения в сущность нашей действительности, художественных форм и средств выражения типического»* *.

Однако другие литературоведы, обратившись к той же проблеме, с некоторым смущением обнаружили, что определение Маленкова почти полностью совпадает с тем, которое было дано в первом издании «Литературной энциклопедии» в статье «Тип», подписанной псевдонимом П. Михайлов (в действительности она принадлежала перу литератора Д. Святополк-Мирского, репрессированного в конце 30-х годов и погибшего в лагерях).

XIX съезд избрал новый состав ЦК ВКП(б), список которого был подготовлен Секретариатом ЦК и одобрен Сталиным. Неожиданными стали, однако, итоги первого Пленума нового ЦК, на котором следовало избрать руководящие органы Центрального Комитета. Открыв Пленум, Сталин предложил избрать не Политбюро, а Президиум ЦК, как это было определено теперь новым Уставом. Сам Сталин зачитал и список нового Президиума ЦК из 25 членов и 11 кандидатов. В списке оказались люди, которые никогда не входили в окружение Сталина, а с некоторыми из них он даже не встречался. Пред-

* *Ермилов В.* Н. В. Гоголь. 2-е изд., доп. М., 1953. С. 437.

ложение Сталина было одобрено, хотя и вызвало недоумение у многих членов недавнего Политбюро. Хрущев писал по этому поводу в своих воспоминаниях:

«Он (Сталин. — Р. М.) не мог бы этот список сам составить. Кто-то ему составил. Я, признаться, подозревал, что это сделал Маленков, но скрывает, нам не говорит. Я потом его так, по-дружески допрашивал. Я говорю, слушай, я думаю, что ты приложил руку... Он говорит, я тебя заверяю, что я абсолютно никакого участия не принимал. Сталин меня не привлекал и никаких поручений не давал, и я, следовательно, никаких предложений не готовил. Ну, тогда мы еще больше удивились...» *

Было избрано также Бюро Президиума из 9 человек. Но из этого Бюро Сталин уже после Пленума избрал «пятерку» для руководства партией. В нее вошли: Сталин, Маленков, Берия, Хрущев и Булганин. Был избран и Секретариат ЦК из 10 человек, ведущую роль в котором должен был играть Маленков.

Первый человек в партии

Вопрос о преемнике Сталина возник сразу же после того, как члены высшего руководства страны узнали о его безнадежном состоянии. У постели умирающего вождя между ближайшими его соратниками происходили осторожные переговоры о распределении власти. Маленков разговаривал об этом с Берией, а Хрущев с Булганиным. В сущности, все были согласны с тем, что именно Маленков должен будет занять наиболее важный в то время пост Председателя Совета Министров СССР. Это предложение внес Берия, Хрущев и Булганин согласились с ним. Однако одновременно было решено освободить Маленкова от обязанностей секретаря ЦК КПСС

* *Хрущев Н. С.* Воспоминания. Избранные отрывки. С. 103—104.

и сформировать более узкий Секретариат из пяти человек: С. Д. Игнатьева, П. Н. Поспелова, М. А. Суслова, Н. С. Хрущева и Н. Н. Шаталина. Никто из этих пяти человек не считался «первым секретарем», только Хрущев был членом нового, более узкого Президиума ЦК, и поэтому он председательствовал на заседаниях Секретариата. Тем не менее именно Маленков в первые месяцы после смерти Сталина оказался первым лицом не только в руководстве государственным аппаратом, но и в партии. Он председательствовал на заседаниях Президиума ЦК, с ним нужно было согласовывать все решения директивного характера.

На похоронах Сталина Маленков первым произнес краткую речь. По форме она напоминала известную «Клятву» Сталина, то есть его речь от 26 января 1924 года на II Всесоюзном съезде Советов. Только вместо повторяемых Сталиным слов: «Клянемся тебе, товарищ Ленин»,— Маленков повторял слова: «Наша священная обязанность состоит в том...»

В «Правде» появилась фотография, на которой были изображены Сталин, Мао Цзэдун и Маленков. Все остальные политики, стоявшие рядом, были удалены умелым ретушером. Сталин, Мао Цзэдун и Маленков были запечатлены во время подписания советско-китайского договора о дружбе и взаимной помощи 14 февраля 1950 года. Это была фальсификация. Дело в том, что эти государственные деятели никогда не фотографировались вместе. Подобный монтаж имел очевидную цель — возвеличить, укрепить авторитет нового советского лидера. На фотографии Сталин и Мао Цзэдун словно внимательно слушали Маленкова...

Маленков предпринимал шаги для своего продвижения к вершине власти, и в первое время после смерти Сталина его слово по всем важнейшим вопросам оставалось решающим. И он же занял достаточно активную позицию в деле критики культа личности. На заседание

Президиума ЦК КПСС 10 марта 1953 года, проходившее под председательством Маленкова, были вызваны «идеологи» П. Н. Поспелов, М. А. Суслов, главный редактор «Правды» Д. Т. Шепилов. Как вспоминал Поспелов, в ходе заседания Маленков подверг редакцию газеты резкой критике, заметив, что природа многих ненормальностей, имевших место в истории советского общества, крылась в культе личности. Подчеркнув, что перед страной стоят задачи углубления процесса социалистического строительства, Маленков отметил: «Считаем обязательным прекратить политику культа личности» *.

Разумеется, перед Маленковым после смерти Сталина возникло много сложных проблем. Он не мог, да и не хотел решать их единолично. Но и как позволить, чтобы кто-либо из членов Президиума ЦК взял бы на себя решение важных политических и организационных вопросов? На этой почве у Маленкова стали возникать конфликты с Берией, который произвел ряд важных перестановок в МВД — МГБ и стал вести себя так, как будто он заранее был уверен в одобрении Маленковым всех своих действий. Маленков считался другом Берии, но он не собирался быть пешкой в его руках. Это и привело к разрыву их политической дружбы и к тайному сговору с Хрущевым, в результате которого Берия был смещен и арестован.

Летом 1953 года Маленков выступил на сессии Верховного Совета СССР с важными предложениями по экономическим проблемам. Одним из них было значительное снижение налогов с крестьянства и аннулирование всех прежних долгов колхозов и колхозников. Маленков также сказал, что отныне партия может больше уделять внимания развитию промышленности группы Б, то есть предметов потребления. По мнению Маленкова, темпы

* См.: *Опенкин Л. А.* На историческом перепутье // Вопросы истории КПСС. 1990. № 1. С. 110.

развития производства средств производства могут быть несколько сокращены, а высвободившиеся фонды направлены на выпуск нужных населению потребительских товаров. Эти предложения надолго обеспечили Маленкову популярность среди населения и особенно среди крестьянства, ибо деревня впервые за много лет почувствовала некоторое облегчение. Среди простых людей появился и упорно держался слух, что Маленков — «племянник» или даже «приемный сын» В. И. Ленина. Главным основанием для подобной легенды было, вероятно, то обстоятельство, что мать Маленкова носила фамилию Ульянова. Она работала в первой половине 50-х годов директором санатория на станции Удельная Казанской железной дороги. Помогала освобождению многих незаконно репрессированных людей, пока сын не сказал ей, чтобы она не вмешивалась не в свои дела.

Маленков работал много, но держался уже тогда не только скромно, но и замкнуто. Он был недоступен даже для весьма ответственных работников; например, председатель КГБ И. А. Серов часто не мог подолгу попасть к нему на прием. Маленков крайне нетерпимо относился к пьянству, которое в последние годы правления Сталина стало обычным явлением в верхах партии. Воспоминания о пьянках у Сталина, видимо, вызывали отвращение у Маленкова. По его распоряжению были закрыты многие пивные и распивочные, что привело вскоре к славной традиции распивать «на троих» в подворотнях и подъездах. Несколько раз Маленков встречался и беседовал с видными экономистами, одного из которых он попросил внести «любые предложения», которые могли бы улучшить положение в экономике. Одновременно Маленков пытался укрепиться в руководстве страны, предполагая провести для этой цели некоторые перемещения. Так, например, у него сложились очень плохие отношения с Сусловым и соответственно с его близким другом — первым секретарем ЦК КП Литвы А. Ю. Снечкусом, которого

Маленков хотел заменить другим руководителем. В Литву была направлена специальная комиссия ЦК партии, возглавляемая ответственным работником аппарата ЦК Ю. В. Андроповым. Однако комиссия не нашла достаточных оснований для того, чтобы признать работу партийного руководства Литвы неудовлетворительной. На заседании Политбюро доклад комиссии получил одобрение, как и выступление самого Снечкуса. Маленков не решился в этих условиях выдвинуть свое предложение о снятии Снечкуса. После заседания Маленков подошел к Андропову, взял его за локоть и тихо сказал: «Я тебе этого никогда не прощу» *. И действительно, Андропов был вскоре освобожден от работы в аппарате ЦК и направлен послом в Венгрию. Он вернулся в ЦК уже в 1957 году.

Интеллигенция в отличие от крестьянства, которое, конечно же, ничего не знало о всей прежней деятельности Маленкова, относилась к нему с недоверием или даже с неприязнью. В стихотворении «О России», отражая эти настроения, поэт Наум Коржавин тогда писал:

В тяжелом, мутном взгляде Маленкова
Неужто нынче вся твоя судьба?..

Однако дипломаты по-прежнему гораздо больше симпатизировали Маленкову, чем энергичному и грубоватому Хрущеву, который нередко шокировал их своими вопросами и поведением. Американский посол Чарльз Болен писал в своих воспоминаниях:

«Впервые я встретил Маленкова на кремлевском банкете во время войны, но у меня не было случая поговорить с ним. Всегда казалось, что он незаметно стоит на заднем плане. В этот период он производил впечатление робота, самый зловещий прототип Сталина, с крупным, мрачным, почти садистским лицом, с челкой черных волос на лбу, с неуклюжей полной фигурой и репутацией

* Это и некоторые другие утверждения автора оспаривает сын Г. М. Маленкова. См.: Горизонт. 1988. № 12. С. 16.

злодея во время чисток тридцатых годов. Хотя, конечно, все сталинские помощники, включая Хрущева, приложили руку к этим чисткам. Избежать этого было невозможно.

Но в бытность мою послом я значительно улучшил мнение о Маленкове, чему способствовали наши встречи на кремлевских банкетах. Его лицо становилось очень выразительным, когда он говорил. Улыбка наготове, искры смеха в глазах и веснушки на носу делали его внешность обаятельной... Его русский язык был самым лучшим из тех, что я слышал из уст советских лидеров. Слушать его выступления было удовольствием. Речи Маленкова были хорошо построены и в них видна была логика. Представлялся он негромким, немного высоким голосом, и акцент указывал на образованность этого человека... Более важно то, что Маленков мыслил, на мой взгляд, в наибольшей по сравнению с другими советскими вождями степени на западный манер. Он, по крайней мере, разбирался в нашей позиции, и хотя он ее не принимал, но все же, я чувствовал, понимал ее. С другими лидерами, особенно с Хрущевым, не было никаких точек соприкосновения, никакого общего языка...» *

Ослабление власти и влияния Маленкова

Удаление Берии косвенным образом привело сразу же к ослаблению власти и влияния Маленкова: исчез из руководства важный союзник. Между тем ни Молотов, ни Каганович, ни Ворошилов, ни Микоян не питали никаких симпатий к Маленкову и были склонны поддерживать более простого и откровенного Хрущева. Многие обвинения, которые выдвигались Прокуратурой СССР против

* *Bohlen C.* Witness to History. P. 369—370.

Берии, задевали и Маленкова. Это в первую очередь касалось «ленинградского дела». К тому же сам Берия, находясь под следствием, пытался писать Маленкову различные записки, что вынуждало последнего как-то оправдываться перед другими членами Политбюро. Сказывался и тот простой факт, что Маленков, привыкший быть на вторых ролях при Сталине, не обладал достаточно твердым характером, чтобы теперь играть в партии первую роль. Он опасался принимать важные решения, проявляя колебания и неуверенность. Сталкиваясь с возражениями, он не мог настоять на своем. Пребывание в партийном аппарате не могло выработать у Маленкова тех качеств, которые у Хрущева развились благодаря десятилетней самостоятельной работе на Украине. К тому же Маленков, как оказалось, не слишком хорошо знал проблемы и состояние народного хозяйства, и особенно сельского. Маленков даже не претендовал на руководство сельским хозяйством и с облегчением передал подготовку всех основных реформ в этой области Хрущеву, который не только фактически, но и формально возглавил Секретариат ЦК, став Первым секретарем.

Арест Берии и суд над ним, закончившийся вынесением смертного приговора, сопровождались изменениями всего персонального состава карательных органов, во главе которых был поставлен ближайший сторонник Хрущева генерал Серов. Одновременно функции МВД — МГБ были значительно урезаны, в их задачу теперь не входил контроль за деятельностью партийных органов, а, напротив, МВД — МГБ были поставлены под твердый контроль ЦК КПСС, и прежде всего Секретариата ЦК, то есть Хрущева. Маленков уже не мог использовать, подобно Сталину, карательные органы в качестве опоры своей власти.

Эти факторы к осени 1953 года значительно ослабили роль Маленкова. Высший партийный аппарат все уве-

реннее и прочнее брал под свой контроль государственные и общественные организации, а первым человеком в партии был теперь уже не Маленков, а Хрущев. Без одобрения Хрущева не принимались никакие важные решения и назначения. В 1954 году казалось, что только Хрущев знает, что надо делать, дабы громоздкий корабль советского управления двигался вперед. Именно Хрущев выдвигал большую часть важных предложений во внутренней и внешней политике. Маленков просто не поспевал за своим энергичным и деятельным соратником. А главное, у него не было сторонников в руководстве, которые бы видели в нем своего шефа и покровителя, были бы обязаны ему своим выдвижением и готовы без оговорок выполнять его указания. В этих условиях вопрос о смещении Маленкова с поста главы правительства становился лишь вопросом времени. Когда началась реабилитация всех пострадавших по «ленинградскому делу», а также более отчетливо выявилась ответственность Маленкова за плохое состояние сельского хозяйства, тяжелый кризис которого скрывался фальсифицированными данными, Маленков не стал даже бороться за сохранение своей власти и ведущего положения в партийно-государственной верхушке. 24 января 1955 года в «Правде» была опубликована статья Д. Т. Шепилова «Генеральная линия партии и вульгаризаторы марксизма», в которой содержались критические замечания о Маленкове. И хотя фамилия последнего не упоминалась, адресат этих обвинений легко прочитывался.

На следующий день, 25 января, Пленум ЦК принял решение освободить Маленкова от обязанностей главы правительства. Было зачитано его заявление с признанием своих ошибок и ответственности за плохое состояние сельского хозяйства. Маленков ссылался в последнем случае на свою «малоопытность». На Пленуме с критикой Маленкова выступили некоторые из членов ЦК и Президиума ЦК, в числе которых был и Молотов. Одна-

ко критика была не слишком резкой. Через несколько дней стенограмма январского Пленума была зачитана во всех партийных организациях. Вскоре решения Пленума формально одобрил Президиум Верховного Совета СССР, который назначил Маленкова министром электростанций СССР.

В день Пленума ЦК многие родные и близкие Маленкова собрались у него в особняке. Такие особняки в районе Мосфильмовских улиц были только недавно построены для членов Политбюро по инициативе самого Маленкова. Все были обеспокоены и ждали хозяина дома. Он приехал очень поздно. Войдя в гостиную и увидев родных и близких, Маленков с явным облегчением сказал: «Все остается по-старому». Его сразу поняли. Никто не ждал, что Маленков и дальше будет главой правительства. «Остается по-старому» означало, что Маленков продолжает быть членом Президиума ЦК, что он будет не только министром, но и одним из заместителей Председателя Совета Министров СССР. А это, в свою очередь, подтверждало все прежние привилегии: что он будет жить в том же особняке и что он и его ближайшие родственники будут пользоваться тем же спецобслуживанием.

Было бы, однако, неверным думать, что Маленков столь легко смирился с происшедшими переменами. Внешне он сохранил с Хрущевым самые лучшие отношения, бывал даже на всех его семейных праздниках, делал подарки его родственникам. Но при этом Маленков мечтал о возвращении власти. По свидетельству Эдварда Кренкшоу, который встречался и беседовал с Маленковым в Англии в конце 1956 года, Маленков, обычно очень молчаливый (а тем более с иностранцами), неожиданно и со злостью заявил: «Я еще вернусь».

Вместо Маленкова Председателем Совмина СССР был назначен Н. А. Булганин.

Может быть, Маленков и удовлетворился бы своей более скромной ролью, но политика дальнейшего развенчания культа личности Сталина и более глубокого и основательного расследования его преступлений, которую проводил Хрущев, пугала Маленкова. Он высказывался против постановки этих проблем на XX съезде партии, но не смог помешать Хрущеву прочесть свой знаменитый доклад. Сам Маленков, выступая на съезде, сказал всего лишь несколько фраз о вреде «культа личности», что это извращение неизбежно ведет к принижению роли партии и ее руководящего центра, к подавлению творческой активности партийных масс, к безапелляционности единоличных решений, произволу. Основную же часть своей речи он посвятил проблемам электрификации СССР.

Разоблачение культа Сталина неизбежно ставило вопрос и об ответственности Маленкова, так же как и других приближенных вождя, за репрессии и гибель ни в чем не повинных людей, среди которых было немало выдающихся деятелей партии и государства. Правда, в 1956 году были реабилитированы далеко не все незаконно репрессированные люди. Уже в 1957 году Хрущев настоял на реабилитации большой группы военных деятелей во главе с Тухачевским и Якиром, арест и расстрел которых был санкционирован в 1937 году Политбюро (сам Хрущев в это время еще не входил в Политбюро). Было начато расследование, берущее под сомнение законность и обоснованность приговоров по таким фальсифицированным политическим процессам 30-х годов, как процесс Зиновьева — Каменева, Радека — Пятакова, Бухарина — Рыкова, в результате которых были приговорены к расстрелу десятки виднейших соратни-

ков Ленина, деятелей Октябрьской революции и гражданской войны. Все это переполнило чашу терпения большинства членов Президиума ЦК. Их объединил страх ответственности. Организаторами фракционной группы были Молотов и Каганович, но к ним сразу же присоединился и Маленков. Поражение этой группы было концом политической и государственной карьеры Маленкова. Он был исключен из Президиума ЦК и из ЦК КПСС и снят с ответственной работы в Совете Министров СССР.

Маленкова назначили директором Усть-Каменогорской ГЭС, построенной в верхнем течении Иртыша. Вскоре его перевели директором Экибастузской ГРЭС. Так же как и Каганович, Маленков был весьма либеральным директором, и ему однажды обком партии объявил выговор «за панибратство с рабочими».

В 1961 году после XXII съезда КПСС он был исключен из партии. На съезде говорили о преступлениях Маленкова, о его близости к Ежову и Берии и о многом другом. Он мог считать, что еще слишком легко отделался.

После XXII съезда КПСС Маленкову и Кагановичу все еще не позволяли вернуться в Москву. Каганович получил такое разрешение только в 1965 году, а Маленков — в 1968-м, после выхода на пенсию.

Маленков на пенсии

Переход из мира власти и привилегий, крайне замкнутого и в значительной мере секретного, в общий мир со всеми его трудностями и проблемами был крайне тяжел для всех, кого удаляли от власти. Но особенно он был невыносим для чопорного и не приспособленного к обычной жизни Маленкова, уже с молодости оказавшегося в советских «коридорах власти». Без поддержки

своей жены Валерии Алексеевны, которая как личность оказалась сильнее и умнее своего мужа, Маленкову было бы совсем трудно. Он и раньше не отличался особой общительностью. Он не предлагал журналам своих мемуаров, не занимался в читальных залах московских библиотек. Можно предположить поэтому, что он решил не писать своих воспоминаний.

Маленков, как утверждает его сын, большую часть года проводил в доме своей матери в поселке Удельная, под Москвой. Раньше он ездил по Москве и ее пригородам только в бронированном лимузине. Теперь же приходилось брать билеты на обычную электричку. В пути он молчал, иногда перебрасывался замечаниями с женой. Маленков сильно похудел, и поэтому его не всегда узнавали даже сверстники. Ежегодно летом Маленков отдыхал и лечился в привилегированных санаториях.

Однажды Маленков случайно встретился со старым большевиком Ю. Фридманом. «А ведь я, Георгий Максимилианович, именно благодаря вам провел пятнадцать лет в лагерях»,— сказал Фридман. «Я ничего об этом не знал раньше»,— ответил Маленков. «Но я же сам видел вашу подпись на моем деле»,— возразил Фридман. Маленков, не желая продолжать разговор, быстро отошел в сторону.

Несколько раз в течение последних двадцати лет Маленков посещал по каким-то своим делам Министерство электростанций СССР. Кроме дочери у него два сына, оба они ученые, доктора наук. О них я слышал только хорошие отзывы.

Необщительность и чопорность Маленкова скрывали не столько значительность, сколько посредственность его личности. Его преступления не будут забыты, сколь бы усердно он их ни отмаливал, пока был жив.

Маленков умер в январе 1988 года в возрасте 86 лет. О его смерти наша печать ничего не сообщала в отли-

чие от смерти Молотова. Отставного премьера похоронили узким семейным кругом на Кунцевском кладбище, и здесь не было ни одного западного корреспондента, они узнали о смерти Маленкова только через две недели. Все же большинство газет западных стран, пусть и с опозданием, подробно комментировали смерть несостоявшегося «наследника» Сталина. Мне трудно говорить о Маленкове как о талантливом государственном деятеле, способности которого были лишь деформированы или погублены страшной эпохой сталинизма. Нет, он был человеком вполне адекватным своей эпохе, которая находила и выдвигала таких людей.

Штрихи из жизни Михаила Суслова

Главный идеолог,
или «серый кардинал» партии

В конце января 1982 года печать, радио и телевидение СССР сообщили, что «на восьмидесятом году жизни после непродолжительной тяжелой болезни скончался член Политбюро, секретарь ЦК КПСС, депутат Верховного Совета СССР, дважды Герой Социалистического Труда Михаил Андреевич Суслов». Через четыре дня после смерти Суслов был похоронен с такими официальными почестями, с какими после марта 1953 года не хоронили в Москве ни одного из высших руководителей партии и государства.

А между тем Суслов, казалось бы, не принадлежал к тем политическим деятелям нашей страны, которые за последние пятнадцать лет привлекали внимание внешнего мира. О нем говорили и писали мало, да и сам он не стремился к «паблисити», старался держаться в тени. Никогда он не был ни министром, ни заместителем Председателя Совета Министров СССР и лишь в Верховном Совете СССР занимал незаметную должность председателя Комиссии по иностранным делам Совета Союза. Почти всю жизнь он проработал в аппарате партии. Он был, как и Маленков, прежде всего «аппаратчиком», но, пожалуй, еще более искусным. Суслов поднимался вверх по ступеням партийной иерархии медленнее других. 33-летний Молотов был уже одним из секретарей

ЦК РКП(б), так же как и 33-летний Каганович. Микоян в 33 года был наркомом и кандидатом в члены Политбюро, Маленков в свои 33 заведовал одним из самых важных отделов ЦК ВКП(б). Между тем 33-летний Суслов был рядовым инспектором Центральной Контрольной Комиссии. Но закончил он свою почти 80-летнюю жизнь не скромным пенсионером и не почетным членом ЦК, а человеком, облеченным огромной властью и занимающим второе место в партийной иерархии. Поэтому смерть Суслова вызвала так много откликов, толкований и прогнозов.

В последние семнадцать лет жизни Суслов считался главным идеологом партии. Как член Политбюро, отвечающий за вопросы идеологии, Суслов стоял на вершине пирамиды, выстроенной из множества идеологических учреждений. В ЦК КПСС он контролировал деятельность отделов культуры, пропаганды, науки и учебных заведений, а также два международных отдела. Суслов курировал Политуправление Советской Армии, отдел информации ЦК, отдел молодежных и общественных организаций. Под его руководством и контролем работало Министерство культуры СССР, Государственный комитет по делам издательств, Государственный комитет по кинематографии, Гостелерадио. Печать, цензура, ТАСС, связи КПСС с другими коммунистическими и рабочими партиями, внешняя политика СССР — все это входило в сферу деятельности Суслова. Ему приходилось, разумеется, работать в тесном контакте с КГБ и Прокуратурой СССР, особенно в связи с теми проблемами, которые объединяются не слишком ясным понятием «идеологическая диверсия». Немало забот доставляло Суслову и развившееся как раз в 60—70-е годы движение «диссидентов». Много внимания уделял Суслов фактическому (или, как говорят обычно, партийному) руководству деятельностью Союза писателей СССР. Он принимал участие во всех основных его совещаниях. Под

контролем Суслова находились и другие творческие союзы: художников, архитекторов, журналистов, работников кинематографии, а также Союз советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами, театры, эстрада и другие подобные организации. Система партийного просвещения, общество «Знание», подготовка школьных учебников, научные институты по общественным дисциплинам, отношения Советского государства с различными религиями и церковными организациями — и это далеко не все, чем ведал Суслов.

Особой его заботой было проведение многочисленных юбилеев: 50- и 60-летия Советской власти, 50-летия образования СССР, 100- и 110-летия со дня рождения В. И. Ленина — всего не перечислишь. В 1949 году Суслов — один из главных организаторов пышных торжеств по случаю 70-летия Сталина, в 1964 году — 70-летия Н. С. Хрущева, а в 1976 и 1981 годах — 70- и 75-летия Брежнева.

Сам он отличался скромностью и в личной, и в общественной жизни. Но умел при необходимости потакать тщеславию других. Хотя многие из названных выше юбилейных кампаний проводились с такой вызывающей примитивностью и сопровождались столь грубой лестью, что многие нередко спрашивали себя: чего хочет Суслов — поднять или уронить авторитет восхваляемых им лидеров партии?

Никто как будто не обвинял еще Суслова в жадности к материальным благам и наградам, стяжательстве, каких-либо излишествах, дорогу к которым открывала власть. Кое-кто из «верхних этажей» советского общества даже посмеивался порой над его аскетизмом. Но собственный аскетизм отнюдь не сочетался у Суслова с непримиримостью к чрезмерным запросам его партийных соратников, если дело не касалось проблем идеологии. Было немало случаев, когда Суслов оказывался крайне снисходителен к видным партийным и государ-

ственным работникам, замешанным в коррупции и материальных злоупотреблениях. Немало бумаг и докладных записок, которые должны были бы послужить поводом для немедленного судебного разбирательства и сурового наказания некоторых министров, секретарей обкомов, руководителей целых республик, прекращали свое движение в многочисленных сейфах кремлевского кабинета Суслова. Может быть, и в этом была одна из причин его влияния и власти?

Суслов очень ревностно относился к сохранению видимости внешней чистоты, нравственного благополучия и «близости к массам» окружавшей его партийной элиты. И всегда негодовал, если светлый мифологизированный образ «слуги народа» кем-то подвергался сомнению или еще хуже — критиковался. Характерный эпизод приводит в своих воспоминаниях журналист И. Шатуновский, в свое время (опираясь на идею Брежнева) опубликовавший в «Правде» фельетон об излишнем пристрастии жен и прочих родственников функционеров к путешествиям на служебных автомобилях по магазинам, ателье, баням и т. п. Публикация статьи вызвала недвусмысленную реакцию Суслова: *«После обеда мне позвонил редактор «Крокодила» Мануил Семенов:*

— Я только что из «большого дома». Твой сегодняшний фельетон в пух и прах разделал Суслов. Кричал, что «Правда» натравливает народ на руководящий аппарат... Так что смотри!

Я усмехнулся. А чего мне смотреть? Суслов не в курсе дела. Узнает, кто подсказал тему, и умоется... Я принимал поздравления еще два дня. На третий грянул гром. Случилось это на редколлегии, которую вел все тот же заместитель главного...

— Так вот, товарищи, мы получили очень строгое замечание от Михаила Андреевича,— сказал он.— Фельетон «Теща на «Волге» признан ошибочным и вредным...

Мне показалось, что я ослышался. Что происходит?

Брежнев против того, чтоб чьи-то тещи ездили на персональных машинах, а Суслов, выходит, «за»!.. Между тем в мою голову продолжали лететь кирпичи:

— Натравливает народ на руководящий аппарат... Потрафляет обывательским вкусам... Пытается вбить клин в морально-политическое единство...» * И подобные случаи не были единичны.

Интересный эпизод приводит в своей книге «Бодался теленок с дубом» А. Солженицын:

«Когда в декабре 1962 года на кремлевской встрече Твардовский... водил меня по фойе и знакомил с писателями, кинематографистами, художниками по своему выбору,— в кинозале подошел к нам высокий, худощавый, с весьма неглупым лицом человек — и уверенно протянул мне руку, очень энергично стал ее трясти и говорить что-то о своем крайнем удовольствии от «Ивана Денисовича», так тряс, будто теперь ближе и приятеля у меня не будет. Все другие себя называли, а этот не назвал. Я осведомился: «С кем же...» — незнакомец и тут себя не назвал, а Твардовский мне укоризненно вполголоса: «Михаил Андреевич...» Я плечами: «Какой Михаил Андреевич?..» Твардовский с двойной укоризной: «Да Суслов!!»... И даже как будто не обиделся Суслов, что я его не узнал. Но вот загадка: отчего так горячо он меня приветствовал? Ведь при этом и близко не было Хрущева, никто из Политбюро его не видел — значит, не подхалимство. Для чего же? Выражение искренних чувств? законсервированный в Политбюро свободолюбец? — главный идеолог партии!.. Неужели?» **

То, что в декабре 1962 года так удивило Солженицына, было всего лишь привычной для Суслова вежливостью, которая иногда походила даже на угодливость, если бы не те высокие посты, громадная власть, кото-

* *Шатуновский И.* Человек в футляре // Огонек. 1989. № 4. С. 27.

** *Солженицын А.* Бодался теленок с дубом. Париж, 1975. С. 326—327.

рыми он располагал. Суслов был предельно корректен почти со всеми, кого приглашал в свой кабинет. Крайне любезен он был, например, и с Василием Гроссманом, с которым встретился в 1961 году. А между тем речь шла тогда не о похвалах.

Встрече предшествовали драматические обстоятельства. Рукопись романа «Жизнь и судьба» (впервые появившаяся на страницах журнала «Октябрь» только в 1988 году) была в феврале 1961 года неожиданно арестована: органы КГБ изъяли из разных квартир и редакций все копии и черновики. Гроссман обратился с письмом к Хрущеву с просьбой вернуть свободу его книге: *«...Я прошу, чтобы о моей рукописи говорили и спорили редакторы, а не сотрудники Комитета государственной безопасности.*

Нет смысла, нет правды в нынешнем положении, в моей физической свободе, когда книга, которой я отдал свою жизнь, находится в тюрьме, ведь я ее написал, ведь я не отрекался и не отрекаюсь от нее». Через некоторое время Гроссмана вызвали к Суслову.

С. Липкин так передает подробности той продолжительной беседы: *«Суслов похвалил Гроссмана за то, что он обратился к Первому секретарю ЦК. Сказал, что партия и страна ценят такие произведения, как «Народ бессмертен», «Степан Кольчугин», военные рассказы и очерки. «Что же касается «Жизни и судьбы»,— сказал Суслов,— то я этой книги не читал, читали два моих референта, товарищи, хорошо разбирающиеся в художественной литературе, которым я доверяю, и оба, не сговариваясь, пришли к единому выводу — публикация этого произведения нанесет вред коммунизму, советской власти, советскому народу». Суслов спросил, на что Гроссман теперь живет, узнав, что он собирается переводить армянский роман по русскому подстрочнику, посочувствовал, трудна, мол, такая двухступенчатая работа, обещал дать указание Гослитиздату — выпустить пятитомное собра-*

ние сочинений Гроссмана, разумеется, без «Жизни и судьбы». Гроссман вернулся к вопросу о возвращении ему арестованной рукописи. Суслов сказал: «Нет, нет, вернуть нельзя. Издадим пятитомник, а об этом романе и не думайте. Может быть, он будет издан через двести — триста лет» *. Впрочем, благожелательность и участие Суслова оказались фальшивыми. Пятитомник не был издан, а Гроссмана вскоре практически вообще перестали печатать.

Если многие секретари ЦК, другие высшие руководители отличались у нас нередко грубостью и пренебрежением к подчиненным, то Суслов почти всегда был внимателен даже к самым рядовым работникам партийного аппарата и потому пользовался во многих его звеньях несомненной симпатией. Однако более наблюдательные люди говорили мне, что взгляд светлых, почти белых глаз Суслова неприятен, к нему было трудно подойти запросто, при всей корректности и вежливости он не мог подчас скрыть присущей ему сухости и равнодушия к судьбам людей. Его большие руки с длинными и тонкими пальцами напоминали руки пианиста, а не крестьянина, кем он был по своему происхождению.

Одним из главных лозунгов после октябрьского (1964 года) Пленума ЦК была «стабильность» в политике, руководстве, идеологии. И тем не менее 60—70-е годы были временем больших перемен и во внутренней, и внешней политике, и в составе руководства. Из членов Президиума ЦК КПСС, которые обсуждали в октябре 1964 года вопрос о смещении Хрущева, в 1981 году продолжали заседать в Политбюро только три человека: Брежнев, Кириленко и Суслов. Большинство членов старого Президиума было смещено, остальные умерли и похоронены у Кремлевской стены. Теперь рядом с ними покоится и прах Суслова.

* *Липкин С.* Жизнь и судьба Василия Гроссмана // Литературное обозрение. 1988. № 7. С. 101.

В аппарате ЦК Суслова называли «серым кардиналом». При этом имели в виду не только масштабы его власти, но и тщательно скрываемые источники могущества, а также стремление влиять на политические события из-за кулис. Трудно писать даже краткую биографию такого человека. Мы приведем поэтому лишь некоторые эпизоды из жизни Суслова.

Первые тридцать лет

Почти ничего не известно о первых тридцати годах жизни Суслова. И в Большой Советской, и в Исторической энциклопедиях, и в некрологе по случаю его смерти об этом говорится в одних и тех же выражениях и одинаково скупо.

М. А. Суслов родился 21 ноября 1902 года в селе Шаховском Хвалынского уезда Саратовской губернии в семье крестьянина-бедняка. Отец Суслова — Андрей Андреевич, также родом из Шаховского, с детства испытал привычные для крестьянского мальчика голод, нужду, упорный труд. В 1904 году он уезжает на заработки в Баку, работает на нефтепромысле. После революционных событий 1905 года попадает под надзор полиции. Человек деятельный и энергичный, Андрей Андреевич часто путешествует по стране, меняя род занятий. В 1913 году он организовал сельский кооператив в Шаховском, в 1916-м, собрав артель плотников, уезжает в Архангельск. Там его застают Февральская и Октябрьская революции. А. А. Суслов избирается в местный Совет рабочих депутатов. В 1919 году, вернувшись на родину, вступает в члены РКП(б), работает в Хвалынском укоме и горсовете. В автобиографии Суслов-старший упоминает о горестных семейных событиях — заболевании тифом двух его детей в 1920 году. С середины двадцатых годов ни о судьбе отца Суслова, ни о судьбе его братьев и сестер

ничего не известно. Во всяком случае, в отличие от семьи Кагановичей, никто из Сусловых не принимал видного участия в политической жизни страны. Мать Михаила Андреевича дожила до девяноста лет и умерла в начале 70-х годов в Москве.

В Шаховском М. А. Суслов получил лишь самое начальное образование. Рано проявил революционную активность. Когда весной 1918 года в стране начали создаваться комитеты бедноты, молодой Суслов вошел в бедняцкий комитет родного села. В феврале 1920-го вступил в комсомол, принимал участие в организации сельских комсомольских ячеек. До нас дошел любопытный документ — протокол заседания активных работников Хвалынской городской организации КСМ. На собрании еще юный Михаил Суслов читал собственный реферат «О личной жизни комсомольца». Наверное, уже тогда стал складываться начетнический и догматический стиль мышления, столь характерный для «идеолога страны» в его зрелые годы. Уже тогда юношеские требования к нравственной стороне поведения молодежи лектор изложил в виде «заповедей, что можно и что нельзя делать комсомольцу». Затем этот «кодекс морали» решено было опубликовать и распространить по другим ячейкам.

В 1921 году девятнадцатилетний Суслов вступил в Коммунистическую партию. Вскоре по путевке местной партийной организации он приехал в Москву учиться на Пречистенском рабфаке, который успешно окончил в 1924 году. Суслов решил продолжить учебу и поступил в Московский институт народного хозяйства имени Г. В. Плеханова, одновременно ведя педагогическую работу в Московском химическом техникуме имени Карпова и Московском текстильном техникуме. Успешно закончив МИНХ в 1928 году, Суслов для повышения квалификации был зачислен в Экономический институт красной профессуры, который готовил в то время кадры «красных преподавателей», новую партийную интеллигенцию. Со-

став преподавателей и в том и в другом институте был очень сильным, и можно предположить, что Суслов получил неплохую подготовку. Вопросы экономики, политэкономии и более конкретно — экономики переходного периода в 20-е годы были в центре внутрипартийной дискуссии. Из биографии Суслова мы можем узнать, что он активно боролся как против взглядов «левой», так и правой оппозиции.

В 1929 году молодой «красный профессор» стал преподавать политэкономию в Московском университете и в Промышленной академии. В этой академии как раз в 1929/30 году учился Хрущев. Между студентами академии, пришедшими сюда с активной партийной работы, и преподавателями существовали совсем иные отношения — менее официальные, чем сегодня. К тому же Хрущев был избран секретарем партийной организации Промакадемии. Поэтому можно без колебаний сказать, что Хрущев и Суслов были уже знакомы в то время. Однако близкого знакомства тогда не возникло. Это произошло лишь в конце 40-х годов.

В 30-е годы

Весной 1931 года решением ЦК ВКП(б) Суслов был направлен на работу в ЦКК — РКИ. Главное, чем он должен был заниматься, был разбор многочисленных «персональных дел», то есть нарушений партийной дисциплины и Устава партии, а также апелляций исключенных из партии. Видимо, Суслов неплохо справлялся со своими обязанностями. В 1933—1934 годах он активно участвовал в чистке партии в Уральской и Черниговской областях. В масштабах всего Союза этой чисткой руководил Каганович, который в начале 30-х годов стоял во главе Центральной Контрольной Комиссии и, безусловно, обратил внимание на старательного работника. С 1934 го-

да, после упразднения ЦКК, Суслов продолжал работу в Комиссии Советского Контроля. За этим последовало его значительное повышение.

Немало людей убеждены в ответственности Суслова за репрессии в Ростове-на-Дону и Ростовской области. Однако они исходят лишь из того факта, что в годы террора Суслов находился там на ответственной партийной работе. Сам он нередко говорил друзьям, что не уничтожал, а восстанавливал Ростовскую партийную организацию. Может быть, это и так. У нас нет никаких данных о личном участии Суслова в репрессивных кампаниях 1937—1938 годов. Но именно эти кампании, уничтожившие основную часть партийного актива, открыли для Суслова путь к быстрому продвижению наверх. Так, например, в 1937 году было ликвидировано почти все руководство Ростовского обкома партии. Суслова направляют в Ростовскую область заведующим отделом обкома. Жестокие репрессии в области продолжались, но они не коснулись Суслова, который вскоре стал секретарем обкома.

Аресты были настолько массовыми, что на некоторых предприятиях не осталось парторгов, областная партийная организация оказалась просто обескровлена. Арестованы и тысячи беспартийных инженеров и хозяйственных руководителей. На их место нередко выдвигались рядовые рабочие — «стахановцы». Однако им трудно было заменить опытных специалистов и обеспечить выполнение плана. Один из таких стахановцев, Никита Изотов, возглавивший угольные предприятия области, однажды в ярости ударил начальника Ростовского НКВД, который явился к нему за санкцией на новые аресты. В результате был смещен не Изотов, а начальник НКВД. Как раз в это время Наркомат внутренних дел возглавил Берия. В Ростовскую область для руководства управлением НКВД был направлен В. С. Абакумов. Некоторых арестованных даже освободили и восстановили на прежних должностях. В обкоме были рассмот-

рены апелляции членов партии, которых ранее исключили из ВКП(б), но оставили на свободе. Кроме того, перед XVIII съездом Суслов организовал быстрый прием в партию более трех тысяч новых членов.

Была обескровлена репрессиями и партийная организация обширного Ставропольского края. В 1939 году Суслова выдвинули на должность первого секретаря Ставропольского крайкома. Это был важный этап в его карьере. От Ставропольского края Суслов участвовал в работе XVIII съезда ВКП(б). Он не выступал, но был избран членом Центральной ревизионной комиссии. Еще через два года на XVIII партийной конференции его избрали членом ЦК ВКП(б). Это стало следующим важным шагом по направлению к высшим эшелонам власти.

Война
и первые послевоенные
годы

Война пришла на Ставрополье в 1942 году. Развивая летнее наступление, немецкие войска захватили Ростов-на-Дону и начали быстро продвигаться по территории Северного Кавказа. Остановить немецкое наступление удалось только близ города Орджоникидзе, недалеко от Грозного. Немецкая оккупация продолжалась, однако, менее года. В этот период основной задачей обкома партии была организация партизанского движения. Суслов возглавил Ставропольский краевой штаб партизанских отрядов.

Во время войны и оккупации несколько сотен проживавших в Ставрополье карачаевцев поддержали гитлеровскую администрацию. В городе Микоян-Шахаре был создан Карачаевский национальный комитет. Однако большинство карачаевцев поддерживали не этот комитет, а партизан. Тем не менее вскоре после освобожде-

ння края в октябре 1943 года Карачаевская автономная область была упразднена, а десяткн тысяч карачаевцев поголовно выселены из родных мест и в эшелонах отправлены на «спецпоселение» в Среднюю Азию и Казахстан. Разумеется, решение о выселенни мусульманских народностей с Северного Кавказа и из Поволжья было прннято в Москве Государственным Комитетом Обороны. Однако верно и то, что Ставропольский обком партин н его руководнтель Суслов полностью поддержалн это решение н помоглн проведению его в жизнь.

В период активных боевых действий на Северном Кавказе Суслову как члену военного совета Северной группы войск Закавказского фронта подчинялся полковнкк Л. И. Брежнев, который был тогда начальником полнтотдела 18-й армии и, в частности, помогал Суслову налаживать гражданскую и хозяйственную жизнь на Северном Кавказе. Но это было лишь мнмолетное знакомство, так как 18-я армия после освобождення Новороссийска ушла на Запад. Спустя 10 лет после боев на Северном Кавказе Брежнев, уже в звании генерал-лейтенанта, стал заместителем начальника Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота. В этот период он тоже должен был выполнять директивы Суслова, уже секретаря ЦК КПСС. В некоторых работах по советской историн высказывается предположение, что тогда н возник некий полнтическнй союз между Брежневым н более старшим по возрасту и положению Сусловым. Один автор даже намекает, что, якобы предвидя неизбежное столкновение со ставшим руководителем партии Хрущевым, Суслов начал выдвигать Брежнева как будущего преемника Хрущева *. Для 1953—1954 годов такое предположение безосновательно. И Суслов, и Брежнев относились в то время к Хрущеву с несомненной лояльностью. Но вернемся к карьере Суслова.

* См.: *Морозов М.* Леонид Брежнев. Биография. Штутгарт — Берлнн — Кельн — Майнц, 1973. С. 91.

К осени 1944 года большая часть Литвы была освобождена от немецкой оккупации. Партийную организацию республики возглавил старый подпольщик, еще в 1927 году избранный секретарем ЦК КПЛ А. Ю. Снечкус. Однако Сталин не доверял бывшим подпольщикам. К тому же коммунисты не пользовались в Литве значительным влиянием, и большая часть католического литовского населения выступала против советизации Литвы. Было решено поэтому сформировать не только ЦК Литовской компартии, но и специальное Бюро ЦК ВКП(б) по Литовской ССР, наделенное чрезвычайными полномочиями. Председателем Бюро был назначен Суслов.

Как известно, после ухода немцев в Литве началось упорное сопротивление новой власти, переросшее в длительную и жестокую партизанскую войну. В сущности, это была настоящая гражданская война, в которой одна часть литовского населения поддержала Красную Армию, а другая выступила против нее с оружием в руках. Состав партизанских отрядов «лесных братьев» был пестрым. Здесь находились и люди, сотрудничавшие с оккупантами, и богатые крестьяне, и дети литовской буржуазии. Но оказалось немало и простых литовцев, выступавших за независимость своей республики. Борьба была очень трудной и кровопролитной. В ходе ее значительную часть населения республики просто депортировали в Сибирь. Из городов выселили представителей буржуазии и других «чуждых» классов, членов бывшей литовской администрации, лидеров национальных партий, а из сельской местности — крестьян, обвиненных в помощи «лесным братьям». Военные действия длились два года, пока партизанское движение в республике не было полностью ликвидировано.

Суслов был послан в Литву Сталиным и наделен чрезвычайными полномочиями. Его влияние распространялось и на другие республики Прибалтики. Не следует

поэтому удивляться, что Суслов оставил по себе и в Литве, и в Прибалтике недобрую память. Когда он умер, многие литовцы открыто выражали свою радость.

Работа в ЦК ВКП(б)

Очевидно, Сталина вполне удовлетворяла деятельность Суслова. В 1947 году его переводят на работу в Москву, а на Пленуме ЦК избирают секретарем Центрального Комитета. В Секретариат тогда входили Жданов, Кузнецов, Маленков, Попов и сам Сталин. Суслов пользовался его полным доверием. В январе 1948 года именно Суслову было поручено от имени ЦК ВКП(б) сделать доклад на торжественно-траурном заседании по случаю 24-й годовщины со дня смерти Ленина. В 1949—1950 годах Суслов становится еще и главным редактором газеты «Правда». Его избирают членом Президиума Верховного Совета СССР. В 1949 году Суслов участвует в Совещании Информационного бюро коммунистических партий в Будапеште, где выступает с докладом, основным тезисом которого было осуждение Югославской компартии.

Еще в 1947 году Суслов сменил Г. Ф. Александрова на посту заведующего Отделом агитации и пропаганды ЦК. Он участвовал в кампании против «безродных космополитов», возглавлял комиссию, которая расследовала деятельность заведующего Отделом науки Юрия Жданова (сына А. А. Жданова), выступившего в 1948 году против Лысенко. Однако в целом роль Суслова как идеолога в 1947—1953 годах была невелика, ибо главным «идеологом» и «теоретиком» партии оставался сам Сталин.

Через несколько лет на XX съезде КПСС Суслов говорил о ненормальном положении, сложившемся в области идеологии в годы культа Сталина.

«Не подлежит сомнению,— заявлял он,— что распространению догматизма и начетничества сильно способст-

вовал культ личности. Поклонники культа личности приписывали развитие марксистской теории только отдельным личностям и целиком полагались на них. Все же остальные смертные должны якобы лишь усваивать и популяризировать то, что создают эти отдельные личности. Таким образом, игнорировались роль коллективной мысли нашей партии и роль братских партий в развитии революционной теории, роль коллективного опыта народных масс» *.

Одиако иетрудно убедиться, что Суслов как идеологический руководитель партии был воспитаи и сложился имеиио в сталинский период и печать догматизма, боязнь самостоятельиости и оригинальиости сохраиилась у него иа всю жизнь. Главным стремлеиием Суслова с первых же его шагов на поприще идеологии было ие допустить какой-либо идеологической ошибки, то есть не войти в противоречие с текущими политическими установками директивных инстаиций. Он хорошо зиал, что посредствеииость и серость идеологических выступлеиий иикем ие преследуется, тогда как одна лишь «идеологическая ошибка» может привести к коицу всей политической карьеры.

На XIX съезде партии Сталин включил Суслова в состав расширеииого Президиума ЦК КПСС. Ои вошел в ближайшее окружеиие Сталииа, что было призиаком доверия, но таило и иемалые опасиости. В декабре 1952 года чем-то иедовольиый Сталии резко заметил Суслову: «Если вы ие хотите работать, то можете уйти со своего поста». Суслов ответил, что будет работать везде, где иайдет это иужиым партия. «Посмотрим»,— с оттеиком угрозы сказал Сталии. Этот коифликт не получил развития. Суслов находился в составе Президиума ЦК всего

---

* XX съезд Коммунистической партни Советского Союза. 14—25 февраля 1956 года. Стенографическнй отчет. М., 1956. Т. 1. С. 284.

несколько месяцев. Сразу после смертн Сталииа чнслеиность Президиума была уменьшена, н Суслов в него уже ие вошел. Но он остался одним из секретарей ЦК КПСС.

В окружеиии Хрущева

Чрезвычайио энергнчный, чуждый догматнзму, склонный к переменам и реформам, Хрущев был по своему характеру прямой противоположиостью осторожному и скрытному Суслову. В своей «команде» Хрущев сам был и главным идеологом, и мииистром иностраниых дел, он непосредственно сиосился с руководителями других коммуиистических партий. Однако Хрущеву требовался член Полнтбюро, который руководил бы повседиевной деятельностью многочислениых ндеологнческих учреждеиий. Выбор его пал иа Суслова, и тот в 1955 году вновь стаиовится члеиом Президнума ЦК КПСС.

Вряд лн миогое в начинаииях Хрущева иравнлось Суслову. Однако еще в начале 50-х годов у иего сложились весьма неприязненные отношения с Малеиковым. Поэтому возможное возвышеиие Маленкова не сулило ничего хорошего ему и тем, кому ои покровительствовал. Неуднвнтельно, что в острой борьбе, которая вскоре развернулась в партийных верхах между группой Хрущева н так иазываемой «антипартнйной группой», Суслов прочно стоял на стороне Хрущева. Он поддерживал Хрущева на XX съезде КПСС н на буриом заседаиии Презндиума ЦК в июне 1957 года. Решающий для Хрущева июньский Пленум 1957 года начался с доклада Суслова, который изложил суть возиикших разногласий, ие скрывая, что сам он иа стороне Хрущева. После Суслова выступили Молотов, Маленков, Каганович, Булгаиин, которые повторили свон обвинения против проводимой Хрущевым политики. Они не сразу сдали свон позиции, поэтому Пленум продолжался иесколько дней. Но Суслов

на всех заседаниях активно поддерживал линию Хрущева.

В конце 50-х и начале 60-х годов сам Суслов начинает осторожно выступать против многих аспектов внешней и внутренней политики Хрущева. Суслов не хотел дальнейших разоблачений Сталина. Он настаивал на том, чтобы вопрос об антипартийной группе не поднимался ни на XXI, ни на XXII съездах. Хрущев в данном случае действовал по собственной инициативе. К тому же многие вопросы идеологического порядка он решал с помощью Ильичева или Микояна. У Хрущева не было «главного идеолога».

Для многих сосуществование Хрущева и Суслова было непонятным и загадочным. Размышляя на эту тему, Ф. М. Бурлацкий воссоздает некоторые интересные подробности этих взаимоотношений. *«Почему Хрущев так долго терпел в своем руководстве Суслова, в то время как убрал очень многих своих оппонентов? Трудно сказать — то ли он хотел сохранить преемственность со сталинским руководством, то ли испытывал странное почтение к мнимой марксистско-ленинской учености Михаила Андреевича, но любить он его не любил. Я присутствовал на одном заседании, на котором Хрущев обрушил резкие и даже неприличные нападки на Суслова. «Вот, пишут за рубежом, сидит у меня за спиной старый сталинист и догматик Суслов и только ждет момента сковырнуть меня. Как считаете, Михаил Андреевич, правильно пишут?» А Суслов сидел, опустив свое худое, аскетическое, болезненное, бледно-желтое лицо вниз, не шевелясь, не произнося ни слова и не поднимая глаз.*

На февральском Пленуме ЦК партии 1964 года Хрущев обязал Суслова выступить с речью по поводу культа личности Сталина. Это поручение было передано мне и Белякову... Мы вначале пытались диктовать стенографисткам, но ничего не получалось. А не получалось потому, что не знали, как писать для Суслова. Позиция его

была известна — осторожненькая такая позиция, взвешенная, всесторонненькая, сбалансированная, лишенная крайностей и резких красок. А поручение Хрущева было недвусмысленным — решительно осудить устами Суслова культ личности» *.

В начальной фазе разногласий с Китаем, когда полемика носила еще в основном идеологический характер, именно Суслов стал главным оппонентом Лю Шаоци, Дэн Сяопина и самого Мао Цзэдуна. Суслов редактировал все письма ЦК КПСС Китайской компартии. Он делал также в феврале 1964 года доклад на Пленуме ЦК о советско-китайских разногласиях.

Я уже писал выше, что в 1956 году Суслова вместе с Микояном и Жуковым направили в Венгрию — руководить подавлением восстания в Будапеште. Суслов активно участвовал в составлении проекта новой Программы КПСС.

Выступая с разъяснениями итогов июньского Пленума ЦК или XXII съезда КПСС, Суслов не раз восклицал: «Мы не дадим в обиду нашего дорогого Никиту Сергеевича!» Однако весной 1964 года (а может быть, и ранее) именно Суслов стал вести конфиденциальные беседы с некоторыми членами Президиума и влиятельными членами ЦК об отстранении Хрущева от руководства партией и страной. Главными союзниками Суслова были А. Н. Шелепин, не так давно назначенный председателем Комитета партийно-государственного контроля, и Н. Г. Игнатов, не избранный на XXII съезде в Президиум ЦК, но возглавивший Бюро ЦК КПСС по РСФСР. Активную роль в подготовке октябрьского (1964 года) Пленума ЦК играл и председатель КГБ В. Е. Семичастный. Эти люди и оказались главными организаторами Пленума, принявшего решение об освобождении Хрущева. Именно Суслов сделал на Пленуме доклад с перечис-

* *Бурлацкий Ф.* После Сталина // Новый мир. 1988. № 10. С. 189.

лением всех прегрешений и ошибок Хрущева. И с политической, и с теоретической точек зрения этот доклад — крайне убогий документ, начисто лишенный даже попытки как-то проанализировать сложившуюся ситуацию.

Суслов в 60-е годы

После вынужденной отставки Хрущева руководство партии уже не в первый раз провозгласило необходимость «коллективного руководства» и недопустимость какого-либо нового «культа личности». Хотя Брежнев и стал Первым (а с 1966 года — Генеральным) секретарем ЦК КПСС, он еще не пользовался такой властью, как в 70-е годы. Немалым влиянием пользовались в партийно-государственном аппарате Суслов и Шелепин, между которыми происходила закулисная борьба. К концу 1965 года казалось, что в этой борьбе одерживает верх Шелепин, прозванный «железным Шуриком». Многие из его личных друзей похвалялись, что скоро именно он станет Первым секретарем ЦК. Однако более опытный Суслов сумел потеснить Шелепина, который стал не первым, а третьим секретарем ЦК. Суслов добился удаления из Секретариата ЦК и Ильичева, функции которого были переданы Демичеву. Специалист по химическому машиностроению, Демичев, может быть, удовлетворительно справлялся с обязанностями первого секретаря Московского горкома партии, но как секретарь ЦК по идеологии он находился под влиянием Суслова. На XXIII съезде КПСС, весной 1966 года, многие наблюдательные делегаты могли видеть, что именно Суслов и есть главный режиссер съезда.

Одним из противников Суслова в ЦК оказался протеже Брежнева С. П. Трапезников, назначенный заведующим Отделом науки и учебных заведений. Трапезников возглавил не только этот ведущий отдел ЦК, но и кам-

панию по реабилитации Сталина, которая все интенсивнее проводилась в 1965—1966 годах. Суслов не считал тогда подобную реабилитацию целесообразной или, во всяком случае, своевременной. Поэтому он не стал поддерживать сторонников Трапезникова, напротив, сдерживал их порыв. В 1966 году пять докторов исторических наук, среди которых был и А. М. Некрич, направили Суслову письмо с подробным и обоснованным протестом против попыток реабилитации Сталина. Помощник Суслова Воронцов сообщил авторам письма, что Суслов с его содержанием согласен и что ответ на него будет дан на XXIII съезде КПСС. Однако на съезде Суслов не выступал, также как и многие другие члены Политбюро. Когда в следующем, 1967 году в Комитете партийного контроля решался вопрос об исключении Некрича из партии, Суслов отказал ему в личном приеме и не стал вмешиваться в дела КПК. Как победа сталинистов над более умеренными кругами партийного руководства была воспринята и замена главного редактора «Правды» А. М. Румянцева, вокруг которого еще раньше образовалась группа талантливых публицистов и журналистов. В 1967 году Суслов настоял на смещении председателя КГБ Семичастного, близкого друга Шелепина. Поводом для этого послужил побег в США дочери Сталина С. Аллилуевой и неудачные попытки КГБ вернуть ее в СССР. Председателем КГБ был назначен Ю. В. Андропов, который до этого работал под руководством Суслова, возглавляя один из международных отделов ЦК КПСС. Думается, что это назначение не случайно. К Андропову Суслов относился неприязненно и настороженно. Ф. Бурлацкий, много лет проработавший с Андроповым, свидетельствует: *«Юрия Владимировича Суслов не любил и опасался, подозревая, что тот метит на его место»* *.

Суслова очень пугали события в Чехословакии 1967—

* *Бурлацкий Ф.* После Сталина // Новый мир. 1988. № 10. С. 188.

1968 годов. Ему казалось, что в этой стране происходит то же самое, что в Венгрии в 1956 году. Когда в Политбюро возникли разногласия, как поступить в этом случае, Суслов твердо стоял за введение в ЧССР войск стран Варшавского Договора.

В конце 1969 года Суслов не поддержал уже почти полностью подготовленный проект реабилитации Сталина в связи с его 90-летием. Однако именно он фактически руководил разгоном редакции «Нового мира» — журнала, который выражал тогда настроения наиболее прогрессивной части советской творческой интеллигенции. Когда главный редактор журнала А. Т. Твардовский сумел связаться с Сусловым по телефону и выразил ему свой протест, Суслов сказал: «Не нервничайте, товарищ Твардовский. Делайте так, как советует вам Центральный Комитет».

В эти годы нередко запрещалась продажа книг, весь тираж которых был уже отпечатан. Обращаясь к Суслову, издательские работники ссылались на большую проделанную работу и немалые затраты. «На идеологии не экономят»,— отвечал в таких случаях Суслов.

И вместе с тем в идеологических вопросах он был не только догматичен, но часто крайне мелочен, упрям. Именно Суслов через своего помощника Воронцова решал вопрос о том, где именно нужно создать музей Маяковского (?) и «кого больше любил» поэт в конце 20-х годов: Лилю Брик, которая была еврейкой, или русскую Татьяну Яковлеву, жившую в Париже. Суслов был ярым противником публикации мемуаров Г. К. Жукова, и из-за этого работа над ними продвигалась крайне медленно, а Жукову это стоило по крайней мере одного инфаркта. В рукопись книги вносились произвольные изменения, порой вставлялись не только фразы, но и целые страницы, написанные отнюдь не рукой прославленного маршала. С другой стороны, многие куски из рукописи изымались. Известно также, что еще на октябрьском (1964 го-

да) Пленуме ЦК КПСС в вину Хрущеву, в частности, вменялась поддержка Лысенко, без которой тот был бы бессилен. В дальнейшем, однако, Политиздат выпустил (и переиздал) книгу Н. П. Дубинина «Вечное движение», в которой трагические события и факты, происходившие в генетике в 40—50-е годы, объяснялись «искренними заблуждениями» «народного академика»; такой нейтральный, сглаживающий острые проблемы подход к недавнему прошлому был поддержан Сусловым, для которого это было и его собственным прошлым. В этом плане весьма характерный эпизод приводит в своих воспоминаниях И. Шатуновский. После октябрьского Пленума Суслов распек и снял главного редактора «Правды» П. А. Сатюкова за то, что тот поместил в газете за последний год 283 снимка Хрущева, а в последний год жизни Сталина было напечатано лишь девять его изображений *.

Мы не знаем, думал ли Суслов о том, что он может со временем возглавить партию. Однако усиление личной власти Брежнева и расширение его аппарата, независимость многих его действий и выступлений вызвали раздражение Суслова. В конце 1969 года на Пленуме ЦК Брежнев произнес речь, в которой подверг резкой критике многие недостатки в хозяйственном руководстве и в экономической политике. Эта речь была подготовлена его помощниками и референтами и предварительно не обсуждалась на Политбюро. Здесь не было никакого нарушения норм «коллективного руководства», поскольку основным докладчиком на Пленуме был не Брежнев, он выступал лишь в прениях по докладу. Тем не менее после Пленума Суслов, Шелепин и Мазуров направили в ЦК КПСС письмо, в котором критиковали некоторые положения речи Брежнева. Предполагалось, что возникший спор будет продолжен на весеннем Пленуме ЦК. Но этот

---

* См.: *Шатуновский И.* Человек в футляре // Огонек. 1989. № 4. С. 28.

Пленум так и не состоялся. Брежнев заранее заручился поддержкой наиболее влиятельных членов ЦК, и Суслов, Шелепин и Мазуров сняли свои возражения. Шелепин еще продолжал по ряду вопросов выступать против Брежнева, пытаясь усилить собственное влияние в руководстве. В результате он был вначале перемещен на руководство профсоюзами, а затем и вовсе удален из Политбюро. Суслов, сохранив определенную самостоятельность, перестал критиковать Брежнева. Он удовлетворился вторым местом в партийной иерархии и ролью «главного идеолога».

Идеология в 70-е годы. Движение вспять

Вся идеологическая жизнь в нашей стране в 70-е годы контролировалась Сусловым и его аппаратом. Конечно, при желании можно отметить некоторые успехи в разных областях науки и культуры в 70-е годы. Но в целом здесь наблюдался не столько прогресс, сколько регресс, и этим мы во многом обязаны руководству Суслова. 60-е годы были временем многих перспективных начинаний в культуре, искусстве, общественных науках. Однако большинство из них не получило развития, они стали затухать уже к концу десятилетия и почти заглохли в 70-е годы. Для интеллигенции, для всех тех, кто создает культуру страны, это было плохое десятилетие. Никакого собственного вклада ни в теорию, ни в идеологию партии не внес и сам Суслов, его творческий потенциал оказался поразительно ничтожным.

Можно вспомнить, пожалуй, лишь тот факт, что именно Суслов в одной из своих речей первым употребил понятие «реальный социализм», которое может быть образцом уклончивости и неопределенности в теории. В отличие от термина «развитой социализм» понятие «реаль-

ный социализм» иногда употребляется и в настоящее время, но каждый вкладывает в него то содержание, какое считает нужным.

Суслову не нравилось все, что как-то поднималось над общим средним уровнем. Известно, например, что ему пришелся очень не по душе роман Вс. Кочетова «Чего же ты хочешь?». Слишком откровенный сталинизм Кочетова шокировал Суслова. Но его крайне раздражали и песни В. Высоцкого, пьесы Театра на Таганке. Суслов долго не разрешал к прокату фильмы «Гараж» Э. Рязанова и «Калина красная» В. Шукшина. Неизвестно, по каким соображениям Суслов долго препятствовал выходу на экран и фильма Рязанова «Человек ниоткуда». Говорили, что ему просто не понравилось название картины, а чиновники из кинопроката не хотели раздражать «главного идеолога». Суслов мешал публикации воспоминаний не только Жукова, но и Микояна. Но он же явно не одобрял и набирающее силу в конце 60-х годов русское «почвенничество», выразителем идей которого стали некоторые публикации, в частности в журнале «Молодая гвардия». Однако и большая статья одного из ответственных работников аппарата ЦК КПСС А. Н. Яковлева «Против антиисторизма», опубликованная 15 ноября 1972 года в «Литературной газете» и критиковавшая различного рода проявления «социальной патриархальщины» и национализма, также не понравилась Суслову определенностью и самостоятельностью суждений. Хорошо зная практику, при которой для ответственных работников статьи и речи составляются сотрудниками «менее ответственными», Суслов попросил своего помощника узнать, кто написал для Яковлева нашумевшую статью. Помощник вскоре доложил, что статью написал сам Яковлев. «Что он, Ленин, что ли»,— с раздражением заметил Суслов.

Бесспорно, Суслов был очень опытным аппаратчиком, он умело ориентировался в коридорах власти, у него

были крайне важные связи в военных кругах и в КГБ. Он постоянно поддерживал дружеские отношения с некоторыми известными, но далеко не лучшими представителями творческой интеллигенции.

Как я уже писал выше, Суслов держался всегда дружелюбно со всеми, даже с незначительными работниками своего аппарата и посетителями он неизменно здоровался за руку. В личной жизни был аскетичен, не стремился к постройке роскошных дач, не устраивал богатых приемов, не злоупотреблял спиртными напитками. Суслов не особенно заботился и о карьере своих детей. Его дочь Майя и сын Револий не занимали видных постов. Суслов не имел научных степеней и званий и не стремился к ним, как это делали Ильичев, получивший звание академика, или Трапезников, который после нескольких провалов стал все же членом-корреспондентом Академии наук СССР. Напротив, именно Суслов провел через ЦК решение, которое запрещало работникам, занимающим видные посты в аппарате партии, домогаться каких-либо академических званий. Все это, несомненно, похвальные качества для идеологического руководителя. Можно предположить, что Суслов хорошо знал теорию марксизма-ленинизма, то есть классические тексты. Вероятно, этого хватило бы для хорошего преподавания общественных дисциплин, но было совершенно недостаточно для главного идеолога партии.

Хотя Суслова именовали в некрологе «крупным теоретиком партии», на самом деле он не внес в партийную теорию ничего нового, не сказал здесь ни одного оригинального слова. За свою 35-летнюю деятельность на ответственных постах в ЦК Суслов не написал ни одной книги, и все его «сочинения» уместились в трех не слишком больших томах. Но что это за сочинения? Читать их подряд невыносимо скучно, в его речах и статьях постоянно повторяются одни и те же выражения и идеологические штампы. Суслов как будто сознательно избе-

гает ярких мыслей и сравнений, он не употребляет шуток, и его речи почти никогда не сопровождаются ремарками («смех», «громкий смех», «движение в зале» и т. п.) *. Да и что мы найдем в собрании его сочинений из трех томов, изданных в 1982 году?

Его речи как секретаря Ростовского обкома и Ставропольского крайкома — это обычные выступления рядового партработника: о воспитании молодежи комсомолом, о долге народного учителя нести в народ свет знаний, о важности своевременной и хорошей обработки земли, о необходимости добровольно работать для фронта и храбро сражаться против фашистов. Сделавшись ответственным работником ЦК КПСС, Суслов не сказал ничего глубокого и значительного. Добрых два десятка речей были произнесены им при вручении орденов Саратовской, Черновицкой, Павлодарской, Ульяновской, Ленинградской, Тамбовской областям, городам Одессе, Брянску, Ставрополю и другим. Подобные речи обычно готовятся для оратора сотрудниками аппарата ЦК и соответствующего обкома. Множество таких же заранее подготовленных аппаратчиками речей Суслов произнес на съездах зарубежных компартий: французской, итальянской, вьетнамской, индийской, монгольской, болгарской и других. Не отличались оригинальностью и его традиционные речи перед избирателями различных округов, от которых он баллотировался в Верховный Совет СССР и РСФСР. Большое место в «творческом наследии» Суслова занимают юбилейные доклады и речи — в годовщины смерти или рождения Ленина, в годовщины Октябрьской революции, к 70-летию II съезда РСДРП

* Любопытно, что один из главных помощников Суслова, Воронцов,— собиратель поговорок и афоризмов. Но при подготовке речей Суслова ему не удалось ни разу вставить в его тексты что-нибудь интересное из своей коллекции. Вообще составители речей Суслова отмечают, что он очень редко вносил в них какие-либо существенные изменения, разве только исключал некоторые фразы и абзацы.

и 40-летию VII конгресса Коминтерна, к 150-летию со дня рождения Карла Маркса. Если основную речь к тому или иному юбилею произносил Брежнев, то Суслов публиковал по этому поводу статью в журнале «Коммунист». Не слишком интересны и доклады, которые он делал регулярно на Всесоюзных совещаниях идеологических работников или преподавателей общественных дисциплин. Как правило, он всегда обходил наиболее острые и злободневные вопросы. К тому же, готовя свои выступления для публикации в сборниках, Суслов их тщательно редактировал. Он полностью убирал как восхваления, так и порицания Сталина или Хрущева, исключал примеры преступной деятельности Молотова и т. п.

Неудивительно, что сборники речей и статей Суслова не пользовались почти никаким спросом в книжных магазинах. Их первый завод в 100 тысяч экземпляров не расходился более двух лет, хотя его книги продавались в любом книжном киоске. Для нашей страны это очень небольшой тираж, так как в Советском Союзе не менее миллиона работников, профессионально занимающихся проблемами идеологии и общественными науками. Что касается сборника выступлений Суслова за 1977—1980 годы, то первый завод этой книги, стоившей всего 30 копеек, был отпечатан в количестве 50 тысяч экземпляров. Для политической брошюры это ничтожно мало. Да и разошлась она главным образом по библиотекам и парткабинетам. Вероятно, не более 20—30 тысяч преподавателей и пропагандистов истратили 2 рубля для приобретения в свои личные библиотеки сборников речей и статей Суслова. Не слишком впечатляющий результат многолетней деятельности «главного идеолога» партии!

Последние годы жизни

Суслов был не особенно крепок здоровьем. В молодости он перенес туберкулез, в более зрелом возрасте у него развился сахарный диабет. Когда он работал в Ставрополье и Литве, то после бурных объяснений с тем или иным работником у него начинались припадки, сходные с эпилептическими. В 1976 году Суслов перенес инфаркт миокарда. Он уже не мог много работать. По требованию врачей занимался делами не более трех-четырех часов в день.

Обычно большинство правительственных автомобилей двигалось по отведенной для них полосе вместе с машинами сопровождения на скорости до 120 километров в час. Но Суслов не разрешал своему шоферу делать более 60 километров в час. Иногда он останавливался возле Исторического музея и от Вечного огня через Александровский сад шел в Кремль. Более продолжительных прогулок он позволить себе не мог. Когда у Суслова побаливало сердце, он не возвращался домой, а оставался на ночь в специальной палате правительственной больницы на улице Грановского.

Все основные решения о «диссидентах» — от выдворения А. И. Солженицына, ссылки А. Д. Сахарова до ареста активистов «хельсинкских групп» — принимались при участии Суслова.

У него в эти годы сложились хорошие отношения с художником Глазуновым. Глазунов, долгое время считавшийся чуть ли не опальным художником, получил разрешение устроить огромную персональную выставку в Манеже, что очень высокая честь. Глазунов написал портрет Суслова, который тому весьма понравился. Но это вовсе не означало поддержку Сусловым русофилов. Именно он еще в 1970 году организовал специальное заседание Политбюро, которое осудило линию публика-

ций журнала «Молодая гвардия» и приняло решение о замене его редакционной коллегии.

Бурные события в Польше потребовали с августа 1980 года пристального внимания Суслова и вызвали у него большую тревогу. Весной 1981 года он предпринял поездку в Польшу, чтобы отговорить польский ЦК от проведения чрезвычайного съезда партии путем прямых выборов делегатов съезда *. Но Суслов смог добиться лишь некоторой отсрочки в проведении съезда. По его инициативе было составлено письмо ЦК КПСС руководителям Польской объединенной рабочей партии. Под его руководством проводилась осторожная, но настойчивая борьба с так называемым «еврокоммунизмом».

В начале января 1982 года у Суслова было особенно много неотложных и важных дел. Военное положение в Польше, острая дискуссия по этому поводу с Итальянской коммунистической партией. Продолжавшийся спор МХАТа с Институтом марксизма-ленинизма по поводу постановки в театре пьесы М. Шатрова «Так победим!» — о последних годах жизни Ленина. В этой полемике за решением Секретариата ЦК о запрещении спектакля стояло «авторитетное мнение» Суслова. В духе времени М. Шатров опасался последующих оргвыводов — лишения партбилета **. Чтобы спасти спектакль, Шатров и главный режиссер МХАТа О. Ефремов решили обратиться в Политбюро к Черненко, так как Брежнев болел и уже плохо ориентировался в реальной жизни. Для Черненко неожиданно оказалось выгодным защитить пьесу и театр. Авторам была предоставлена возможность «улучшить свое произведение».

Кроме того, Суслову пришлось заниматься и несколькими делами о хищениях и коррупции, в которых оказа-

* Автор опирается на сообщения в зарубежной прессе. *Ред.*

** См.: *Шатров М.* У политика всегда есть выбор // Международная жизнь. 1989. № 4. С. 14.

лись замешаны некоторые ответственные работники и люди с достаточно громкими фамилиями. К таким перегрузкам Суслов уже был неспособен. Он был стар, у него были поражены атеросклерозом сосуды сердца и мозга, ему нельзя было не только много работать, но и волноваться. Однако невозможно быть на столь высоком посту, какой занимал Суслов, и не волноваться, не вступать в конфликты, не получать неприятных известий. После одного внешне спокойного, но крайне резкого по существу разговора у Суслова повысилось кровяное давление и возникло острое нарушение кровообращения в сосудах мозга. Он потерял сознание и через несколько дней скончался.

Смерть Суслова вызвала много толков и прогнозов, но немногие испытывали чувство искреннего горя и сожаления, проходя мимо его гроба в Колонном зале Дома Союзов или наблюдая за торжественной процедурой похорон по телевизору. На небольшом кладбище у Кремлевской стены уже не так много свободных участков. Но для Суслова нашли место рядом с могилой Сталина.

После смерти Суслова

Попробуем восстановить в общих чертах хронику событий, последовавших за кончиной Суслова 25 января 1982 года. 27 января «Правда» и другие газеты напечатали некролог и медицинское заключение о смерти. В течение нескольких дней гроб с телом покойного был выставлен для прощания в Колонном зале Дома Союзов. Газеты были полны сообщений об официальной скорби. Церемония прощания была хорошо организована на не вполне добровольных началах. 29 января состоялись похороны. Траурный митинг на Красной площади открыл Генеральный секретарь Л. И. Брежнев, среди прочих высоких слов и восхвалений произнесший также: «Неоце-

ним вклад Михаила Андреевича в идейно-воспитательную работу партии, в разработку ее важнейших теоретических документов, в формирование и претворение в жизнь международной политики КПСС». Далее следуют еще более «точные» характеристики: *«Он (Суслов.— Р. М.) был известен коммунистам и широким кругам трудящихся многих стран как человек, беззаветно преданный великому учению Маркса — Энгельса — Ленина, твердо стоящий на страже его революционных принципов и активно помогающий его творческому развитию нашей партией на основе опыта современной эпохи»* *.

Прошло время — и мы ясно ощутили последствия влияния «главного идеолога» на международные отношения (резко ухудшившиеся после введения советских войск в Афганистан); с трудом начали избавляться от наследия той жесткой и негибкой политики, о «неоценимом вкладе» Суслова в которую говорил Брежнев. Прошло время — и риторический образ «стоящего на страже» Суслова воспринимается буквально как синоним охранительства, а понятие «творческое развитие» в данном случае предстает как воплощение догматизма, мертвенности мысли и торжества «высокой» демагогии.

Дифирамбы Брежнева подхватил тогдашний секретарь Московской партийной организации В. В. Гришин: *«Он (Суслов.— Р. М.) являл собой образец высокой партийности, организованности, ленинского стиля в работе... Михаил Андреевич был верным соратником Леонида Ильича Брежнева, пламенным пропагандистом и проводником ленинского курса КПСС»* **. Прошло время — и слова о «верном соратнике» и «проводнике» звучат иронически, почти как насмешка.

Затем выступил вице-президент АН СССР академик П. Н. Федосеев. Он говорил: *«Вся многогранная деятельность товарища Суслова являла живой пример ленин-*

* Правда. 1982. 30 янв.
** Там же.

ской партийности в идеологии и высокой политической бдительности... Многочисленные кадры советской интеллигенции высоко ценят заботу Михаила Андреевича Суслова о развитии науки и культуры, о научно-техническом и культурном прогрессе нашей социалистической Родины» *.

Прошло время — и возвращенные из небытия книги, спектакли, кинофильмы, картины и музыкальные произведения, а главное — множество искалеченных судеб художников достаточно свидетельствуют о цене этой самой «бдительности» и «заботы». Прошло время — и мы осознали (может быть, еще не в полной мере) ответственность выступавших тогда с трибуны Мавзолея ораторов за экономический и духовный застой страны, за необыкновенно развившуюся коррупцию, взяточничество, воровство, нравственное безразличие и лицемерие.

Прошло время — и воссозданная нами сцена похорон теперь воспринимается скорее как трагический фарс. Следующим его актом стали мероприятия по увековечению памяти Суслова. В постановлении ЦК КПСС и Совета Министров от 15 февраля 1982 года говорилось: *«Решено присвоить имя М. А. Суслова Ростовскому государственному университету и Невинномысскому оросительному каналу в Ставропольском крае, а также установить мемориальные доски в память М. А. Суслова на здании Московского института народного хозяйства, в котором он учился, на здании Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, где М. А. Суслов вел преподавательскую работу, и на доме № 19 по улице Большая Бронная в г. Москве, где он жил. Кроме того, поручено Мосгорисполкому, Ленгорисполкому и Ульяновскому облисполкому решить соответственно вопрос о присвоении имени М. А. Суслова одной из новых улиц в г. Москве и г. Ленинграде и одной из средних*

* Правда. 1982. 30 янв.

школ в Ульяновской области, а Министерству морского флота — о присвоении имени М. А. Суслова одному из пассажирских морских судов» *.

Правда, некоторые «материальные знаки» памяти оказались недолговечными. Летом 1988 года мемориальная доска, водруженная на здании МГУ (факультет журналистики), оказалась... залитой чернилами. Конечно, подобный способ протеста вряд ли можно одобрить. Тем не менее события развивались стремительно. Вскоре руководство журфака обратилось в партком университета с просьбой снять доску. Испорченный мемориальный знак временно прикрыли мешковиной, но после того как она несколько раз была сорвана, заключили в основательный металлический футляр с надписью «Ремонт». Ни студенты, ни преподаватели вуза не хотели соглашаться с присутствием имени Суслова на здании первого университета страны, здании, непосредственно связанном с историей отечественной культуры (в нем преподавали В. О. Ключевский, С. М. Соловьев, Ф. И. Буслаев, Н. Е. Жуковский и другие). Был проведен опрос общественного мнения, в результате которого выяснилось, что многим будущим экономистам и историкам имя бывшего «главного идеолога» вообще неизвестно, а большинство опрошенных студентов и преподавателей (86%) высказались за удаление «спорной мемориальной доски». Эту просьбу поддержали ректорат и партком МГУ. В феврале 1989 года здание было освобождено от мемориальной доски.

Видимо, ту же участь разделят и два музея Суслова, созданные после его смерти как бы по инициативе местных властей. Один был открыт в городе Хвалынске, в здании, некогда построенном по распоряжению Суслова в канун собственного 75-летнего юбилея. Наверное, о своем мемориале Суслов заботился заблаговременно. Тогда

* Правда. 1982. 16 февр.

же внутри были выложены три больших панно из кварцита, изображавшие Суслова, Брежнева и Ленина. Часть экспозиции составили документы, фотографии и личные вещи Суслова, переданные его дочерью. Другой (очень схожий по фондам) музей был организован в селе Шаховском Ульяновской области. Теперь оба музея — как давно забытые памятники. Паломничества к ним не происходит. И залы пустуют без посетителей.

В последнее время общественность страны все активнее выступает за переименование всех объектов, носящих имя Суслова. Но пока еще существует улица Суслова на Юго-Западе столицы и средняя школа в Ульяновской области, еще бороздит морские просторы теплоход «Михаил Суслов». И все же избавиться от имени Суслова на зданиях гораздо легче, чем изжить и преодолеть оставленное им наследство в области идеологии, культуры и политики.

Прорыв всей этой громоздкой и угрюмой плотины, сковывавшей свободное естественное течение общественной и духовной жизни нашей страны, произошел в апреле 1985 года. Обретаемый социализмом новый нравственный статус одновременно обернулся неизбежной политической смертью для Суслова, а точнее — для той авторитарной идеологической системы, творцом и порождением которой он был.

Искусство постепенно раскрепощается, шаг за шагом высвобождаясь из идеологического плена. Торжество соцреализма, провозглашенное в печати и с высоких трибун, всячески поддерживаемое «главным идеологом», оказалось при здравом рассмотрении фантомом, этаким подпоручиком Киже, возникшим ниоткуда и исчезнувшим неизвестно куда. Особенно это очевидно теперь, когда мы переживаем, казалось, навсегда запрещенные книги А. Платонова, М. Булгакова, А. Ахматовой, Н. Гумилева, В. Гроссмана, В. Шаламова, Ю. Домбровского и многих других. «Неожиданно» неоцененной и удиви-

тельно органичной частью русской литературы предстал творческий опыт деятелей послеоктябрьской эмиграции: Е. Замятина, В. Ходасевича, В. Набокова, Б. Зайцева, А. Аверченко, носивших до недавнего времени тяжеловесные «чугунные» ярлыки «белогвардейщины», «идеологически чуждых», «заблудившихся» и т. п. Наконец-то постепенно, хотя и болезненно, в сфере духовной культуры утверждается некогда утраченный, но единственно плодотворный способ ее существования — диалог. Вместо суррогата деления на «свое» и «чужое» с последующими оргвыводами, принятого у Суслова, предполагается уважение к другой точке зрения, стремление понять, проникнуть в ее внутренний смысл, спорить с ней и взаимообогащаться. Это показательно и по отношению к именам и книгам А. Галича, В. Некрасова, В. Войновича, А. Солженицына, Н. Коржавина (некогда насильно высланных или вынужденных уехать из Советского Союза не без участия Суслова), и по отношению к зарубежной литературе — Дж. Оруэллу, О. Хаксли, А. Кестлеру, У. Эко и другим.

Возрождаются не только книги, но и художественные фильмы. А. Тарковский, К. Муратова, А. Сокуров, А. Михалков-Кончаловский — вот далеко не полный перечень режиссеров, произведения которых возвращены на экраны страны. Более того, наконец советский гражданин (правда, еще в определенных дозах) может самостоятельно разобраться и оценить фильмы Л. Бунюэля, Ф. Феллини, Б. Фосса, М. Формана, В. Аллена, сам может послушать музыку Шнитке и Губайдулиной или ужаснуться «разложению и деградации» современной западной поп- и рок-культуры. Сам может увидеть «извращенное восприятие действительности» С. Дали или «формализм» и «безыдейность» русского авангарда XX века.

Постепенно мы начинаем понимать, что марксизм не стал за семьдесят лет «единственно правильным и вер-

ным» учением от того, что все «прочие идеалистические бредни» (определение в духе Суслова) с порога отвергались; непрочитанные и неисследованные, они огульно приговаривались к забвению. Так, часть нашей культуры составляет «нравственно взыскующая» русская религиозная философия — П. Флоренский, Н. Бердяев, С. Булгаков, В. Розанов, В. Соловьев. К сожалению, ее традиции оказались искусственно прерванными.

Сегодня приобщение к каждому новому имени художника или мыслителя, к его самобытному таланту, индивидуально-неповторимому пониманию мира становится важным общественным актом, разрушающим ту внушительную стену между человеком и культурой, которую столь старательно вслед за Ждановым возводил и Суслов.

ОГЛАВЛЕНИЕ

В книге использованы
фотографии из архивов
А. Гостева, Ю. Садовникова,
К. Трошкиной-Савельевой.

Медведев Рой Александрович

ОНИ ОКРУЖАЛИ СТАЛИНА

Заведующий редакцией *В. М. Подугольников*
Редактор *Н. Б. Чунакова*
Младший редактор *Н. В. Квашук*
Художник *В. И. Терещенко*
Художественный редактор *А. Я. Гладышев*
Технический редактор *О В. Лукоянова*

ИБ № 8609

Сдано в набор 20.12.89. Подписано в печать 26.03.90. А00052. Формат $70\times108^1/_{32}$. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Усл. печ. л. 16,45. Усл. кр.-отт. 18,55. Уч.-изд. л. 16,38. Тираж 400 000 (1—200 000) экз. Заказ № 489. Цена 2 руб.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий». 103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

2 руб.

Издательство политической литературы